

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

И. А. БАТМАНОВ

СОВРЕМЕННЫЙ
КИРГИЗСКИЙ ЯЗЫК

Вып. I
ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
Фрунзе 1963

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Киргизской ССР*

Ответственный редактор — чл.-корр. АН Киргизской ССР, проф.
К. К. Сартбаев.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга ранее издавалась под названиями: «Фонетическая система современного киргизского языка» (1946 г.), «Современный киргизский язык» (1953 г.) и в качестве одного из разделов коллективного труда «Азырки кыргыз тили, I бөлүм» (1956 г. Авторы других разделов—Г. Бакинова и Ю. Яншансин).

Она предназначена для учителей русского языка в киргизской школе и для аспирантов-тюркологов. Объектом описания в ней является современный литературный киргизский язык, представленный в устной и письменной разновидностях.

В данном издании, в отличие от предыдущих, сокращены положения, относящиеся к вопросам общего языкознания, расширены историческая часть и элементы общей тюркологии (перенесенные из «Краткого введения в изучение киргизского языка», Фрунзе, 1947 г., с некоторыми сокращениями и уточнениями), исключен раздел о письменности, так как после переработки предполагается издать его в виде отдельной брошюры.

Фрунзе, 10 ноября 1962 г.

Автор

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЙ К ПРЕДЫДУЩИМ ИЗДАНИЯМ

Первые научные сведения о киргизском языке были даны акад. В. Радловым в его «Фонетике», посвященной сравнительному описанию звуковых особенностей ряда тюркских языков. Во введении к ней изложена краткая справка о расселении и составе северных тюркских племен, в том числе и киргизов; в частности, приводятся данные о происхождении киргизского самоназвания.

Фонетическая система киргизского языка в этой работе не выделена автором в самостоятельный раздел, а в соответствии с системой построения всего труда рассматривается в отдельных параграфах различных глав.

В ней были освещены такие вопросы:

1. Состав гласных (§ 16) и позиционное размещение их в соседних слогах;
2. Явления сингармонизма (классификация языков по ступеням сингармонизма);
3. Состав согласных и их позиционное размещение;
4. Комбинаторные изменения согласных (в связи с изменениями в других тюркских языках);
5. Классификация тюркских языков.

Отражая основные особенности киргизского языка, В. Радлов отмечал, однако, ряд черт, не находящих подтверждения в современном киргизском языке.

А. В области вокализма. В системе вокализма киргизского языка В. Радлов выделял 9 (а не 8) кратких гласных: а, э, ә, о, ө, у, ү, ы, и¹, т. е. противопоставлял «э» и ә=ä как две разновидности переднеязычного нелабиализованного гласного среднего подъема, указывая, что «э» употребляется лишь в первых слогах.

Это не подтверждается фактами современного киргизского

¹ Транскрипция заменена.

языка, т. к. «э» позиционных вариантов в киргизском языке не имеет; приводимые В. Радловым примеры «бергән», «келгән» и т. п. звучат в современном киргизском языке как «берген», «келген» и т. п.

В речи представителей старшего поколения (современников В. Радлова) положение о двух вариантах «э» пока также не находит себе подтверждения.

Б. В области консонантизма. 1. В. Радлов относил киргизский язык к йокающей разновидности тюркских языков, отмечая употребление «й» в начале слова (§ 176, стр. 127). Хотя в отдельных случаях комбинаторно и возможно ж (дж) → й (б а л а с ы ж о к произн. б а л а с ы й о к — у него нет детей), в абсолютном же начале слова употребление «й» в северных говорах киргизского языка не известно.

2. В. Радлов выделял в системе киргизского консонантизма «ль» и «л» как две самостоятельные фонемы (§ 176), тогда как «ль» и «л» являются лишь комбинаторными вариантами одной фонемы.

В ряде диалектов киргизского языка вообще не существует различия «л» и «ль» благодаря наличию среднего «л», являющегося рефлексом конвергенции «л» и «ль».

В другой своей работе — «Образцы народной литературы северных тюркских племен», ч. V (СПб., 1885) — В. Радлов дал материалы по киргизскому языку, собранные им во время поездок в Киргизию в 1862 и 1869 гг.

Запись производилась В. Радловым в трех пунктах:

1. На Текесе — от представителя рода Бугу.
2. На запад от Иссык-Куля — от представителя рода Сары-Багыш.
3. На юго-восток от Токмака — от представителя рода Солто.

Основное содержание записей — ряд эпизодов из эпоса «Манас» (включая и похождения Тёштюка).

Во время поездок к киргизам, как это отмечает и сам В. Радлов, он не заметил значительных диалектных особенностей «и потому не счел нужным собирать материалы в различных местностях» (стр. II).

Хотя В. Радлову, судя по маршруту обследования и по содержанию записей, не удалось встретить представителей южных говоров, как не были им встречены и представители айс-а (вм. н а й з а)-группы, утрачивающей «н» в начале слова, тем не менее, из примеров видно, что имеются колебания, свидетельствующие либо о том, что им были произведены записи от объектов с и з-групп, либо о том,

что В. Радлов, исправляя текст записи, пропустил в некоторых случаях незамеченные им диалектные особенности.

Как общее правило, в записях отмечается заглушение конечного «з»: йе!могус (стих 53) — обжора (вместо желмогуз), йус (стих 157) — сто (вм. жүз), сөс (на стр. 7, стих 55) — слово (вм. сөз), б и с к е (стр. 9, стих 102) — нам (вм. б и з г е) и т. п., что не соответствует сохранению «з» в таких, например, словах как н а й з а (стих 54) — копые, ибо при произношении его в виде н а й з а должно быть б и з г е, либо, наоборот, при произношении б и с к е должно быть н а й с а, так как в этих словах «з» и «с» должны размещаться одинаково.

Точно также, вместе с сохранением «з» в н а й з а (вместо чуйского н а й с а), в записях Радлова последовательно фиксируется к ы с ы (вм. кызы) — его дочь и т. п.

Это говорит о различном размещении «з» и «с», являющимся одной из отличительных признаков северных говоров киргизского языка, в составе которых выделяется, во-первых, группа с общетюркским размещением с и з и, во-вторых, группа с обратным размещением з и с, где з → с.

В единичных случаях в записях В. Радлова встречаются уклонения от нынешних норм северных говоров:

1. Стр. 6, стих 7: Ал т ы н а і д а р, ч о к б е л б ө ү — золотокопый, кистопоясый (в действительности же здесь — ч о к б е л б о о).

2. Стр. 31, стих 861: а р а к т а н а л ы п к е і д и л ә р — принесли водки.

3. В числе других особенностей в записях Радлова, как и в его «Фонетике», отмечено йоканье в начале слова. Например, в стихе 19 «джайы» передано в виде «й а й ы».

В предисловии к «Образцам» на стр. IX В. Радлов, последовательно заменяя «ж=дж» через «й», так транслитерирует собственные имена: Йолой (вм. Жолой), Ямгырчы (вм. Жамгырчы), Югөрү (вм. Жүгөрү), Якуп-хан (вм. Жакуп-хан) и т. п.

4. Как в «Фонетике», так в «Образцах» и в «Опыте словаря тюркских наречий» (СПб., 1893) В. Радлов последовательно выделяет две разновидности «е (э)»и, кроме того, в работе «Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems», отмечает четыре степени протяжения гласных, обозначая их соответственно различными надстрочными значками¹.

¹ О записях В. В. Радлова см.: С. Кондучалова. В. В. Радловдун жыйнаган материалдарындагы кыргыз тилинин фонетикалык өзгөчөлүктөрү. Фрунзе, Изд. АН Киргиз. ССР, 1961..

Помимо работ В. Радлова, образец фонетической записи киргизского текста дан доктором Алмаши в статье «Der Abschied des Helden Manas von seinem Sohne», помещенной в журнале «Keleti Szemle» (1911, т. XII, стр. 216).

Статья содержит 70 строк транскрибированного текста из эпоса «Манас» (прощание Манаса с Семетеем), перевод его, 25 примечаний грамматического порядка и несколько замечаний по поводу формальной стороны киргизского стихосложения.

Объект, во-первых, был представителем джокающей группы.

Во-вторых, различал «з» и «с» в общетюркском их размещении.

В-третьих, сохранял *н* в начале слова.

Судя по этим признакам, объект был представителем пржевальского диалекта (а не чуйского, где отмечается обратное размещение «з» и «с»).

В транскрипции Алмаши имеются явные неточности, не находящие подтверждения на фактах киргизского языка. Основной из них является неправильная передача долгих гласных в случаях, где в действительности имеются краткие гласные. Если транслитерировать запись автора на основе нового алфавита, то она примет следующий вид:

Стих 5:

Ааргын мээнен Ногойго
Амаандашып көрүштүү

Аргынов и Ногоев
Приветствуя, поздоровался.

Стих 8:

«Ааттанып кээтип бараасың
Амаан соо келгин!» — деп

«Ты снаряжаешься в поход,
Возвращайся живым и невредимым!» — сказал.

Причиной такой неправильной передачи долгот, вероятно, является то обстоятельство, что текст был записан при песенном исполнении, когда растягиваются слоги, в которых не содержатся долгие гласные.

Второй неточностью является необоснованное различие двух комбинаторных разновидностей «э»; например, в слове *м е н е н* — с (стих 33).

В некоторых словах отмечаются необычайные сочетания гласных. *К а н ы к е й* транскрибировано в виде *К а н и к е й* (стих 32). В примечании дано «а а в о л ө» — сначала и т. п.

В отдельных случаях не отражены и явления ассимиляции согласных; напр., в стихе 3 написано *М а н а с д а* и т. п. вместо *М а н а с т а*.

С другой стороны, правильно отмечены отступления от

норм лабиально-сингармонистического чередования, обнаруживаемые в живой речи:

Стих 31. Ба а т ы р ж у р е б е р е р д е — когда двигался богатырь (лит. норма: ж у р ө) и т. п.

Фиксируется также и вариант б с неполной смычкой (точка под буквой), как в слове «Чубак» и т. п.

В целом же текст этот в фонетическом отношении является ненадежным и может представлять интерес только лексико-грамматический.

Если в области фонетики киргизского языка дооктябрьская тюркология дала, в общем, так мало, то по морфологии и синтаксису она не оставила нам ни одной работы по систематическому описанию киргизского языка. Таким образом, в качестве наследия дооктябрьской тюркологии мы имеем лишь отдельные попутные замечания в работах О. Бётлингка, В. Радлова, Н. Ильминского, П. Мелиоранского, Ф. Корша, Н. Ф. Катанова, В. А. Богородицкого и др., посвященных описанию особенностей других тюркских языков.

Специальное научное изучение киргизского языка начато лишь после Великой Октябрьской социалистической революции как отдельными научными работниками, так и Научно-исследовательским институтом краеведения, основанным в 1928 г. (ныне — Институт языка и литературы Академии наук Киргизской ССР).

К числу работ по киргизскому языку относится, в первую очередь, «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина¹, в котором впервые собрана основная часть киргизской лексики, вскрыта ее семантика на примерах живой речи и фольклора, с иллюстрацией частных значений слов фразеологическим материалом.

Словарь отражает фонетические дублеты, диалектные особенности и отмечает произношение отдельных слов в их различных диахронических вариантах. При объяснении значений отдельных слов (напр., вспомогательных глаголов или служебных слов э л е, э к е н и др.) автор дает ряд весьма ценных замечаний грамматического порядка.

Словарь является первым основным источником для анализа как киргизской лексики, так и ее грамматических особенностей. Из него нами почерпнуто для данной работы много ценных сведений.

Большим событием в культурной жизни Киргизии явился выход в свет «Русско-киргизского словаря» под редакцией К. К. Юдахина (1957).

¹ М., ГИИНС, 1940.

В числе трудов по киргизскому языкознанию следует назвать докторские диссертации К. К. Сартбаева «Основные вопросы синтаксиса сложного предложения в современном киргизском языке» и Б. М. Юнусалиева «Развитие корневых слов в киргизском языке», большое число кандидатских диссертаций, учебников, книг и статей¹.

¹ Подробнее см.: К. Каракеев. Развитие науки в Советском Киргизстане. Фрунзе, Изд. АН Киргиз. ССР, 1962, стр. 106—111. Н. А. Баскаков. Тюркские языки. ИВЛ, 1960, стр. 210. Н. Бейшекеев. Киргизский язык (Библиографический указатель литературы 1929—1959 гг.), Фрунзе, Изд. АН Киргиз. ССР, 1961.

ТРАНСКРИПЦИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1. В основу транскрипции в настоящей работе положен современный киргизский алфавит, построенный на основе русской графики.

II. Буквы *к*, *г*, *ж* имеют двойное значение в соответствии с правилами их употребления в киргизской письменности:

а) *ж*=*дж* (в латинизир. графике — *ç*), а в тех случаях, когда эта буква передает спирант *ж*, это особо оговаривается;

б) *к*, *г* в сочетании в одном слове с задними гласными соответствуют буквам *q*, *q̇* латинизированного алфавита.

Передним гласным *к* и *г* соответствуют *кь* и *гь*.

В русских словах эти буквы принимаются в значении, соответствующем произношению их по-русски.

Таким образом, в нашей транскрипции буквы «*к*» и «*г*» могут употребляться в трех значениях:

1) переднеязычных *кь* и *гь*;

2) заднеязычных вариантов, типа русских *к* и *г*, в соответствии с русским произношением слов *колхоз*, *газета* и т. п.;

3) увулярных *къ* и *гъ* (в латинизированном алфавите — *q*, *q̇*, как в словах *кол* — рука, *чыгыш* — выход и т. п.).

III. Долгие гласные передаются двойными буквами.

IV. Дополнительно к киргизскому алфавиту, построенному на основе русской графики, введены следующие знаки:

Б — для «*б̆*» с неполной смычкой;

W — для второго компонента нисходящего дифтонга;

v — для билабиального «*в*»;

f — для билабиального «*ф*» (Буква же «*ф*» обозначает губно-зубной вариант «*ф*»);

h — для обозначения гортанного спиранта;

o — для обозначения открытого (широкого) варианта «*о*»;

a — для обозначения переднего варианта «*а*»;

i — для обозначения *i-mutabile*.

V. Как правило, передние варианты согласных, входящих

в состав слога, содержащего передний гласный, особо не обозначаются.

Пишется: *кел, көл* и т. п.

Читается: *кель, көль* и т. д.

По техническим причинам, в цитируемых примерах других авторов транскрипция заменена (как общее правило). Лишь в отдельных случаях сохраняются знаки транскрипции В. В. Радлова для гласных.

VI. В настоящей работе применены условные обозначения и сокращения:

V — обозначение гласного.

C — обозначение согласного.

* — теоретически восстанавливаемая форма.

→ изменение во что-либо.

← изменение из чего-либо.

л. — лицо,

мн. ч. — множественное число,

пад. — падеж.

аф. — аффикс,

род. — родительный,

вин. — винительный,

дат. — дательный-направительный,

прит. — притяжательный.

«Фонетика» — W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türk-sprachen*. Лейпциг, 1883.

«Образцы» — В. Р а д л о в. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V.

узб. — узбекский,

уйг. — уйгурский,

монг. — монгольский,

кирг. — киргизский,

каз. — казахский,

чув. — чувашский,

г.-алт. — горно-алтайский.

ВВЕДЕНИЕ

Бассейн верхнего течения Енисея (Бий-Хем, Каа-Хем, Улуг-Хем), Алтай и прилегающая к ним территория были заселены во всяком случае еще 12—15 тысяч лет тому назад. От первой половины второго тысячелетия до н. э. дошли археологические памятники ранне-афанасьевского типа (каменные и костяные орудия, глиняная посуда со своеобразным орнаментом). В это же время на территории Западной Сибири и Казахстана была распространена андроновская культура, доходившая до предгорий Алтая (скотоводство, земледелие, открытие бронзы).

К началу первого тысячелетия до н. э. на Енисее и Алтае получают развитие более совершенные бронзовые изделия, так называемого карасукского периода¹. За ним следует тагарская эпоха (бронзовые изделия с типичным звериным орнаментом и последующее использование железа). В III—II вв. до н. э. складывается военно-племенной хуннский союз.

На Енисее тогда же создаются ценные памятники быта и искусства пазырыкского типа, а в Минусинской котловине развивается таштыкская культура (с применением листового золота)². Отмечается генетическая связь между всеми перечисленными культурами.

По мнению С. В. Киселева, изделия таштыкского типа (с первого века до н. э.) характеризуют основу материальной культуры потомков динлинов, т. е. енисейских киргизов³.

В рассматриваемой зоне и несколько южнее её происходил процесс образования тюркоязычных и монголоязычных племен. Видимо, их оформление относится к началу периода образования гуннского союза, связанного с большими измене-

¹ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948, стр. 67—69, 71 и др.

² См. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР, 1949, № 9.

³ Там же, стр. 257.

ниями в общественных отношениях, культуре и быте многих народов Центральной Азии. Возможно, что сложение основы тюркских языков относится и к более раннему времени. Уже к середине первого тысячелетия н. э. тюркские народы имели свою систему письменности, отражавшую развитой грамматический строй и большой словарный запас. А это — показатель длительной созидательной работы, укладывавшейся в рамки по крайней мере нескольких столетий, а может быть и тысячелетия.

Ко времени возникновения древнетюркской (так называемой орхоно-енисейской) письменности в Минусинской котловине жили кыргызы и предки хакасских племен: в верховьях Енисея — чики и другие предки тувинцев; у Орхона, притока Селенги, впадающей в Байкал — ашина, толесы, тардуши, теле, огузы и прочие племена; на западе от Байкала — курыканы (предки якутов), а на востоке — отуз-татары и др.

Предки киргизов, тувинцев, шорцев, хакасов и алтайцев оставили после себя енисейские памятники — стелы, воздвигавшиеся в честь родо-племенных вождей и знаменитых воинов и содержавшие высеченные тексты, в которых излагались биографические данные о покойном.

Орхонские памятники принадлежали другой группе племен, в том числе — огузам. С орхонскими диалектами генетически связаны языки юго-западной группы (туркменский, азербайджанский и др.).

Орхоно-енисейское письмо отражало несколько диалектов, было распространено на большой территории, за пределами бассейнов названных рек и просуществовало до XI в.

Древний киргизский язык в то время был очень близок к языку предков тувинцев и части других народов. Он относился к северо-восточной (сибирской) группе тюркских языков. Однако, когда после IX в. киргизы с Енисея двинулись на Тянь-Шань, произошел процесс кыпчакизации их языка, и теперь он относится уже к северо-западной группе, включающей такие языки, как алтайский, казахский и ряд др.

По фонетическим признакам ближе всего стоит к нему алтайский язык¹. Их общие черты выработались до XIII — XIV вв., когда предки киргизов и алтайцев тесно общались друг с другом.

Вопрос об истории территории современной Киргизии (преимущественно северной) был освещен проф. А. Н. Бернштамом в его работах: «Археологический очерк Северной Кирги-

¹ Это отмечали в свое время Н. К. Дмитриев, В. А. Богородицкий, К. К. Юдахин, а также после них Б. М. Юнусалиев и Н. А. Баскаков.

зии» (Фрунзе, 1941 г.), «Историческое прошлое киргизского народа» (Фрунзе, 1942 г.), «Культура древнего Киргизстана» (Фрунзе, 1942 г.), «Памятники старины Таласской долины» (Алма-Ата, 1942 г.) и подробно изложен в двухтомной «Истории Киргизии» (Изд. Института истории АН Киргизской ССР, Фрунзе, 1956 г.).

По их содержанию намечается такая последовательность в расселении народов.

1. На территории Северной Киргизии уже известны, правда, единичные, в небольшом числе памятники как палеолита, так и неолита. Она в какой-то степени была заселена еще в названные эпохи.

2. Памятники эпохи бронзы, относящиеся к периоду формирования патриархальной семьи, находятся в большем числе, нежели остатки микролитов, свидетельствуя о единстве исторического процесса как на этой, так и на территории Северного Казахстана, Алтая и Волги. По мнению Б. М. Зима, к этому же периоду относятся и наскальные изображения козлов, оленей и охотников по типу ак-олёнского (южнее Рыбачьего).

3. Из представителей пастушеских обществ эпохи бронзы, обитавших на территории Северной Киргизии с VIII—VII вв. до н. э., следует назвать саков, которые, однако, отличались по своей материальной культуре и, вероятно, по языку от их прикарпатских (сыр-дарьинских) родичей. Из более поздних насельников I-го тысячелетия до н. э. вместе с саками упоминаются и юежди.

4. На рубеже III и II вв. до н. э. из сакского племенного союза выделились усунь, испытавшие в I в. до н. э. удар со стороны северных групп племен, укрепившихся на некоторое время на рассматриваемой территории. Усунь же впоследствии растворились в составе других этнических групп. Так, Н. Аристов в казахском роде Сары Уйсун видел потомков усуней и, с другой стороны, усуней считал потомками киргизов, отделившихся от основного племени, которое кочевало между Танну-Ола и Восточным Тянь-Шанем.

Вместе с гуннами в 47 г. до н. э. на Тянь-Шань проникла часть племен, которых А. Н. Бернштам отождествлял с древними киргизами. Следовательно, первый приход киргизов на Тянь-Шань относится к I в. до н. э. Однако, надо полагать, что этот первый поток впоследствии растворился в дальнейших этнических напластованиях и не занял еще ведущей роли в формировании киргизской народности.

5. В период с V по VII в., в то время как на Орхоне происходила консолидация тюркских племен, из Согдианы в Таласскую и Чуйскую долины начинается движение согдийцев, занимавшихся земледелием и торговлей.

6. Начиная с VI в., на территорию Киргизии проникали различные тюркоязычные племена. Они вошли в тесное соприкосновение со своими новыми соседями. Затем продвинулись к Каспийскому морю и позднее — в другие места. В X веке с Енисея в Северную Киргизию пришла часть киргизов.

7. К концу X и началу XI века в Семиречье господствующее положение заняли карлуки.

8. В XI столетии рассматриваемая территория вошла в состав Караханидских владений, в XII в. на нее вторглись каракытай, получившие сокрушительный отпор со стороны местных тюркских и иранских племен.

В XIII в. Средняя Азия была захвачена монголами, а после падения их владычества со второй половины XVI в. до середины XVIII в. оставалась под властью джунгарцев (калмыков).

9. В XIII в. начался третий поток переселения киргизов через Иртыш на Тянь-Шань. К XVI в. закончился процесс образования киргизской народности.

10. С середины XVIII века до шестидесятых годов XIX в. киргизы отстаивали свою независимость в борьбе с Китайской империей и Кокандским ханством, а затем добровольно вошли в состав России: иссыккульские — в 1855 г., чуйские — в 1862 г., вся Северная Киргизия — к осени 1863 года, потом — южные.

«Киргизский народ все отчетливее видел, что его спасение — в покровительстве со стороны несравненно более могучего и более развитого в общественно-экономическом отношении государства. Таким государством являлась к тому времени Россия»¹. Вхождение Киргизии в состав России приобщало ее к передовой культуре русского народа, революционному движению, содействовало разложению патриархально-феодальных отношений и зарождению пролетариата, как и возникновению ряда других положительных явлений. Все это имело прогрессивное значение².

После Великой Октябрьской социалистической революции Киргизия входила в состав Туркестанской Советской Респуб-

¹ См.: «Дружба народов ССР — источник силы и могущества нашей великой Родины». «Советская Киргизия», 7 сентября 1963 г.

² См. то же.

лики. В 1924 г., в результате национального размежевания Средней Азии, Киргизия была выделена сначала в автономную область, потом — в автономную республику. В 1936 г. она преобразована в союзную республику.

Территорией расселения киргизов является Киргизская ССР. Здесь проживают также русские, украинцы, дунгане, калмыки, татары, узбеки и другие народы.

Отдельные семьи и небольшие группы киргизов находятся также и за пределами республики.

Наконец, среди тувинцев широко распространена фамилия Кыргыз.

В ходе исторического процесса киргизы с давних пор сохраняют свое национальное самоназвание.

Объяснение его значения носит пока еще легендарный характер. В китайской «Истории династии Юань» приводится легенда о происхождении киргизов от сорока дев, основанная на этимологизации названия *кыргыз* из *кырк* (сорок) и *кыз* (девица)¹. В. Радлов производил это имя из «кырк йус — сорок сотен (племен)».

Лингвистический анализ слова «кыргыз» показывает, что оно представляет слияние двух корней, точное значение которых пока еще не установлено. Второй элемент этого слова, т. е. «гыз», повторяется и в именах *уйгур* (с чередованием *р—з*) и *огуз*.

В описании других народов киргизы называются еще *тянь-гунь* и *хягас* (по-китайски). Пеллю в этих двух именах видел диахронические разновидности одного имени киргизов.

Ойраты называли киргизов *бурутами*. Не соответствовало самоназванию имя «кара-киргизы» или «дикокаменные киргизы».

В свете высказываний В. В. Бартольда в его работах «Очерк истории Семиречья», «Киргизы» (обе переизданы в гор. Фрунзе в 1943 г.) и «История тюрко-монгольских народов» (Ташкент, 1923 г.) главные этапы истории киргизского народа можно представить в следующем виде.

Первые известия о киргизах в китайских летописях относятся к 201 г. до н. э. Тогда они («гянь-гунь») соприкасались с хуннами и динлинами (по мнению некоторых ученых, — предками енисейских остяков), находясь в бассейне верхнего течения Енисея.

Во второй половине I в. до н. э. область расселения киргизов находилась в 7000 ли² на запад от столицы хуннов (на

¹ В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 44—45.

² Ли — полверсты.

Орхоне или Толе) и 5000 ли к северу от нынешнего Турфана, т. е. около озера Кыргыз-нор, где киргизы впоследствии столкнулись с сяньбийцами.

В I веке до н. э. (47 г.) произошел (в связи с движением хуннов) первый поток движения отдельных киргизских племен на Тянь-Шань.

Со II по VI в. нет точных данных о расположении киргизов.

В период формирования тюркского каганата киргизы находились в бассейне Енисея, выше впадения Ангары. Следовательно, в этот период они тесно соприкасались с тюркскими и монгольскими народами, а также с остяками (севера) и тунгусами.

В VIII—IX вв. киргизы вели длительные войны против уйгурского кагана, поддерживая в то же время связи с тюркешами и карлуками.

В 840 году уйгурский каган потерпел поражение. После этого произошло некоторое изменение в расселении тюркских племен.

Однако в XII веке они столкнулись с захватчиками — каракытайскими гурханами, стоявшими во главе огромной армии.

Киргизы принуждены были в XII столетии снова бороться с поработителями.

В связи с движением Чингис-хана в 1207 г. киргизы сначала «покорились монголам без военных действий; но в 1218 г. (год барса) между ними все-таки произошла война. Против монголов в это время восстали жившие у Байкала народности — тумены и байлуки; так как они были соседями киргизов, то Чингис-хан потребовал от киргиз войска для подавления восстания; киргизы не только не исполнили этого требования, но сами возмутились против монголов. Против киргиз было отправлено войско под начальством старшего сына Чингис-хана Джучи-хана»¹. После этого «страна киргизов вошла в состав удела младшего сына Чингис-хана, Тулуя»² и его потомков.

По мнению В. В. Радлова, переселение киргизов на Тянь-Шань относится к середине XIII в. Там они вынуждены были оказывать сопротивление монголам.

В. В. Бартольд, однако, указывал, что первые упоминания о киргизах на Тянь-Шане относятся к XVI в., когда они находились уже в Моголистане. В это время их соседями были с севера казахи, с запада — узбеки. Во второй половине XVII

¹ В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 46.

² Там же, стр. 47.

века наступил период освободительной борьбы киргизов и др. народов против джунгарских (калмыцких, ойратских) феодалов, двинувшихся в Среднюю Азию. Эта борьба продолжалась до середины XVIII века.

После кратковременного затишья киргизы снова оказались объектом новой агрессии со стороны китайских феодалов, возглавлявшихся маньчжуро-цинской династией, и боролись против них.

Потом, во второй четверти XIX в., Киргизия была завоевана Кокандским ханом, сатрапы которого угнетали киргизский народ.

Еще до этого киргизы искали покровительства со стороны России.¹

В шестидесятых годах XIX в. они добровольно вошли в состав Российского государства и освободились от тирании кокандского хана².

Что же касается киргизов, оставшихся после движения кара-кытаев и монголов на Енисее, то они до XVIII в. (до вхождения в состав Российского государства) должны были вести упорную борьбу с монголами и ойратами, растворившись впоследствии в других тюркоязычных народах (частично они вошли в состав племен, которые русские называли минусинскими татарами).

Та часть киргизов, которая двинулась с Енисея на Тянь-Шань в начале второго тысячелетия нашей эры, вошла в теснейшее общение со своими предшественниками, унаследовала и переработала многое из их культуры. Киргизский язык сильно отличается от тех тюркских языков, которые были распространены в Чуйской долине в X—XII вв., особенно от карлукского языка, тоже относящегося к другой классификационной группе.

Развитие собственных ресурсов киргизского языка создало специфические отличия его от других тюркских языков.

В состав киргизского этнического коллектива вливались осколки и группы различных монгольских и тюркских родов. Их языки или диалекты растворялись в киргизском, но и сам киргизский язык в известной мере обогащался новыми элементами. Вместе с этим, киргизский народ вступал во взаимодействие и с другими народами, устанавливая с ними экономические и культурные связи.

¹ В этот период киргизы сохраняли еще родовое деление, о чем см. на стр. 71 в работе В. В. Бартольда «Киргизы».

² См. «История Киргизии», т. I (Ин-т истории АН Киргиз. ССР), стр. 256—271 и далее.

Киргизский язык входил в соприкосновение с другими языками. Таковы тюркские языки на Алтае, монгольский, древние языки, располагавшиеся на территории Киргизии (согдийский в V—VI в., карлукский в VIII—XI вв.), языки территориально сопряженных народов (таджикский, узбекский, казахский).

Это приводило к усвоению иноязычных слов. Поэтому в киргизской лексике имеются монгольские¹, арабские (через посредство других языков и в связи с распространением ислама), иранские, тюркские и др. слова, осваивавшиеся киргизским народом в дооктябрьский период.

С прекращением экономических, культурных и других связей останавливалось и усвоение лексики другого языка. Так произошло, например, с арабскими словами: с устранением мусульманского религиозного влияния прекратился и доступ арабских слов в киргизский язык.

Несмотря на многовековое общение киргизов с другими народами, киргизский язык не только не утратил своих особенностей, а, наоборот, развивался в лексическом, фонетическом и грамматическом отношениях.

После вхождения в состав Российского государства развивалась дружба киргизского и русского народов; приобщаясь к передовой русской культуре, киргизский народ в то же время продолжал подвергаться эксплуатации со стороны своих бай-манаров и царских чиновников. Угнетению со стороны царизма подвергался и русский народ. Под руководством партии Ленина народы бывшей царской России в 1917 г. сбросили оковы царизма, возродились на социалистической основе и строят коммунизм.

После Великой Октябрьской социалистической революции воссоединились потомки северных и южных киргизских племен.

В результате осуществления ленинской национальной политики киргизы вместе с русскими и другими народами СССР добились огромных успехов в деле построения социализма. Укрепилась новая экономика, расцвела культура киргизского народа при братском сотрудничестве всех советских людей. Большое значение в деле развития киргизского и других народов нашей Родины имели решения X и XII съездов РКП(б), проведение земельно-водной реформы и других мероприятий.

¹ Монголизмы в киргизский язык проникали в енисейский период, в XIII—XIV вв. и во время господства джунгарцев.

Были созданы условия для оформления национальных, ранее бесписьменных языков. По указанию и под руководством партийных и советских органов осуществлялись мероприятия по организации школы с обучением на родном языке, разработке своей письменности, оформлению и развитию литературы, прессы, радиовещания и т. д.

Совместное участие в социалистическом строительстве, создание крупных совхозов, МТС, колхозов и промышленных предприятий, в состав которых вливались представители различных родов и диалектов; развитие театра, радиовещания и прессы на киргизском языке, массовые тиражи учебников и художественной литературы на киргизском языке; развитие путей сообщения, усилившееся межрайонное общение, встречи на республиканских съездах и совещаниях представителей различных городов, учеба их в вузах Киргизии, как и ряд других факторов, привели к усиленному процессу сглаживания особенностей говоров путем расширения сферы распространения стандартного разговорного языка. Возник литературный язык, построенный на основе народно-разговорной речи; вырос словарный запас языка, стали быстро совершенствоваться его фонетическая и грамматическая системы.

К числу главных фонетических особенностей литературного киргизского языка, отличающих его от других тюркских языков так называемой северной группы, относятся:

1. Четкое противопоставление в северных говорах и в литературном языке двух рядов гласных (передних — задних) и вытекающее отсюда следствие — сохранение явлений сингармонизма в большой степени, нежели в ряде других тюркских языков Средней Азии.

2. Явление губного притяжения широких гласных, что сближает киргизский язык с алтайским и якутским и резко отличается от большинства других тюркских языков, (Ср.: тоо + л а р = то о л о р — горы).

3. Наличие «новых» заместительных долгих гласных (например, т о о — гора, с у у — вода), как в горно-алтайском и некоторых других языках (не смешивать с так называемым «древнетюркскими» долготами типа, обнаруживаемого в туркменском языке, в части диалектов узбекского языка и в ряде слов якутского языка).

4. Отсутствие дифтонгов в северных говорах (кроме таласского).

5. Джоканье (в отличие от жоканья или йоканья других тюркских языков Средней Азии).

6. Широкое распространение явлений ассимиляции и диссимилиации согласных, находящихся на слогоразделе, что при-

водит к отсутствию в морфологических сочетаниях двухвершинных сонорных согласных и к изменениям аффиксальных *л, н > д, т*.

По сравнению с казахским и алтайским языками, к которым ближе всего примыкает по своим признакам киргизский язык, в нем отражены: лабиализация широких гласных, сохранение четкого их числа, сохранение древних *ш* и *ч*. Это имеет место и в алтайском языке, тогда как в казахском произошла утрата лабиализации широких гласных, имеется девятый гласный *ә*, в области согласных **ш > с; *ч > ш*. С другой стороны, в части киргизских говоров закончился процесс превращения дифтонгов в долгие гласные, чего нет в казахском.

По ряду фонетических признаков киргизский и алтайский языки должны быть выделены в отдельную подгруппу, отличную от казахского, каракалпакского и других языков.

Несмотря на то что киргизский язык сохраняет еще в подавляющей массе случаев явления лабиализации широких гласных, в нем, однако, намечается и процесс разложения сингармонизма слова, что идет, во-первых, за счет развития внутренних ресурсов и, во-вторых, — обогащения из русского и других языков.

Из типичных классификационных грамматических признаков, отличающих киргизский язык от других тюркских языков Средней Азии, можно назвать такие:

1. Использование частицы ограничения *эле*.
2. Наличие форм *-ыбатат*, *-атат* для образования настоящего времени данного момента (ж а з ы б а т а т — он пишет в данный момент, б а р а т а т — идет в данный момент).
3. Образование прошедшего многократного на *-чу* (ж а з ч у м у н у н — я постоянно, часто писал).
4. Использование форманта *-май* в значении отглагольного имени и некоторые другие признаки.

Часть южных киргизских племен долгое время была оторвана от северных. Поэтому создалось два очага разрастания и концентрации их говоров: северный и южный. В течение XVI—XIX вв. в состав южных племен входил новый этнический компонент.

Языки и диалекты племен, вливавшихся в киргизский этнический коллектив, растворялись в киргизской народно-разговорной речи.

К началу XX в. существовало два основных типа говоров киргизского языка: с е в е р н ы й и ю ж н ы й, с несколькими промежуточными.

В недавних трудах академики К. К. Юдахин и Б. М. Юнусалиев предложили свои трехчленные классификации диалек-

тдв. У Б. М. Юнусалиева: северные, юго-западные и юго-восточные. У К. К. Юдахина в составе южных выделен ичкиликский диалект¹.

Отличия между северными и южными типами говоров сводятся к фонетическим, некоторым лексическим и (в меньшей степени) грамматическим особенностям².

Главные фонетические особенности южных говоров (суммарно):

1. Содержат гласный *ə*.

2. В части из них северным долгим губным гласным в односложных и некоторых других словах соответствуют дифтонги (ср. *тоу* — гора, *суу* — вода, вместо *тоо*, *суу*), наряду с употреблением долгих гласных в словах другого типа.

3. Более широкое распространение «п» в начале слова (южн. *пайда* = сев. *байда* — польза).

4. Спорадическое употребление «й» в начале слова (*йурт*, *журт* — народ).

5. Наличие в отдельных говорах фонемы «h» (*hөкүмөт* — сев. *өкүмөт* — власть) и некоторые другие признаки.

Диалекты и говоры киргизского языка содержат в себе два компонента: во-первых, то общее, что объединяет их в один язык, и, во-вторых, то частное, что отличает их друг от друга.

Наиболее существенными из фонетических отличий между говорами являются:

1. Наличие на юге фонемы «э», не представленной на севере.

2. Признак «тоо» или «тоу».

3. Различное размещение «з» и «с». Ср.: «кызыл» и «кысыл» — красный. Признак «з» присущ южным говорам и части северных (главным образом — Иссык-Кульскому).

4. Сохранение или отпадение в части слов начального «н» (найза, айса — копые).

¹ См.: «Кыргыз диалектологиясы боюнча программа» Составил Б. М. Юнусалиев. Киргосуниверситет, Фрунзе, 1954; К. К. Юдахин. Классификация киргизских диалектов. Первая научная сессия Академии наук Киргиз. ССР. Фрунзе, Изд. АН Киргиз. ССР, 1955.

² Об особенностях южных говоров см. в следующих работах: Проф. К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 5; Дж. Шукуров. Материалы по алайскому говору. Белек С. Е. Малову. Изд. КиргизФАН СССР, 1946; Г. Бакинова. Кыргыз тилинин Октябрь говору боюнча материалдар. Тр. КиргизФАН СССР, вып. III, 1952; К. Бакеев. Ноокатский говор Ошской области. (Автореферат диссертации). Алма-Ата. Изд. АН Каз. ССР, 1952 г.; Г. Бакинова. Кыргыз тилинин Ош говорлору. Фрунзе. Изд. АН Киргиз. ССР, 1956; Э. Абдулдаев, Ж. Мукамбаев. Кыргыз диалектологиясынын очерки. Кыргызокуупедмамбас, Фрунзе, 1959.

Вообще же в составе северного и южного типов говоров можно выделить по три группы (1, 2, 3 и 4, 5, 6):

Локализация	Преобладающие признаки
1. Иссык-Кульская котловина	<i>тоо—з—эле—атында</i> — 8 кратких гласных
2. Чуйская долина и Тянь-Шаньск. обл.	<i>тоо—с—эле—атында</i> — 8 кратких гласных
3. Таласская долина	<i>тов¹—с—эле—атында</i> — 8 кратких гласных
4. Чаткальская долина	<i>тов—з—эле—атында</i> — 9 кратких гласных
5. Восточная часть Ошской обл.	<i>тоо—з—эле—атында</i> — 9 кратких гласных
6. Др. часть Ошской обл.	<i>тов—з—эде—атында</i> — 9 кратких гласных

(Использованы материалы и наблюдения К. К. Юдахина, Б. М. Юнусалиева, К. Бакеева, Г. Бакиновой, М. Тураджановой, Э. Абдулдаева, Д. Мукабаева, С. Кондучаловой, С. Сыдыкова и др.).

Нуждается в особом разъяснении туманная формулировка некоторых языковедов о том, что в основе киргизского литературного языка лежат все говоры. В действительности же в нем, во-первых, повторяется все то общее, что есть в говорах, во-вторых, один из вариантов таких особенностей, которые имеют дублетные разновидности.

Все говоры обладают определенной общностью. Поэтому они и относятся к одному языку. Но у каждого говора имеются свои «частные» отличия. Литературный же язык не может содержать всю сумму этих частных черт.

Примером фонетической общности всех говоров может служить наличие восьми кратких гласных (*а, э, о, ө, ы, и, у*), повторяющихся во всех говорах. Но в южных говорах в качестве их особенности есть еще и девятый гласный, не представленный на севере. Общий признак языка — явления сингармонизма, ассимиляции согласных, большинство согласных и т. п., не говоря уже о грамматических и лексических признаках, во-первых, общих для всех говоров и, во-вторых, присутствующих лишь некоторым из них.

В киргизских говорах представлены «тсо» и «тов», «з» и

¹ *с = w.*

«с», «найза» и «айса» и т. п. Но в литературном языке из них нашли свое отражение только «тоо», «з», «найза». Это больше всего соответствует нормам иссык-кульского типа говора, тогда как в чуйском отражены признаки «с» и «айса» (наряду и с «найса»); в таласском — «тоу» (вм. тоо), на юге тоже «тоу» и т. п.

Если бы все говоры с их частными особенностями легли в основу литературного языка, то в нем были бы представлены параллельно «кызыл» и «кысыл», «а» и «э», «найза» и «айса», «тоо» и «тоу» и т. п., а общая норма была бы утрачена.

В период становления киргизского литературного языка очень многие переводчики, работники газет и издательства не имели в своем распоряжении сведений о киргизских говорах, а поэтому и не могли их учесть. Конечно, с течением времени литературный язык частично пополнялся необходимыми словами и из разных говоров, кое-что заимствовалось из некоторых грамматических форм. Но и при таких условиях в нем не содержатся все, хотя бы фонетические элементы говоров.

Отсутствие документальных данных ранее XX в. о киргизских говорах пока не дает возможности четко восстановить процесс их возникновения.

Наша попытка связать диалектные особенности киргизского языка с расселением племен (см. статью «К генезису диалектов киргизского языка» в вып. I «Трудов ИЯЛИ КиргизФАН СССР», 1944 г.) характеризует лишь отдаленный период развития киргизского народа. По материалам, относящимся к началу XX в., можно судить, что границы говоров к этому времени не совпадали с рубежами расселения киргизских племен. При построении классификации киргизских говоров для этого времени следует говорить уже о говорах или диалектах территориальных, обслуживавших представителей различных племен и родов. Признак «с» был присущ не только солтинцам, но и сары-багышам и даже северным адигине. На одной территории (напр., в Чуйской долине) теперь живут потомки самых различных племен, а границы их племенного расселения уж утрачены.

Особую роль в деле обогащения киргизского языка играет русский язык, ставший языком социалистической культуры и межнационального общения народов СССР.

Русская лексика усваивается киргизским языком еще с шестидесятых годов прошлого столетия, когда закладывались корни дружбы русского и киргизского народов. Роль русского языка усилилась после Октября.

Киргизские товарищи с огромной любовью и интересом овладевают русским языком как в процессе непосредствен-

ного общения с русскими на стройках коммунизма, так и путем изучения русского языка в школе. Знание русского языка является ключом к овладению культурой русского народа и сокровищнице знаний — марксизмом-ленинизмом.

Поскольку русский язык стал языком социалистической культуры, то изменения в производстве (появление новых орудий и приемов труда) приводят к пополнению национальных языков СССР многими словами и терминами из русского языка.

Великая Октябрьская социалистическая революция создала все предпосылки для формирования литературного киргизского языка, обслуживающего трудящихся-киргизов.

Оформление современного киргизского литературного языка совпало с превращением киргизской народности в социалистическую нацию.

Базой литературного языка стали народно-разговорная речь и слова, заимствуемые из русского языка и из языков народов СССР. При его оформлении в части выборов терминов и установлении принципов их написания выявилось две диаметрально противоположных тенденции:

1. Одни пытались изолировать киргизский язык от русского. Это отражало националистические тенденции.

2. Наоборот, основная линия в вопросах терминологии и орфографии сводилась к тому, чтобы новые понятия выражать, максимально используя ресурсы родного и русского языков, обогатив тем самым киргизский язык не только новыми лексическими, но и фонетическими явлениями. Это, однако, не значило, что должны были подвергнуться перестройке киргизские слова: в них сохранились прежние типы звуко-сочетаний, а следовательно, специфика киргизского языка не ликвидировалась, а дополнялась новыми фактами, что содействовало и содействует его росту.

Естественно, что после Октября единственным путем освоения заимствуемых из русского языка элементов является второй путь, отражающий плодотворную роль русского языка и его носителя — русского народа.

Как указывается в Программе КПСС, в СССР «Усиливается идейное единство наций и народностей, сближение их культур. Исторический опыт развития социалистических наций показывает, что национальные формы не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой, освобождаясь от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни. Развивается общая для всех советских

наций интернациональная культура»¹. И еще: «В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимообогащения»². Так развивается и киргизский язык.

Народы СССР заимствуют друг от друга необходимые им слова для обозначения новых понятий. Для всех языков одним из основных и общих источников обогащения является русский язык. Это приводит к сближению языков при сохранении их характерных особенностей. Вместе с заимствованием новых слов усваиваются и некоторые звуки, новые типы звуко сочетаний и грамматические формы. Усиливающаяся переводческая деятельность и возникающее двуязычие в свою очередь содействуют и совершенствованию внутренних ресурсов национальных языков.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., Изд-во «Правда», 1961, стр. 115.

² Там же.

Ф О Н Е Т И К А

ГЛАСНЫЕ

Система гласных киргизского литературного языка складывается из взаимодействия четырнадцати фонем:

а) восьми кратких — *а, э (е), о, ө, ы, и, у, ү*,

б) шести долгих — *аа, ээ, оо, өө, уу, үү*.

Остановимся на их характеристике.

Негубные гласные заднего ряда¹

В составе негубных гласных заднего рода выделяются 2 кратких гласных: *а* и *ы*.

Фонема *а* в киргизском языке относится к наиболее широкому открытому варианту глубокого, заднего по месту образования гласного, при произношении которого язык с подъязычной костью оттягивается назад так, что кончик его не соприкасается с нижними альвеолами.

В силу максимально заднего характера произношения этой фонемы, она воспринимается обычно как «теноровый» звук.

Примеры: ата — отец,

бала—ребенок и т. п.

Фонема *а* в киргизском языке, однако, в зависимости от комбинации с другими звуками может иногда реализоваться как среднеязычный гласный.

Так, например, в словах *ия* (=ийа)—*а, актив, акиташ* — *известь*, благодаря комбинации со средним по месту образования *к, а* приближается к среднеязычной своей разновидности.

Фонема *ы* в киргизском языке относится к числу задне-средних по месту образования и полуузко-узких гласных.

Ср.: ыр—песня,
кыл—делай,
аары—оса и т. п.

¹ Задние (по месту образования) гласные—«твердые», передние—«мягкие», средние — «смягчённые».

Гласные киргизского языка

I. Негубные

По месту		Передние	Средние	Задние
По степени подъема	Верхн. (узкие)	й		
	Средн. (полуузк.)	э, ээ	ы	
	Нижн. (широкие)			а, аа

II. Губные

По месту		Передние	Средние	Задние
По степени подъема	Верхн. (узкие)	у, уу		у, уу
	Средн. (полуузк.)	ө, өө		о, оо
	Нижн. (широкие)			

Негубные гласные переднего ряда

Фонема э (е) реализуется в качестве переднего по месту образования, а по подъему—средне-верхнего негубного гласного, без дифтонгоидного оттенка.

Графически передается в начале слова и после гласных в виде э, а после согласных и для сочетания йэ пишется е:

эки—два,
келген—он пришел,
киет—он одевает.

В казахском же языке киргизскому начальному «э» соответствует дифтонгоид е=йэ:

есік=йэсик—дверь,
екі=йэки—два и т. д.

Для характеристики фонемы «э» в киргизском языке не может быть принято во внимание высказывание Н. И. Ильминского относительно двух *e*:

1) Умеренно протяжного, напр., в слове бер — дай и
2) краткого, беглого, как в слове бер — один (Н. И. Ильминский. «Материалы к изучению кирг. наречия», стр. 6), так, как, во-первых, речь там идет не о киргизском, а казахском произношении и, во-вторых, в слове бер — один мы имеем не э, а разновидность *и*.

Фонема *и* реализуется как негубной звук верхнего подъема, а по месту — переднеязычный с задним уклоном. Ср.: *ким* — кто, *эки* — два и т. п.

Губные гласные заднего ряда

Фонема *о* реализуется в киргизском языке как задний губной звук среднего подъема (при отодвинутой назад подъязычной костью). Ср.: бол — будь, отуз — тридцать и т. п.

Вместе с этим, *о* может возникать из *а* в заимствованных словах при наличии губного согласного *у* → *б*:

через узб. *havoz* → *avoz* → *обоз* — голос,
» » *havo* → *avo* → *обо* — погода.

Фонема *у* реализуется в киргизском языке как губной звук заднего ряда, верхнего подъема.

Примеры: *тур* — живи, *оку* — учись и т. д.

Губные гласные переднего ряда

Фонема *ө* реализуется в киргизском языке как передний губной гласный среднего подъема.

Язык при произношении этой фонемы находится в положении «э» с добавлением активной работы суженных (с округлой щелью) губ, выдвинутых вперед.

Ср.: *к ө л* — озеро, *ө т ө* — очень и т. п.

Фонема *ү*, в отличие от полуузкого *ө*, реализуется как передний губной гласный верхнего подъема, по работе языка соответствующий передней разновидности *и* с добавлением работы более выдвинутых вперед и суженных, с плоской (а не округлой) щелью губ, с меньшим отверствием, нежели при произношении *ө*.

Примеры: *к ү н* — день, *т ү л к ү* — лисица и т. д.

Общие замечания к составу кратких гласных киргизского языка

1. Система кратких гласных киргизского литературного языка и северных говоров складывается из 8-ми фонем. В. В. Радлов, опираясь на материалы северных говоров киргизского языка, выделял в его составе девятый э. В северных говорах такой гласный не прослеживается. Однако он широко распространен в южных говорах (в алайском, ноокатском, октябрьском и др.). Ср.: в октябрьском говоре:

кэллэ — голова, сэллэ (лит. селде) — чалма,
тэштэгэн — оставил¹.

То же в ноокатском говоре:

кэттэ — большой, тэкэ — козел и т. п.²

Гласный э имеется в казахском, узбекском и ряде других языков. В казахском языке э употребляется в первых слогах.

Ср.: эйел — женщина, эрип — буква,
жэне — и, эр — каждый и т. д.
тэртип — порядок,

В узбекском языке э употребляется в первых и во вторых слогах.

В южных говорах киргизского языка э размещается, в общем, так же, как и в узбекском (а не казахском) языке, т. е. в первых и вторых слогах.

Помимо фонемы э, К. Бакеевым в ноокатском говоре обнаружен в отдельных словах еще гласный э (открытый о, как в ряде говоров узбекского языка), который он, однако, самостоятельной фонемой не считает, а рассматривает как вариант литературного а, встречающийся в незначительном числе слов, например: п а м и д э р ы, э т э н э (лит. а т а н а — твоему отцу)³.

2. По степени подъема в составе гласных выделяется три группы:

- а) широкие — а,
- б) полуузкие — э, о, ө,
- в) узкие — ы, и, ү, у.

Фонематически эти восемь гласных разделяются на два ряда, условно называемых широким (а, э, о, ө) и узким (ы, и, у, ү).

Кроме этого, для киргизского языка имеет принципиальное

¹ К. Бакинова. Кыргыз тилинин Октябрь районунун говору боюнча материалдар. Труды ИЯЛИ КиргизФАН СССР, вып. III, 1952, стр. 52 и др.

² К. О. Бакеев. Ноокатский говор Ошской области (автореферат кандидатской диссертации. АН Каз. ССР, 1952 г.).

³ К. О. Бакеев. Ноокатский говор Ошской области, стр. 6.

значение противопоставление задних (а, ы, о, у) гласных передним (э, и, ө, ү) и негубных (а, ы, э, и) губным (о, у, ү, ө).

3. В отдельных случаях наблюдаются следующие колебания гласных, дающие либо дублетные разновидности одних и тех же слов, либо вносящие новые оттенки в их значения.

а) о=у:

молтондоо=мултундоо — уподобляться в своих движениях обрубку,

чолу=чулу — крепкий (человек),

оочу=уучу — охотник,

сот=суд — суд,

сотке=сутки,

топли=түпли — туфли;

б) уу=үү:

дуулдоо=дүүлдөө — гудеть;

в) а=ы:

даңкылдоо=дыңкылдо — звенеть, издавать протяжные звуки,

алапай=ылапай — (усилительн. слово);

г) а=ү:

дабырт=дүбүрт — топот;

д) а=э:

дарт=дерт — горе, печаль,

дарек=дерек — весть;

е) э=и:

даттекем=даттикем — игра в кости;

ж) ө=ү:

сүрөк=сүрүк — срок;

з) ы=у:

ылоо=улоо — животные или инвентарь, предназначенные для общественной повинности,

тыт=тут — тутовое дерево.

и) ы=и:

пычак=пичак=бычак — нож,

ыйла=ийлә — плакать.

Долгие гласные

В киргизском языке выделяется шесть долгих гласных фонем: *аа, ээ, оо, өө, үү, үү*.

Употребление их соответственно изменяет семантику звуко-сочетаний. Иными словами, долгота гласных в киргизском языке фонематична:

мал — скот и *маал* — время,

эр — муж и *ээр* — седло,

болук — полный, толстый, пухленький и *боолук* — свя-
сло, вязка, петля,
көр — пов. ф. от глагола видеть и *көөр* — перл,
бу — это и *буу* — пар и т. д.

Долгие гласные представлены как в северных, так и в южных говорах¹.

Однако, как в части южных говоров, так и в таласском и чаткальском, в односложных корнях и в отдельных случаях в некоторых других позициях долгим *оо*, *өө*, *уу*, *үү* соответствуют дифтонги *ош*, *өш*, *уш*, *үш* (ср. *тоо* и *тош* — гора, *суу* и *суш* — вода и т. п.).

Вместе с этим, вместо долгого *ээ* в части слов некоторых говоров сохраняется и более архаичная форма *эйе* (ср. *ээ* и *эйе* — хозяин и др.) и *эге*.

В Ноокатском говоре К. Бакеев отмечает наличие долгого *эа*: *мээрэкэ*—праздник, увеселение,

мээзир — внимание, *сээр* — утро, раннее утро².

По методу и способу образования киргизские долгие гласные совпадают с соответствующими (парными) им краткими³. Отличия сводятся лишь к противопоставлению длительности экспирации при произношении кратких и долгих.

Другой чертой долгих гласных киргизского языка, сравнительно с долгими гласными в некоторых других тюркских языках, является сохранение одной степени подъема в течение всего времени произношения данного долгого гласного. Наоборот, в туркменском, например, языке долгие гласные имеют тенденцию к сужению и по своей структуре приближаются к дифтонгам, в силу чего графически в туркменской латинице долгий *уу* передавался через *ув* (*я з уу* — писать=*jazuv* и т. п.); *үү* — в виде *uj* (*syjt* — молоко) и т. д.⁴.

Таким образом, каждый из киргизских долгих гласных можно характеризовать как единообразный (по степени подъема), ровный звук, тогда как в туркменском языке долгие гласные будут уже звуками нисходящего типа.

При определении на слух количественного соотношения меж-

¹ См.: Г. Бакинова. Кыргыз тилинин Ош говорлору. Г. Бакинова, С. Кондучалова, С. Садыков, Кыргыз тилинин Жалал-Абад областынын говорлору. Фрунзе. Изд-во АН Киргиз. ССР, 1958; Э. Абдулдаев, Ж. Мукамбаев. Кыргыз диалектологиясынын очерки. В ряде прежних работ мною высказывалась мысль об отсутствии долгих гласных в южных говорах (авт.).

² К. О. Бакеев. Ноокатский говор Ошской области, стр. 8.

³ В отношении долгого «ээ» следует отметить, что он реализуется в более передней своей разновидности, нежели краткий э.

⁴ А. П. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка. Ашхабад, 1936 г., стр. 30.

ду русскими ударенными гласными, киргизскими краткими и киргизскими долгими, три этих категории воспринимались нами как $1 : \frac{1}{3} : 1\frac{1}{2}$, принимая долготу русских ударенных гласных за единицу.

В числе кратких гласных фонем имеются внутренние, чисто акустические (не фонематические) отличия по долготе произношения, идущие по двум признакам:

1) по соотношению продолжительности произношения различных гласных;

2) по изменению долготы произношения одной и той же фонемы в зависимости от соседства с другими звуками.

По продолжительности произношения кратких гласных могут быть выделены такие градации:

а) очень краткие — *ы, и, у, ү*,

б) краткий—*э*,

в) протяжные—*а, о, ө*.

Различная степень протяжения гласных, в частности максимальная краткость *у, ү*, сравнительно с более протяжными *о* и *ө*, отмечены для киргизского языка Н. И. Ильминским в его работе «Материалы к изучению киргизского наречия» (Казань, 1861, стр 7—8). Такое же соотношение между *о, ө* и *у, ү* показано для алтайского языка на стр. 2 в «Грамматике алтайского языка, составленной членами Алтайской миссии» (Казань, 1869).

В. Радлов в своей работе «Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems» (Изв. АН, 1901 г., т. XIV, № 4, стр. 437) назвал три степени протяжения каждого краткого гласного в зависимости от слогового состава слова и состава односложных основ. Так, в словах *б и р*—один, *т и ш*—зуб обнаруживаются гласные минимальной долготы, в слове *к ө л*, сравнительно с предыдущим, протяжение будет в $1\frac{1}{2}$ раза больше; в слове же *к ө л г ө* протяжение составляет, по наблюдениям Радлова, $1\frac{1}{4}$ протяжения гласных в словах *б и р, т и ш* и т. п.

По долготе произношения одной и той же фонемы, как будет указано при рассмотрении комбинаторных изменений гласных, одна и та же краткая гласная фонема в зависимости от соседства с другими звуками может еще редуцироваться, становясь как бы сверхкраткой, что мы имеем в таких, например, словах как *т ү ш т ү*—слез, *к и ш и*—человек и т. п., где узкие гласные *ү, и* в позиции между смычным и проточным согласными неударенного слога редуцируются, а слова эти произносятся почти как *т ш т ү, к ш и* и т. п.

Точно так же, имеются некоторые отличия по долготе произношения одной и той же фонемы в открытом и закрытом слогах или в зависимости от их позиции. Кроме того, возмож-

но появление долготы эмфатического порядка в зависимости от контекста речи и эмоционального насыщения её.

Различное отношение по долготе внутри категории кратких гласных фонем киргизского языка находит себе аналогию и в других языках. Так, например, по наблюдениям проф. А. П. Поцелуевского, в туркменском языке выделяется «не менее 3-х степеней долготы: 1) гласные обыкновенной долготы, или краткие (напр., в словах бер, яз ар, му на и т. п.), 2) гласные долгие (напр., а в слове с а р ы, и в слове гир мек, у в слове ду р ы н и т. д.) и 3) гласные сверхкраткие, беглые или иррациональные (напр., и в словах бир, бит, бил ен и т. д.). Кроме того, в отдельных случаях иногда замечаются гласные полудолгие (напр., е в словах дер и дер и)»¹.

Подобно тому как краткие гласные киргизского языка не имеют устойчивой количественной характеристики, так и долгие гласные, хотя и продолжают осознаваться как самостоятельные фонемы, противопоставляемые кратким, в ряде случаев могут произноситься с такой же степенью протяжения, что и обычные краткие.

Это явление сокращения (с чисто акустической стороны) долгих гласных наблюдается, как общее правило, в том случае, если долгий гласный находится в конце слова, а в начале следующего за ним слова имеется гласный:

Вместо ожидаемого	Произносится
суу акты—вода текла	су акты
төө алды—взял верблюда	тө алды

Различение долгих и кратких гласных фонем обнаруживается не только в киргизском, но и в ряде других тюркских языков.

Из среднеазиатских тюркских языков фонематичное различение долгих и кратких гласных наблюдается в киргизском, туркменском, уйгурском языках, в южнохорезмских, иканском и кара-булакском говорах узбекского языка².

¹ А. П. Поцелуевский. Фонетика туркменского языка, стр. 29 (транскрипция заменена).

² Комбинаторное появление долгих (не фонематичных) гласных в ташкентском говоре узбекского языка нами в расчет не принимается, хотя акустически там, как отметил П. Е. Кузнецов, можно выделить четыре типа (долгие, полудолгие, краткие и иррациональные), зависящих от позиции фонемы в слове (роль сонорных в части удлинения гласных) и от его места в предложении (см. П. Е. Кузнецов. Продолжительность гласных в живом узбекском языке. Сб. в честь В. В. Бартольда).

Из других тюркских языков долгие гласные обнаруживаются в якутском, тувинском¹, горно-алтайском, хакасском, гагаузском, в некоторых диалектах турецкого языка и др.

В ряде тюркских языков древнее различие долгих и кратких гласных либо отсутствовало, либо было постепенно утрачено, а в туркменском и якутском языках и в части говоров узбекского языка оно сохранилось в ограниченной группе основ. В значительной же части случаев долготы в тюркских языках суть явление вторичного порядка, создавшееся в связи с утратой согласных в определенных позициях.

Понятие «древнетюркские» или «общетюркские» долготы в высшей степени условно, так как, во-первых, отнюдь не установлен период появления этих долгот и ничем не подтверждена давность возникновения их сравнительно с заместительными долготами; во-вторых, не доказано, что долготы этого типа были присущи предшественникам всех нынешних тюркских языков, не говоря уже о том, что и причины их образования не выяснены.

Нередко с заимствованием иноязычных слов усваивались и содержащиеся в них долгие гласные.

Сохранившиеся древнетюркские долготы в туркменском и якутском языках обнаруживаются в ограниченной группе основ; в других же основах там имеются уже заместительные долготы.

В качестве примеров сохранения древнетюркских долгот приведем следующие:

*аад || туркм. аад || якут. аат — имя,

*йааз || туркм. йааз || якут. саас — лето,

*баар || туркм. баар || якут. баар — есть, имеется.

В кара-булакском говоре соответственно обнаружены: а а т — имя, о о т — огонь, к ы ы з — девочка и т. п.²

Наряду с подобным сохранением долгот, в перечисленной группе языков обнаруживается утрата в отдельных словах древнетюркских долгих гласных: например, в якутском языке эти долготы в ряде случаев превратились в полифтонги:

*йоол || якут. суол — путь,

*бээш || якут. биес — пять,

*оот || якут. уот — огонь,

*көөк || якут. күөк — синий.

¹ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмах. Грамматика тувинского языка. М., ИВЛ. 1961, стр. 28—41.

² К. К. Юдахин. Некоторые особенности кара-булакского говора (Сборник в честь В. В. Бартольда, стр. 405).

Примечание. Наличие древнетюркских долгот в перечисленной группе языков не устраняет появления в них заместительных долгот.

Так, например, в кара-булакском говоре, наряду с долготами древнего происхождения, имеются, по наблюдениям К. К. Юдахина, и долготы позднейшего образования вследствие стяжения дифтонгов или утраты гласных:

- * таук → тоок — курица,
- * табып → таап — найдя¹.

В туркменском языке долготы в ряде слов являются либо заместительными, либо создались на почве стяжения гласных (напр., б а л а + а = б а л а а — ребёнку), либо, наконец, к ряду заимствованных слов, не относящихся к периоду формирования древнетюркских долгот, прилагались действовавшие в туркменском языке нормы использования гласных, в силу чего и появились долгие гласные в словах н а а н — хлеб, з а а л — зал, т ы й а а т ы р — театр и др., явно вошедших в туркменский язык недавно и не заключавших долгот в своей заимствуемой форме.

В якутском языке также не все долготы приходится возводить к древнетюркским.

Так, В. В. Радлов в «Фонетике» (§106) и в «Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen» (СПб., 1908) разъяснил якутские долготы как заместительные.

Вопрос о происхождении «древнетюркских» долгот, к сожалению, не получил еще своего полного разрешения.

Весьма возможно, что и древнетюркские долготы в отдаленный период развития тюркских языков возникли на базе утраты согласных. Вместе с этим, в образовании долгот мог играть роль звуковой состав слога: как отметил для кара-булакского говора К. К. Юдахин, древнетюркские долготы в кара-булакском говоре сохраняются обычно в позиции перед звонким или глухим согласным, который в известных позициях озвончается (напр., а а т + ы = а а д ы — его имя). Это положение находит подтверждение в туркменском и якутском языках.

Различные нормы и типы образования долгих гласных, отмеченные выше, свидетельствуют о неравномерности развития фонетики каждого из языков.

В других случаях долготы являются результатом исчезновения согласного, который, превратившись в спирант и вокализовавшись, удлинил гласный; причем, во многих случаях произошло также стяжение двух гласных в один долгий, при

¹ К. К. Юдахин. Некоторые особенности кара-булакского говора. Сборник в честь В. В. Бартольда, стр. 435—6.

утрате находившегося между ними согласного (ср., например, о о л ← о г у л — с ы н).

Такое же объяснение происхождения ряда долгих гласных для тувинского языка (уряхайского, по старой терминологии) дает вслед за В. Радловым и Н. Ф. Катанов в «Опыте исследования урянхайского языка...» (Записки Казанск. ун-та, 1899, кн. 72, § 28): аа ← а й а, ы й а, а г ы.

Примеры:

чаа=тат. джэйә — лук,
пээ=кирг. бээ — кобыла,
аал=кирг. айыл=тур. агыл — деревня,
аар=азерб. агыр=кирг. оору — больной и т. п.
оо ← ога, үйү:
чоон=узб. йоган — толшина;
өөр =кирг. үйүр — косяк, стадо, табун.

(Транскрипция упрощена. — И. Б.).

В числе языков, в которых древнетюркским долготам соответствуют качественно отличные гласные, отмечается чувашский язык.

Изменение долготы (но уже в обратном направлении: краткий в долгий) в связи с передвижением гласных отмечено также В. А. Богородицким в статье «О долгом и недолгом У в западно-сибирских диалектах и сродных явлениях в других языках» (ДАН, В, 1927 г., стр. 75—78), где долгий «уу» восходит к «ө», а кратк. «у» к «ү»: ишимск. үүл → өл — умри, күс ← күз ← көз — глаз (по-ишимск. түш ← түш — спуститься) и т. п.

В значительной части тюркских языков древнетюркские долготы конвергируются с краткими гласными¹. Так, например, в киргизском или казахском языках имеем:

(бар и баар) → бар — 1) иди, 2) есть, имеется,
(кыз и кыз) → кыз — девочка, девушка,
(аад и ат) → ат — имя и т. п.

В киргизском языке долгие гласные возникли на почве разложения дифтонгов или утраты согласных.

Это так называемые заместительные долготы, уже возникшие либо после совпадения древнетюркских долгих и кратких гласных, либо на базе кратких гласных.

¹ По вопросу о соотношении долгих и кратких гласных использована работа Н. Ильминского «Материалы к изучению кирг. наречия», Казань, 1861 г.

В работах В. Радлова мы не находим указания на существование древнетюркских долгот. Вслед за О. Бётлингом, долготы в современных В. Радлову тюркских языках разъяснялись и Ф. Коршем как заместительные, какими в действительности они являются в рассматриваемой нами группе языков. Вопрос о древнетюркских долготах был поставлен лишь в аспекте сравнительного изучения тюркских и монгольских языков (ср., напр., работу Б. Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия». Л., 1929 и ряд др. работ).

Как уже указывалось, О. Бётлингк, а за ним на конкретном языковом материале В. В. Радлов в своей «Фонетике» (§ 98—108) киргизские, алтайские, якутские и другие долготы разъяснил на базе утраты согласного, выделяя два таких основных случая:

А. Благодаря вокализации и слиянию согласных с гласными, как, например: с ѓ з + л е → с ѓ й л ѓ¹ (киргизск.) → с ѓ ѓ л ѓ — (абаканск.) — говори, с е v → с е у (каз.)² → с у у (алтайск.) — люби (§ 99); а г с → а у з → о о з, о о с (кирг.) — рот; о г л → у у л (кирг., телеут. — сын (§ 100).

Б. При слиянии гласных соседних слогов.

каган → каан → хан,

мага → маа — мне (стр. 74).

Таким же образом объясняется и происхождение якутских долгот: х а а ← ка п «мешок» и т. п.

Суммируя выводы В. В. Радлова и его предшественников относительно происхождения долгот, Ф. Корш указывал:

«Радлов высказал мнение, что она (долгота) не первоначальна, а нозникла из стяжения. И точно: во всех тех случаях, которые мы можем объяснить этимологически, долгота оказывается последствием слияния двух гласных, обыкновенно по выпадении некогда их разделявшего согласного звука, если не так называемым вознаградительным протяжением, развивающимся при утрате долготы позиционной вследствие исчезновения согласного или полугласного звука перед другим согласным или в конце слова, как в кумыцком т у у р а — «прямо» из «т о в р а», или в турецком да а — «гора» из «да г», или служащим к восстановлению первоначальной длительности слова, нарушенной сокращением последующего слога»³.

¹ В кирг. языке: с у й л ѓ.

² В казахском — с у й.

³ Ф. Е. Корш, Слово «балдак» и долгота гласных в турецких языках («Живая старина», 1909, кн. 70—71, стр. 756—764). Транскрипция заменена.— И. Б.

Это положение в полной мере относится и к киргизскому языку.

Долгий *aa* разъясняется следующим образом.

На материале киргизских (пржевальского и таласского) говоров *aa* возникает из *ага*:

мага=маа — мне,
сага=саа — тебе,
ага =аа — ему.

Подобно этому, *даа*=*дагы* — ещё.

Из сопоставления фактов киргизского и других смежных тюркских языков: начальный *aa* соответствует *ga*.

Ср.: *аалам*—мир=татарск. *галәм*,

аалым—ученый=татарск. *галим* и т. п.

(Слова эти арабского происхождения. В узбекском они звучат в виде *олам* и *олим*. Исходя из этого, можно полагать, что они проникли в киргизский язык не из узбекского, а из татарского языка, иначе по-киргизски в них не было бы долгого гласного).

В середине слова *aa* возникает из *ага*, *эги* или *за*, *ау*:

саат — час=каз. *сагат*, тат. *сагат*, узб. *соат*,

саан — дойный, доение=узб. *согим*, каз. *сауын*,

жаан — дождь=каз. *жауын*,

жаа — идти (снегу, дождю)=каз. *жау*, узб. *ёг*.

Возможны случаи перенесения долготы из др. языка: узб. *ма'но*=кирг. *маана*, *маани* — смысл, значение.

Часты случаи образования *aa* взамен *ах*, *аһ* (узб. *ох*, *оһ*):

каала — желать=узб. *хохла*

(но казахск. *калау*),

ыраакат—блаженство=узб. *рахат*, каз. *рахат*,

асаат—наставление=узб. *насихат*,

аамыят—важность, значимость=узб. *ахамият*,

тат. *әһәмиәт*,

жаан — мир=узб. *жахон*,

саар—рассвет=узб. *сахар*,

шаа—шах=узб. *шоҳ*, каз. *шаһ*.

шаар—город=узб. *шәһәр*,

Долгий *aa* может возникать из *ай* (узб. *ой*), *ак*:

таа=тай—родство по матери,

жаа—лук (оружие)=узб., *ей*, каз. *жак*.

Значительно реже *aa* возникает из *ыпа*, *ыба*, *ипо*:

чаар—пестрый, чубарый=узб. *чипор*.

Не следует думать, что киргизскому долготому *aa* обязательно соответствует в узбекском или казахском один из вышеперечисленных типов звуко сочетаний. Ср.:

да а н а—штука=узб. д о н а, каз. да н а,
жа а к—челюсть=узб. жа г,
на а да н—невежда=узб. н о д о н, каз. на да н,
на а м—звание=узб. н о м,
са а да к—колчан=каз. са да к и т. п.

Образование *ээ* разъясняется из сочетаний гласного с *г, й*:

т э э л е = т е й л е—убирать, приводить в порядок,
э э —хозяин=каз. и е, узб. э г а,
б э э —кобылица=узб. б и й э,
э э р —седло=узб. э г э р,
м э э л е й —рукавицы перчатки=каз. б ы я л а й,
л э к —подбородок=каз. и е к, узб. и я к; н э э т —на-
мерение=узб. н и я т. каз. н и е т,
м э э —мозг=каз. м ы й, узб. м и я.

Долгий *оо* возникает преимущественно либо на почве *ау, ав*, либо на почве *аг*=каз. *ау*:

- 1) з о о т=завод,
д о о р —век=узб. да в р,
то о ш, д о о ш, д о б у ш—голос=узб. то в у ш, каз .
да у ы с,
то о к —курица=узб. то в у к, каз. та у ы к,
со о т —панцирь=узб. со в у т, каз. са у ы т,
- 2) о о р у —болезнь=узб. о г р и к, каз. а у р у,
о о з —рот=узб. о г н з, каз. а у ы з,
о о р —тяжелый=узб. о г и р, каз. а у ы р,
- 3) то о —гора=узб. та г, то г, каз. та у,
бо о —сноп=узб. ба г, бо г,
со о —здоровый=узб. са г, со г, каз. са у.
(из *г* или *ау*, замыкающих слог).

Наличие широкого гласного не обязательно в исходной форме:

шо о ла —луч=каз. с э у ле, узб. шу ла,
то о м ду у —узловой=каз. т у й и н д и, узб. т у г у н -
ли.

Образование *оо* возможно из *уй*:

ко о —загон, ограда=орх.-енис. к у й —терем. Или
из о го:
то о т=тогот —заставить обратить внимание.

¹ По техническим причинам две разновидности «х» в узбекских примерах здесь особо не обозначаются.

Долгий *өө* возникает из сочетаний преимущественно перед гласных с *й, г, н, х* или *в (у)*:

өөдө — подъем, верх,
төө — верблюд=тат. тэвэ, дөйө,
сөөл — бородавка=каз. сүйел, узб. сүгэл,
күйөө — зять=орх.-енис. күдегү,
сөөк — кость=узб. суюк и т. п.
мөөр — печать=узб. суюк и т. п.
мөөр — печать=узб. мухр,
дөөлөт — богатство=узб. дэвлэт,
дөөмөт — черед=узб. нэвбэт.

Долгий *уу* возникает преимущественно из *огу, уг, ог, уб, ув, ов*:

уул — сын=орх.-енис. огул, узб. угил,
буу — пар=узб. буг,
уруу — род, племя=узб. уруг,
улуу — великий=узб. улуг,
туу — родить=енис. тог, узб. туг.
суу — вода=енис. суб. узб. сув, хакас. суг,
жуу — мыть=узб. юв, хакас. чуг, каз. жу (жув),
суук — холод, холодный=узб. совук, каз. суык,
уу — охота=узб. ов.
чуу — гомон=узб. шов-шув.

Впрочем, киргизскому долгому *уу* в узбекском и татарском языках может соответствовать гласный:

буурул — чалый=узб. бурул,
буурчак — горох=тат. борчак и т. п.

Долгий *үү* возникает преимущественно из *үй, иг*:

чүүлү — чүйлүү — ястреб тетеревятник,
күү — напев=каз. эн-күй, узб. куй,
көчүү — брод=енис. кечиг,
элүү — пятьдесят=узб. элик из элиг и т. п.

Помимо рассмотренных случаев возникновения долгот, можно отметить также появление их в отдельных словах на базе утраты *н*:

Кирг. дүн, дүү — слава, известность.

Кирг. көнүл, көөн — сердце, желание и т. п.

В отдельных случаях сочетания *VbV*, при ослаблении *б*, также могут давать долгий гласный:

чыбар, чаар — пестрый, чубарый,
мубарек, маарек — благословенный,
тоботуу, тоотуу — заставить обратить внимание,
чубуруу, чууруу — двигаться гуськом.

Вместе с этим, долгие *аа, ээ* возникают в деепричастиях от глаголов на *м, н*:

теп → тээп—лягая,
там → таамп—капая и т. п.

Долгие гласные в киргизском языке встречаются как в основах, так и в ограниченной группе аффиксов.

В соответствии с нормами действующей сейчас системы орфографии киргизского языка долгота гласных графически отражается в следующих пяти аффиксах:

1) В аффиксе для образования прилагательных обладания -луу / -лүү / -дуу / -дүү / -туу / -түү (напр., балалуу — имеющий детей, а р түрдүү — различный, таштуу — каменистый, изобилующий камнями).

Аффикс этот представляет из себя вариацию аффикса -лык, -лыг, где конечный г дал заместительную долготу предшествующего гласного.

2) В аффиксе для образования отглагольных имен и инфинитива -уу / -үү / -оо / -өө (напр., жазуу — писать, келүү — приходить, баштоо — начинать, иштөө — работать). Аффикс этот, очевидно, восходит к *-ыг*.

3) В аффиксе для образования собирательных числительных -оо / -өө¹ (напр., экөө, өкөө — двое, алтоо — шестеро).

4) В аффиксе для образования усилительной степени -раак, -рээк, -роок, -рөөк (напр., суулуураак — водный, из суулуу — водянистый; жакшыраак — получше и др.).

5. В аффиксе *-дооч* (из да+гыч): чардооч — инструмент для выделывания ранта, баяндооч — сказуемое и т. п.

Кроме того, долгие встречаются в произношении аффиксов -аган (алаган, алаган — часто берущий, жадный), -агач (көрөгөч, көрөөгөч — зоркий, прозорливый), -чак (оюнчак, оюнчаак — игривый), -уул (чабуул — атака, скачки, быстрая езда). Факультативно долгий эмфатический гласный может возникать и в образовании на -ар, если оно оказывается в позиции сказуемого² (в произношении: кат жазармын — я, может быть, напишу письмо).

В ряде случаев в киргизском языке встречаются дублетные варианты с долгим и кратким гласным в отдельных словах. Примеры:

тооба и тобо — раскаяние,
тебээле и тебеле — топтать,
таажы и тажы — корона,

¹ Ср. с каз. *-ау, -еу*.

² Отмечено К. К. Юдахиним.

чогоол и чогол—назв. колючего растения,
чолоо и чоло—досуг,
дидаар и дыдар—физиономия, вид лица.

Свидетельствует это, очевидно, о потенциальной тенденции к сокращению долгих гласных перед сонорными и некоторыми звонкими согласными.

Развитие долгих гласных в односложных словах типа «тоо — гора», «суу — вода», оканчивающихся в древности на «г», шло таким путем:

таг → таw → tow → тоо

суб, суг → суw → суу

Процесс разложения «г» начался на рубеже I и II тысячелетий н. э., в первый период продвижения киргизов с Енисея на Тянь-Шань.

Варианты tow, суw сохраняются еще в части говоров (напр., в таласском и на юге). Надо думать, что переход дифтонга в долготу завершился уже на Тянь-Шане.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАСНЫХ РУССКОГО И КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКОВ¹

Фонема «а»

Фонема *а* в русском языке реализуется в виде негубного гласного нижнего подъёма, среднего по месту образования, произносимого при спокойном положении подъязычной кости, благодаря чему язык, сравнительно с произношением других гласных, оказывается менее напряженным, почти плоским, иногда с чуть вдавленным средним участком, а кончик его соприкасается с нижними альвеолами или с нижними передними зубами. Наиболее типичными примерами произношения этой фонемы могут служить гласные в словах *дан* и *сад*.

В зависимости от сочетания с другими звуками, а также от отношения к ударению фонема *а* может реализоваться в двух разновидностях: более передней и более задней.

В сочетании после передних согласных, особенно после губных *п*, *м*, *р*, несколько меняется качество произношения рассматриваемой фонемы, так как весь уклад языка в первый момент произношения гласного тяготеет к передней позиции, что мы имеем в таких словах, как *пять*, *мясо*, *ряд* и т. п.

Здесь фонема *а* реализуется в виде звука, приближающегося к *э*, иначе — к *а* переднему по месту образования.

В отдельных частных случаях, при напряженном произношении фонемы *а* под ударением, она может реализоваться в виде заднего по месту образования звука, произносимого с наибольшим раствором ротовой полости, с оттянутой назад подъязычной костью и с отрывом кончика языка от основания нижних зубов, что можно иногда услышать в слове *Азбука*, когда в первом слоге произносится теноровый гласный. Сравнивая высоту голоса при произношении *а* (среднего по

¹ Здесь дается характеристика по месту и способу образования без сопоставления долготы гласных. Об их количественной характеристике см. ниже.

Описание русских гласных заимствовано из работы Л. В. Щербы «Фонетика французского языка», Л.—М., 1937 г.

месту образования) и А (заднего), следует отметить, что первый оказывается более низким, чем второй.

Во втором слоге перед ударением фонема *а* реализуется в виде беглого звука *э*, близкого к слабому краткому *ы* после твердых согласных, а после мягких согласных — в виде *ь* (звук, близкий к слабому краткому *и*, но более широкий по своему образованию): задержать=зъдержат' (зъдиржат'), рядовой=ръдавой, бархат=бархът и т. п.

Таким образом, фонема *а* в русском языке в зависимости от от позиции в слове может реализоваться в виде *а*, *А*, *э*, *ь*. Однако типовой характеристикой ее в начале односложных слов, в односложных словах после твердых согласных и в конце слова после ударения, как довольно часто и под ударением в двухсложных и многосложных словах, остается *а* (средний по месту образования).

В киргизском языке фонема *а*, как общее правило, в первых слогах, а также и в слогах, предшествуемых гласными *а*, *ы* или *у*, реализуется в виде негубного, широкого гласного, заднего по месту образования, произносимого с оттяжкой подъязычной кости назад и отрывом кончика языка от основания передних (нижних) зубов. Произносится он с несколько большим напряжением языка, а по степени раствора ротовой полости оказывается более широким, чем типовое произношение русской фонемы *а*. В нашем условном обозначении такая характеристика может быть передана знаком *А*.

С точки зрения тональности в киргизском языке фонема *а* оказывается более теноровой, нежели русск. *а*. По месту образования характеристика фонемы *а* в киргизском языке не зависит от ее позиции относительно ударения: так, в слове *а т а* — отец фонема *а* в первом и втором слогах произносится одинаково.

Вместе с этим, следует отметить, что и сочетание в одном слоге с согласными не отражается на особенностях произношения этой, как и ряда других фонем, так как в киргизском языке действует закон сингармонизма слога, в силу которого звуки, составляющие слог могут быть или передними, или задними, а сочетания типа *В а н я*, *м я с о* и др., где передний согласный сливается со средним *а*, не встречаются; благодаря этому, на начальных ступенях овладения русским языком учащиеся-киргизы указанные слова произносили почти как «вана, бана, масо, мяско» и т. д.

Типовые характеристики фонемы *а* в русском и киргизском языках оказываются различными: в русском языке произношение ее тяготеет к гласному, среднему по месту образования

(а), тогда как в киргизском языке эта фонема реализуется в виде заднего по месту образования гласного А.

Такое различие в произношении фонемы а в русском и киргизском языках не отражается, однако, на смысловой стороне при изучении русского языка учащимися-киргизами, так как звуки а и А в русском языке не противопоставляются как самостоятельные фонемы: слова л а м п а, а з б у к а, м а й и др. не меняют своего содержания, если их произнести в виде л А м п а, А з б у к а, м А й или в виде л а м п а, а з б у к а, м а й и т. п.

Фонема «э»

В русском языке э реализуется как негубной гласный, среднего подъема, передний по месту образования. Однако такая типовая характеристика не исчерпывает собою признаков этой фонемы, так как и в зависимости от сочетания с некоторыми согласными (а также и в зависимости от своей позиции относительно ударения) фонема э звучит различно.

Можно выделить 4 основных варианта звучания фонемы э, которые условно обозначим знаками э, е, и, ь.

Вариант э (широкая или открытая разновидность э) обнаруживается под ударением в позиции перед задними согласными, находясь как в начале слова, так и следуя после палатального¹ согласного, например, в словах: о т е ц, э т о, с у д е б, п л а н е т а, м е л и др. Как указывал проф. Л. В. Щерба, в начале слова и между палатальным согласным фонема э начинается с широкого и и кончается очень широким э, образуя так называемый «дифтонгоид» (лигвистически простой неделимый звук, начинающийся или кончающийся весьма кратким и не могущим быть отделимым гласным призвуком иного качества).²

В словах же типа ш е й, ц е п ь, в которых сочетается «твёрдый» согласный с э, дифтонгоид не слышится.

В рассмотренных примерах фонема э реализуется в виде своей более широкой (открытой) разновидности.

Вариант э, более узкий, нежели предыдущий, чаще реализуется под ударением перед или после «мягких» согласных, что можно услышать в словах д е т и, э т и, с е т ь, м е л ь.

¹ Палатальные согласные, кроме прочих условий, произносятся при дополнительном приближении языка к нёбу (к палатуму), благодаря чему они приобретают «мягкий» оттенок. Гуттуральные образуются при дополнительной работе языка в заднем участке ротовой камеры, а потому становятся «твёрдыми».

² Проф. Л. В. Щерба. Фонетика французского языка, стр. 34.

В предударном слоге фонема *э* звучит в виде краткого *и*, напр., в словах: с е л о —сило, в е с н а —висна и т. п.

В слоге после ударения (а особенно во втором и третьем безударных слогах) фонема *э* реализуется в виде беглого полуузкого передне-среднего звука *ь* (который шире *и* и отличается от *э* более передним образованием). Звук *ь* слышится в таких, например, словах, как воз ле (воз'ль), се ме њ а (с'ьмина), че л о в е к (чьлав'ек) и т. п.; при этом, после твердых шипящих вместо *ь* слышится *э*: ше л е с т е т ь (ш'элис' т'э'т'), же с т я н о й (ж'эс'т'ёной) и т. д. В русской графике буква *е*, следовательно, обозначает звуки: *э, е, э, ь, и, йэ*.

В киргизском языке фонема *э* реализуется как звук среднего подъёма, более заднего образования (т. е. более твёрдый), нежели *е* в словах с е н о, т е н ь и некоторых других, не имея дифтонгоидного оттенка, что коренным образом отличает киргизское произношение фонемы *э*.

Независимо от своей позиции в слове относительно ударения, фонема эта произносится одинаково в виде *е* и не имеет таких комбинаторных вариантов, как в русском языке (*э, е, э, ь, и*). Таким образом, в различных слогах одного слова она звучит одинаково. Например: к е л г е н (кел'ген') — пришедший, э л е с (елес') — образ, силуэт и т. п.

При овладении же русским языком в процессе устного общения русская фонема *э* воспринимается учащимися-киргизами орфоэпически, и различные комбинаторные ее варианты часто осознаются как самостоятельные фонемы.

Наблюдая произношение лиц, усвоивших элементы русского языка лишь в процессе устного общения с русскими, обнаруживаются, например, такие произношения слов с е л о, м а т е р и а л, т е л е г р а м м а: с и л о, м а т ы р ы а л, т и л ' г и р е м ', где безударный *э* закономерно переходит в *и* или *ы*.

Наоборот, наблюдая произношение лиц, самостоятельно изучающих русский язык по письменным источникам, часто обнаруживается одинаковое произношение фонемы *э* под ударением и в безударных слогах.¹

Фонемы «и» и «ы»

Фонема *и* в русском языке реализуется как негубной звук верхнего подъёма, переднего образования.

Однако и в пределах лишь такой характеристики отмечаются разновидности более узкого и более широкого *и*. Так,

¹ Как отмечает проф. С. Қ. Кенесбаев, в казахском языке фонема «э» может иметь артикуляционные различия в двухсложных и многосложных словах (См. «Современный казахский язык. Фонетика и морфология». Алма-Ата, Изд-во Казахск. ССР, 1962, стр. 32).

На материале киргизского языка это пока не подтверждается.

например, в слове *н и т и* обнаруживается узкий оттенок, а в слове *б и т ы й* более широкий оттенок фонемы *и*¹.

В киргизском языке фонема *и* соответствует разновидности русского широкого *и*, но оказывается более задней по месту образования, благодаря чему русские иногда воспринимают конечный киргизский звук *и* почти как *ы*: кирг. «келди (кел'ді)²—он пришел» воспринимается почти как «кельды». Киргизами же русская фонема *и* ассоциируется также с киргизской *и*, которая произносится короче и несколько напряженнее, со слегка оттянутыми углами рта, причем кончик языка при изолированном произношении этой фонемы меньшей своей поверхностью прикасается к нижним зубам, тогда как при русском произношении *и* язык оказывается менее напряженным и больше прилегает своим кончиком к нижним зубам.

Независимо от того, считать *ы* для русского языка самостоятельной фонемой или лишь комбинаторным вариантом фонемы *и*, следует остановиться на характеристике этого звука, распространенного в русском языке.

В русском произношении *ы* реализуется как негубной гласный верхнего подъема, средне-задний по месту образования.

В киргизском же языке фонема *ы* реализуется как беглый, негубной средне-верхнего подъёма (следовательно, более широкий), более задний, нежели в русском языке, и приближается больше к *э*, чем к *ы*. Русский ударенный гласный *ы* часто ассоциируется начинающими учащимися-киргизами с *и*, благодаря чему *вм. мы, рыба, тысяча* можно услышать почти *ми, риба, тисача* и т. п. (т. е. *мі, ріба, тісача*).

Фонема «о»

Фонема *о* реализуется в русском языке под ударением как губной гласный, полуузкий, задний по месту образования, при произношении которого губы образуют округлую щель, кончик языка отрывается от основания нижних зубов, а задний участок языка приближается к нёбу, достигая, примерно, такого уровня поднятия, как и при произношении *э*. Вместе с этим, в русском языке *о* имеет дифтонгоидный оттенок, начинаясь как бы с очень краткого широкого *у*.

В киргизском языке *о* произносится несколько напряженнее, при оттягивании углов губ (но щель остается округлой),

¹ См. Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, стр. 29.

² Знаком *і* мы обозначаем такой задний вариант «и», который по месту образования оказывается на грани между передним и средним участком спинки языка, являясь промежуточным между русскими «и» и «ы».

при большей оттяжке языка назад и при несколько большем его поднятии, не приобретая дифтонгоидного оттенка.

В безударных слогах в русском языке фонема *о* произносится почти как *а* (в первом предударном слоге) или в виде *ъ* (во втором предударном слоге и более отстоящих слогах от ударного). Например, голова, потолок и т. д. произносятся в виде: гѡлава, пѣталок и т. п.

Подобное изменение гласного *о* в зависимости от ударения не имеет места в киргизском языке.

При овладении русским языком в процессе устного общения безударный *о* часто воспринимается учащимися как *а*.

В живой речи, особенно у представителей старшего поколения, можно было ещё недавно услышать: ашмѹшке, мампазі, батынооз и др. (осьмушка, монпансье, поднос), где фонема *о* вне ударения воспринималась как *а*. В отдельных словах фонема *о* произносилась и как *ы* (*ѣ*), напр., в слове паспорт, которое иногда произносилось в виде башпырт (бАшпѣрт). По законам сингармонизма в подобных случаях *о* → *ѣ* → *у*: доктор → доктѣр → доктур.

Когда фонема *о* в русском языке следует после мягких согласных (напр., как в слове лёд) или после *й*, освоение ее произношения составляет для учащихся-киргизов значительную трудность, так как не находит звукового соответствия в киргизском языке.

В этом случае, обычно, согласный выделяется учащимися в отдельный слог, путем добавления к нему краткого *й*; слышим: мийот (мѣд), лийот (лѣд) и т. п.

Фонема «у»

Фонема *у* в русском и киргизском языках реализуется как гласный заднего образования, верхнего подъёма, артикулируемый губами, образующими плоскую щель.

В киргизском языке эта фонема произносится в виде гласного более заднего (произносимого с большей оттяжкой языка назад) и более узкого, нежели в русском языке.

Таким образом, в русском языке фонема *у* выступает как более широкий звук, занимающий промежуточное положение между киргизскими *о* и *у*.

Долгота гласных

Сравнивая скорость произношения кратких гласных киргизского языка со скоростью произношения ударенных гласных русского языка, следует отметить, что киргизские глас-

ные произносятся короче (или быстрее), нежели русские. Это отличие долгот может быть выражено, приблизительно, отношением 2:3, т. е. в то время как в русском языке произносятся два гласных, в киргизском три¹. Безударные же гласные русского языка значительно короче ударенных, а по долготе своей в первом и втором предударных слогах, в общем, соответствуют нормальному краткому гласному в киргизском.

Что же касается киргизского языка, то в нем долгота гласного не зависит от ударения, а потому краткие гласные в безударных и ударенном слогах одного слова произносятся с одинаковой долготой.

В связи с этим, начинающие учащиеся, читая текст, состоящий из двухсложных и многосложных русских слов, в котором не отмечены ударения, все слоги произносят с одинаковым протяжением, сокращая долготу ударенного слога.

Когда же в тексте отмечено ударение, или когда учащиеся на слух улавливают его, они на первых этапах овладения русским языком отождествляют русские ударенные гласные с долгими гласными киргизского языка, которые в нем являются самостоятельными фонемами (аа, ээ, оо, өө, уу, үү), а эти, последние, по своей долготе приблизительно в 1,5 раза протяжнее русских. Русские сочетания двух одинаковых гласных (ср.: сооружение, вооружение и т. п.) не тождественны киргизским долгим гласным, так как в русском произношении между гласными в этом случае образуется зияние, тогда как в киргизском долгий гласный не членится перерывом или сокращением силы выдоха.

Общие замечания к характеристике гласных

Рассматривая в целом систему русских и киргизских гласных, можно отметить следующее:

1) Русские гласные *а, ы, и, у* по месту образования оказываются более продвинутыми вперед и менее напряженными, нежели киргизские.

2) Русские *э, о* могут реализоваться как более широкие, нежели соответствующие киргизские, и имеют дифтонгоидный оттенок.

2) Русские гласные изменяют свою долготу и акустические оттенки в зависимости от положения в слове относительно ударения; меняется также степень напряжения гласных в за-

¹Количественная характеристика явлений дана в этой книге без инструментального анализа фактов.

Не исключено, что в свете экспериментальных (кинографических и рентгенографических) данных некоторые явления получают иную характеристику.

зависимости от сочетания с последующими согласными (гласные оказываются более напряженными перед мягкими согласными). В киргизском языке долгота гласных не зависит от их позиции в слове относительно ударения, как и степень напряжения гласных не связана, в общем, с качеством смежных согласных.

Из истории и соотношения гласных в киргизском и некоторых других языках

В ходе своего исторического развития киргизы общались со многими народами. Это нашло свое отражение и в лексике киргизского языка. Ее основу составляют общетюркские слова, как *а т* — лошадь, *кел* — приходи, *ал* — бери, *ат* — стреляй и др.

Монгольские слова входили в киргизский язык в древний период, в XIII в. и во времена господства джунгарцев (ср.: *эл* — народ, *э р т е н* — завтра и др.). Слова арабского и иранского происхождения заимствовались главным образом в XIX в., т. е. когда Киргизия была под гнетом Кокандского хана, усиленно насаждавшего ислам.

У киргизов складывались все новые и новые собственные слова, а со второй половины XIX в. в их язык начинают проникать русские слова.

После Октябрьской революции русский язык становится одним из главных источников обогащения киргизского и других языков. Неизмеримо выросла лексика языков народов СССР, выражающая новые явления и отношения. Заимствованные русские слова стали органической частью киргизского языка.

В то же время постепенно выпадают (забываются) слова, выражавшие уже устаревшие понятия. Например, многие не знают значения таких слов, как *төтөгө* (расшивка на юрте), *тыбылыс* (вид бязи), *чопкут* (панцирь), *тооп* (кружение вокруг Каабы), *дервиш*, *калпа*, *эшен* (дервиш, халфа, ишан), *гүбүрнөтүр* (губернатор) и т. п.

Остановимся на беглой характеристике соотношения некоторых гласных киргизского и других языков.

1. В лексике, повторяющейся в тюркских и монгольских языках, можно отметить такие современные соотношения.¹

а) тюркскому *a* первых слогов соответствует монгольский *i*.²

¹ См. Б. Я. Владимирцов. Сравнит. грамматика монг. письмен. языка и халхаск. наречия, стр. 143—176.

² В монгольском языке *ы* и *и* конвергировались с рефлексом *i*.

кирг. с а р ы (желтый)—монг. с і р а,
кирг. к а р (снег)—монг. к і р м а г—мелкий снег (иней);
б) общетюркскому *ы* в первых слогах соответствует монгольск. *а*:

кирг. а л т ы н=тюркское и карлукское а л т у н (золото)=монг. а л т а н,

кирг. к а т ы к (окрепнуть)=монг. к а т а г у (жесткий) и т. п.

в) губные первых слогов в ряде случаев совпадают:
кирг. о р д о=монг. о р д у — ставка, лагерь.

кирг. т ө р т—четыре=монг. д ө р б е н,

кирг. т ү р —вид=уйг. түр=монг. дүр.

Во вторых слогах киргизским губным могут не соответствовать губные в монгольском, так как закон лабиально-сингармонистического чередования там не действует.

г) Кирг. *э* в первых слогах в монгольском, обычно, соответствует *э*:

кирг. б е л —поясница=монг. б е л,

кирг. э л —народ=монг. э л (в слове э л ч и н —посол, гонец народа).

В общетюркской лексике можно отметить такие параллели:

а) Киргизскому *э* (*е*) в татарском языке в подавляющей массе общих (но не всех) слов соответствует *и*, а киргизскому *и*—татарское *э* (*е*):

кирг. к и м —кто=тат. к е м,

кирг. б е л —поясница=тат. б и л.

Киргизским же *ы*, *и* в узбекском и уйгурском, где они конвергировались с рефлексом *і*, соответствует *і*: узб. б і з=кирг. б и з — мы и т. п.

б) Киргизскому *э* (*е*) в языках, где имеется различие *а* и *э*, может соответствовать в одних случаях *э* (*е*), в других — *а*:

кирг. м е к т е п — школа=узб. м ә к т ә б, но

кирг. к е л — приходи=узб. к е л и т. п.

в) Киргизскому *а* в тюркских языках, где есть различие *а* и *э*, соответствуют *а* и *э* (не во всех, однако, словах, ибо соотношение соответствий менялось в зависимости от источника и даты вхождения лексики в кирг. язык):

кирг. ш а а р —город=узб. шәһәр,

кирг. а я л — женщина=каз. әйе л.

Таким образом, реализация *э* в киргизском языке относительно узбекского и казахского идет путем *э* → *а*, либо путем *э* → *э*:

каз. ә к=кирг. а к и —известь,

каз. бә л е к е т=кирг. б а л е к е т —бедовый,

каз. к ә с и п=кирг. к е с и п¹— профессия,

каз. т ә н=кирг. т е н —тело,

узб. д ә р ә х т=кирг. д а р а к —дерево,

узб. д а ф т а р=кирг. д е п т е р —тетрадь,

узб. д а м=кирг. д е м —дыхание.²

г) Киргизскому долготу широкому гласному *oo* соответствует в казахском дифтонг *aw*, а в узбекском, уйгурском, туркменском—сочетание *ag* (узб. *og*): кирг. т о о —гора=каз. т а w=уйг. т а г=туркм. д а г=узб. т о г.

Долготу *uu* в казахском и узбекском, в общем, соответствуют дифтонги: кирг. с у у — вода=каз., узб. с у w.

Киргизскому *yy* может соответствовать в ряде случаев в узбекском и уйгурском -ik.

кирг. э л ү ү —пятьдесят=узб. э л л и к=уйг. э л л и к.

В связи с конвергенцией *o* и *ö* или *y* и *ü* в ряде узбекских диалектов, киргизским *o* и *ö* или *y* и *ü* в узбекском соответствуют *o* или *y* (средние по месту образования):

кирг. к ү н=узб. к у н (ь)=день,

кирг. к ө л=узб. к о л (ь)—озеро.

д) Подмена гласных в различных языках идет в соответствии с их количественным составом.

Перечень кратких гласных некоторых тюркских языков:

Я з ы к и	Г л а с н ы е
1. Киргизский	а э о ө ы и у ү
2. Узбекский (ташкентский говор)	э э э о і у
3. Узбекский (катаганский говор)	а э э э о ө ы и у ү
4. Уйгурский	а э э о ө і у ү
5. Казахский	а э э о ө ы и у ү
6. Каракалпакский	а э э о ө ы и у ү
7. Туркменский	а э э о ө ы и у ү

П Р И М Е Ч А Н И Я: 1. В таблицу не включены долгие гласные киргизского и туркменского языков, а также не отражены восходящие дифтонги *из=e*, *yo*, *yö* казахского и каракалпакского языков, как и *үw*, *үw*.

2. При установлении соответствий следует принять во внимание, что во вторых и последующих слогах в языках, где лабиализация гласных в основах утрачена в большей мере, чем в киргизском, киргизскому лабиальному гласному может соответствовать нелабиальный: кирг. т ү л к ү — ли-

¹ Здесь наличие *кь* определяет собой э → ә.

² «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина, стр. 575, 576.

‘сица=каз. т ү л к и. Соответствие остается лишь в пределах различия широких (а—э—о—ө) или узких (ы—и—у—ү): если в другом языке был узкий, то в киргизском остается узкий гласный, но качество его может изменяться. Но кирг. о, ө, е соответствует татарским у, ү, и.

Ударение

В киргизском языке, как и в ряде других языков, в составе двух- и более сложных слов один из гласных противопоставляется всем остальным гласным данного слова по силе выдоха (или ударения).

Как известно, различается два типа ударения:

- 1) экспираторное (силовое), построенное на модификации силы выдоха при произношении гласных;
- 2) музыкальное, построенное на модификации высоты голосового тона слогового комплекса.

Экспираторное ударение выступает в качестве одного из средств семантического членения. Так, например, при помощи ударения различаются в русском языке такие парные слова, как замок и замо́к, му́ка и му́ка и т. п.¹

В языках, располагающих экспираторным словоразличительным ударением, оно не имеет одного постоянного места во всех словах.

Словоразделительное ударение, как общее правило, имеющее для каждого конкретного языка во всей массе слов одно постоянное место (т. е. падает только на первый, либо на средний, последний слоги), служит для определения границы слова в предложении.

К числу таких языков, использующих ударение, как средство членения предложения, относятся тюркские (с ударением на последнем слоге. Впрочем, в отдельных случаях, о чем речь будет идти особо, обнаруживается в тюркских языках и явление депласации ударения), монгольские (с ударением на первом слоге), французский (с ударением на последнем слоге), чешский (на первом), польский (на предпоследнем), финские и некоторые другие.

К языкам с мелодической акцентуацией относятся: тибето-китайские, японский, малайские, ряд языков Океании и др.

Мелодическая акцентуация была присуща ведаическому и древнегреческому языкам².

В тюркских языках, как общее правило, используется словоразделительное экспираторное ударение, и лишь в отдель-

¹ Ударенный гласный обозначаем здесь и ниже курсивом.

² Ср.: Р. Брандт. Начертание славянской акцентологии. СПб., 1880.

ных случаях обнаруживается музыкальное ударение, в первую очередь во фразовой мелодии; во вторых, как явление, сопутствующее экспираторное ударение во многосложных словах.

О. Бётлингк отмечал, что в тюркских языках, «ударение делается на последнем слоге» (О языке якутов, стр. 413).

В. Радлов в своей «Фонетике», а за ним П. М. Мелиоранский и др., выделяли с точки зрения различных степеней силы экспирации три типа слоговых гласных:

- 1) с полным ударением,
- 2) с полуударением,
- 3) безударные слоговые гласные, соответственно обозначая их знаками: $\underline{\parallel}$, $\underline{\smile}$, $\underline{\cup}$

Например, в сочетании основы *ат* с различными аффиксами картина соотношения этих типов ударения представлена В. Радловым в следующем виде: ат-тар = $\underline{\smile} \underline{\parallel}$

ат-тар-га = $\underline{\smile} \underline{\cup} \underline{\parallel}$

ат-тар-ы-ма = $\underline{\smile} \underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\parallel}$ и т. п. (§ 136).

Как отмечал Н. К. Дмитриев, и теперь почти всеми признаётся, что кроме экспираторного ударения (на форманте), в турецком языке наблюдается музыкальное (на последнем слоге неразложимого корня), например, «*баш-ли-ча* — главный»¹.

Устанавливая в халхаском наречии наличие двух типов ударения — главного и второстепенного, акад. Б. Я. Владимирцов считал, что «это второстепенное ударение бывает одновременно экспираторным и музыкальным»².

Сопоставляя факты тюркских языков и монгольского, он находил, что в древних тюркских языках ударение, как и в монгольском, падало не на последний, а на первый слог (в связи с этим должна быть учтена и зависимость музыкального и экспираторного ударения, а наличие в многосложных словах музыкального ударения в тюркских языках может служить одним из подтверждений положения Б. Я. Владимирцова о древнетюркском ударении на первом слоге).

Гармония гласных, как и возможность переноса ударения при эмфазисе, рассматривались Б. Я. Владимирцовым как одно из подтверждений былого наличия ударения на первых слогах.

Между прочим, в качестве следов ударения на первом сло-

¹ Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка, стр. 75.

Вопрос о передвижении главного ударения в связи с энклитичностью некоторых аффиксов дополнительно рассмотрен Радловым в § 138 его «Фонетики».

² Б. Я. Владимирцов. Сравнительн. грамм. монг. письм. языка и халх. наречия, стр. 97 (§ 34).

ге Ф. Корш усматривал явление редукции узких гласных во вторых (закрытых) слогах при наложении аффиксальных гласных (агыз — агзы, боюн — бойну и т. п.).

«Такие стяжения, как шорское и абаканское *аас* из *агыз* — рот, могли произойти только при удареии на первом слоге»¹.

Экспираторное ударение в киргизском языке в значительной части корней и производных образований падает на последний слог.

Оно не зависит от долготы гласного (суулар — воды, тоолор — горы, окуучулар — учащиеся и т. д.). Стремление же у некоторых индивидов передать русские ударенные гласные через долготы (напр., *вата* — через *ваата* и т. п.), объясняется отнюдь не тем, что ударение и долгота гласного в киргизском языке тождественны, а тем, что русские ударенные гласные, сравнительно с неударенными, оказываются более протяжными², а потому в отдельных случаях могут восприниматься как долготы.

Точно также и русские, впервые приступающие к изучению киргизского языка, часто отождествляют на первых порах долготу и ударение³.

В киргизском языке нет зависимости между долготой гласного и экспираторным ударением.

Н. И. Ильминский в ряде работ по казахскому языку также отмечал, что ударение не нарушает природной долготы или краткости гласных.

При анализе ударения в киргизском языке нужно выделить три вопроса: во-первых, об ударении в основах; во-вторых, в аффиксах; в-третьих, в многосложных сочетаниях основ и аффиксов.

В двух- и более сложных словах значительной части лексики ударение в киргизском языке падает на последний слог: *китеп* — книга, *ата* — отец, *сагызган* — сорока и т. д.

Впрочем, теперь уже имеется ряд отступлений от этого правила за счет усвоения ряда русских слов с их нормами размещения ударения. Сначала наиболее передовой частью интеллигенции, а затем последовательно (в зависимости от частоты массового употребления данного слова) и всей массой

¹ Ф. Корш. Слово *балдак* и долгота гласных в турецких языках («Живая старина», кн. 70—71, стр. 161).

² Ср.: Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении.

³ О. Бётлингк в работе «О языках якутов» (стр. 440) указывал на подобное смешение долготы и ударения в якутском языке многими исследователями.

киргизского населения новые слова постепенно усваиваются в соответствии с ударением в источнике заимствования.

В числе таких слов, где ударение не падает на последний слог, выделяется 4 группы:

1. Общеизвестно-политические термины и широко бытующие слова, например: конституция, председатель, диктатура, инструктор, газета, эпос, опера и др.

2. Географические имена. Например: Харьков, Киев, Азия и др.

3. Собственные имена, заимствованные через посредство русского языка. Например, Пушкин и др.

Киргизские фамилии с окончанием на -ов, -ова, -ев, -ева. Например: Асанов, Акылбеков, Турдыбаева и т. д.

Значительная часть аффиксов киргизского языка принимает на себя экспираторное ударение, оказываясь в конце слова:

ж о л д о ш —товарищ,

ж о л д о ш т о р —товарищи,

ж о л д о ш т о р д о —у товарищей,

ж о л д о ш т о р д о г у —который находится у товарищей.

Исключение из этого правила составляют следующие три группы аффиксов-энклитик.

1. Пять предикативных аффиксов:

1) -мын: жазамын—я пишу,

колхозчумун—я колхозник,

2) -сың: жазасың—ты пишешь,

колхозчусуң—ты колхозник,

3) -сыз: жазасыз — Вы пишете,

колхозчусуз — Вы колхозник,

4) -быз: жазабыз—мы пишем,

колхозчубуз—мы колхозники,

5) -ңыз при повелительной форме: жазыңыз—пишите.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Наоборот, предикативные аффиксы -ңыз (при форме на -ды), -сыңар, -нар, как и сочетания аф. -ңызлар=ңыздар и -сызлар=сыздар, принимают на себя ударение: ж а з ы ң ы з — Вы писали, ж а з а с ы ң а р — вы пишете, ж а з ы ң ы з д а р — вы (к неск. лицам) писали, ж а з а с ы з д а р — вы (к неск. лицам) пишете. Остальные же аффиксы имеют ударение на форманте -лар на общих основаниях (Аф. с ы ң а р=с ы ң л а р).

ПРИМЕЧАНИЕ II. Аффикс -ба, образующий отрицательн. глаголн. основу, в киргизском языке, оказываясь в конце слова и перед энклитиками, принимает на себя ударение:

ж а з б а — не пиши, к е л б е — не приходи,

ж а з б а й т — не пишет, к е л б е й т — не придет,

ж а з б а й с ы н — ты не пишешь и т. п.,

При наложении прочих аффиксов ударение передвигается: «ж а з б а + ды = ж а з б а ды — он писал» Это резко отличает киргизский язык от горно-алтайского, где аф. -ба оказывается ударенным во всех позициях: а л б а ды — он не брал и т. д.

2. В аффиксах для образования желательной формы -а й ы н, -а лы, -а лы к конечный слог и аффикс -чы, сочетающийся с глагольными основами, также не принимают ударения:

- 1) ж а з а й ы н — напишу-ка я,
- 2) ж а з а лы к — напишем-ка мы,
- 3) жазчы — напиши-ка.

ПРИМЕЧАНИЕ. Здесь -ы н и -лы к не принимают ударения, очевидно, на том основании, что они осознаются предикативными аффиксами.

3. Два синтаксических аффикса не принимают ударения:

- 1) -бы: а л ж а з ды бы? — написал ли он?
- 2) -го: а л ж а з ды -го! — Он (ведь) написал!

ПРИМЕЧАНИЕ: Служебные слова экен и эле, имеющие самостоятельное ударение на втором слоге, сочетаясь с вопросительным аффиксом -бы или сливаясь с основой знаменательного слова и утрачивая начальный э, ударения не принимают:

б а р бы экен = б а р бе кен — есть ли?
б а р бы эле = б а р бе ле — ну, а есть ли?

В связи с тем, что часть аффиксов в киргизском языке выступает на правах энклитик, ударение в единичных случаях используется и как фактор морфологической дифференциации некоторых омоичных аффиксов¹.

В этом отношении известно пять случаев такой дифференциации:

1) Притяжат. аффикс I л. мн. ч. и предикативный аффикс I л. мн. ч:

б а л а б ы з — наш ребенок,
б а л а б ы з — мы дети.

2) Отрицательная форма на -с ы з и предикат. аф. II. л. мн. ч.: б а л а с ы з — Вы ребенок,
б а л а с ы з — без ребёнка.

3) Прит. аф. II л. мн. ч. и личн. окончание повелит. формы того же лица:

¹ Сама омоичность аффиксов не может быть принята для объяснения такой дифференциации, так как не во всех омоичных аффиксах значение их уточняется ударением; напр.: атта — в имени и атта — называй и т. д.

а т ы ы з — Ваша лошадь,
а т ы ы з — стреляйте.

4) Форма мест. падежа и союз *да*:

а т а д а — у отца,
а т а д а — и отец (также).

Здесь, впрочем, имеется и графическая дифференциация (союз пишется раздельно).

5. Агентивная форма *-чы* и аф. при волунтативе *-чы*:

а т ч ы — конюх; человек, досматривающий лошадей;
а т ч ы — стрелай-ка.

В многосложных сочетаниях основ и аффиксов, принимающих ударение, различаются степени экспирации гласных. Главное (высшей степени) экспираторное ударение здесь падает на последний слог; в составе же неударенных гласных, противопоставляемых ударенным, выделяются свои (но не фонематичные) градации, из которых мы отметим второстепенное ударение и группу слогов с пониженной экспирацией (различных, в свою очередь, степеней).

Как отмечал Б. Я. Владимирцов для монгольских языков, в киргизском языке второстепенное экспираторное ударение совпадает с повышением голоса.

Судя по наблюдениям В. Радлова и С. Кенесбаева, в двухсложных и трехсложных словах второстепенное ударение на слух почти не улавливается. Оно обнаруживается со всей ясностью, лишь начиная с четырехсложных слов, сохраняясь в коренном слоге или на последнем слоге основы.

Ср.: а т = —

а т т а р = 1 1

а т т а р г а = 1 — 11

а т т а р ы б ы з г а = 1 — — 11¹

По этому поводу см. § 136 «Фонетики» В. Радлова и статью С. К. Кенесбаева «Казак тілінің екпін категориясы туралы» (в «Известиях Академии наук Казахской ССР», № 77. Сер. лингвистическая, 1948 г., вып. 5).

Исходя из фактов казахского языка, проф. С. К. Кенесбаев показал устойчивость второстепенного ударения, независимо от удлинения слова при наложении аффиксов, а также осветил и ряд вопросов фразового ударения.

Соотношение экспираторного и музыкального ударений подтверждается в выводах, сделанных В. А. Богородицким в работе «Движение тона в словах двухсложных и трехсложных в татарском языке по экспериментальным данным» (Вест. научн. о-ва Татароведения, 1926, № 4):

¹Перевод: лошадь, лошади, лошадям. нашим лошадям.

1. В двухсложных словах обнаруживается нисходящее движение тона.

2. В трехсложных же словах перед ударенным слогом начинается восходящее движение тона с падением его на ударенном слоге.

Примечание. Помимо того факта, что музыкальное ударение выступает в киргизском языке как сопутствующий элемент при экспираторном, следует отметить еще роль музыкального ударения, во-первых, как средства интонационного различения омонимичных междометий (напр., *ах* с различными интонациями), и, во-вторых, как средство для выражения оттенков: утверждения, вопроса, отрицания, перечисления, присоединения, незавершенности мысли, логического ударения и т. п.

Рассмотрение этих случаев, как и вопрос об эмфатическом ударении, мы опускаем, поскольку они являются предметом особого исследования и, притом, построенного на экспериментальных данных.

Комбинаторные изменения гласных

Под комбинаторными изменениями гласных будем подразумевать все качественные (акустического порядка) изменения гласных фонем, которые происходят в зависимости от комбинации с другими звуками и, при этом, не вносят смысловых изменений в значение всего комплекса-слова.

В числе комбинаторных изменений гласных отметим следующие:

1. Явления сингармонизма.

2. Отпадение, выпадение, вставка гласных.

3. Изменения гласных в зависимости от комбинации их с согласными.

Явления сингармонизма. В киргизском языке в явлениях сингармонизма следует различать три вопроса:

1) о созвучии фонем, составляющих слог,

2) о созвучии слогов двухсложных и многосложных неразложимых корней,

3) о созвучии аффиксов и последнего слога корня.

Созвучие фонем, составляющих слог, базируется в киргизском языке на противопоставлении всех звуков речи (как гласных, так и согласных) по месту образования: передних—задним, или палатальных—веляризованным (по другой терминологии: нёбных — ненёбным, мягких — твердым).

Иными словами, слог может состоять либо только из передних (мягких), либо только из задних (твёрдых) звуков.

К передним, мягким, гласным относятся:

э (е), ээ, и, ө, өө, ү, үү.

К числу задних, твердых, гласных относятся:

а, аа, ы, о, оо, у, уу.

Из согласных почти все в той или иной степени палатализуются (см. ниже).

Например, типы слогов переднего ряда, мягких:

э т —мясо, т у л к у —лисица,
б ө л —дели, к и т е п —книга,
э н е —мать и др.

Типы слогов заднего ряда, твердых:

а т —лошадь, к ы л —делай,
б о л —будь, а к —белый,
т о о —гора и т. д.

Надо отметить, что качество слога определяется здесь не только степенью палатализации—веляризации гласного, но и обязательно соответствующим изменением согласного. В таких парных словах, как например, «б о л —будь» и «б ө л —дели», хотя мы в общей сложности имеем четыре фонемы, из комбинаций которых складываются данные слова, т. е. фонемы: б, л, о, ө, но каждая из согласных фонем имеет здесь два акустических варианта: в слове «б о л» фонема б —заднего, твердого ряда, тогда как в слове «б ө л» она смягчается, выступая уже почти в виде бь. То же самое можно сказать и о двух вариантах: л (в слове б о л) и ль (в слове б ө л)¹.

Степень смягчения согласных в киргизском языке в большинстве случаев гораздо ниже степени смягчения согласных русского языка, где диапазон работы органов речи при произношении парных согласных будет большим в таких, например, словах, как угол и уголь, жар и жарь, чем в киргизском.

Сильнее сказывается смягчение к и л; т. е. амплитуда движения языка при произношении к и кь, л и ль будет большей, нежели при произношении других парных согласных.

Несколько меньше сказывается смягчение т, б, п, д, м, н, р, с, ч, ж (дж), ш, й.

Надо отметить, что существование двух (мягкого и твердого) вариантов каждого из согласных не может рассматриваться как наличие в киргизском языке парных согласных фонем, противопоставляемых друг другу по степени мягкости, как это выражено, например, в русском языке, где (при прочих равных условиях) в таких словах, как угол и уголь семантическое противопоставление базируется только на спонтанном различии л и ль.

¹ Подробному изложению вопроса о слоговом сингармонизме киргизского языка посвящена статья К. К. Юдахина под заглавием «Нужны ли в новом алфавите буквы q и q?» (газета «Советская Киргизия», 10.IV 1940 г.).

В этой статье автор вторично доказал возможность отказа от самостоятельного обозначения кь и гь.

В киргизском языке наличие двух вариантов согласных (твердых—мягких) есть явление чисто комбинаторное, определяемое качеством гласного, благодаря чему, например, *б* и *бб* или *л* и *лб* в словах «*б ол*», «*б ө л*» не могут рассматриваться как самостоятельные фонемы.

Поскольку в значительной части словарного фонда киргизского языка совершенно невозможны сочетания *кз* и *гз* с передними гласными или *кь* и *гь* с задними гласными, постольку *кь* и *кз* или *гз* и *гь* могут рассматриваться как комбинаторные разновидности одной глухой (*к*) или звонкой (*г*) фонемы.

В словах же, вошедших в киргизский язык через посредство русского, как, например, комитет, газета, конституция и др., в произношении части населения мы еще иногда встречаем *къ о м и т е т*, *гъ а з е т а* (или *к е з и т*). Среди интеллигенции, осваивающей русское произношение, в подобных словах появляется уже *к* или *г* другого качества, нежели *к* или *г* в словах *к и м* — кто, *э г е р* — если и т. д.

Таким образом, в речи интеллигенции, по существу, различается три варианта *к* или *г* (идя по повышающимся ступеням смягчения): *кз*, *к*, *кь*, либо *гз*, *г*, *гь*, где и *к* и *г* соответствуют русским заднеязычным *к* и *г* в словах *к о м и т е т*, *г а з е т а* и др.

Явления слогового сингармонизма сильны еще в киргизском языке, и только у незначительного числа представителей киргизского языка начинает вырабатываться произношение новых слогов, в которых слог строится из звуков различных рядов (передних и задних); слова эти в произношении часто еще изменяются. Так, например, слово *т о л ь к и* звучит в виде *т ө л ь к и*. Здесь, благодаря наличию мягкого *лб*, весь слог *т о л ь* смягчается и превращается в *т ө л ь*. *А л ь б о м* иногда звучит в виде *а л б о м* (где задний *а* определяет собой задний вариант *л*). Точно также в киргизском произношении *Г о г о л ь* превращалось либо в *Г о г о л*, либо в *Г ө г ө л ь*¹.

Устой слогового сингармонизма в киргизском языке начинают (пока на примерах отдельных случаев) колебаться. В качестве фактов, идущих уже вразрез с изложенными нормами слогового состава киргизского языка, можно назвать два явления:

1. Появление у ограниченного числа населения заднеязычного варианта *к* и *г* (вместо глубокозаднеязычного *кз* или *гз*) в позиции перед задними гласными (слова типа *к о л х о з*, *г а з е т а* и др.) в новых словах.

¹ См. «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина, стр. 5.

2. Случаи освоения слов, входящих в киргизский язык через посредство русского, в которых в одном слоге сочетаются, наряду с задними гласными, передние согласные (Г о р ь к и й, О л ь г а, д е к а б р ь, Г о г о л ь, и ю л ь).

В двухсложных и многосложных корнесловах киргизского языка, помимо слогового сингармонизма, имеет место и взаимодействие слогов, осуществляющееся не только по степени палатализации, а еще и по степени лабиализации (огубления) гласных.

В связи с этим, в составе гласных киргизского языка противопоставляются лабиализованные гласные (о, оо, өө, у, уу, ү, үү) нелабиализованным (а, аа, э (е), ээ, ы, и).

Как отмечали О. Бётлингк¹ и В. Радлов, в двухсложных и многосложных основах действовали такие нормы взаимодействия гласных: первому слогу основы уподоблялись гласные последующих слогов по степени палатализации и лабиализации. Иными словами, уклад голосового аппарата при произношении первого слога сохранялся по степени палатализации и степени активности губной работы при произношении последующих слогов. Это может быть представлено в следующей таблице:²

Гласный первого слога	Гласный последую- щих слогов	П р и м е р ы
а э(е) о	а, ы э, и о, у	а т а —отец, а з ы р —сейчас, э н е —мать, э к и —два, б о л о т —сталь, о т у з —трид- цать,
ө ы	ө, ү а, ы	ө т ө —очень, ө г ү з —бык, ы я (ы й а) —да, ы с ы к —го- рячий,
и у	э, и а, у	и ч е к —кишки, и н и —мл. брат, у я (у й а) —гнездо, у ч у р — время, момент,
ү	ө, ү	ү к ө к —сундучок для хране- ния съестных припа- сов, ү г ү т —наставление.

¹ О. Бётлингк. О языке якутов, стр. 402.

² Использована схема В. Радлова, данная им на стр. 10—11 в его «Фонетике». Примеры почерпнуты из «Словаря» К. К. Юдахина.

Здесь при взаимовлиянии соседних слогов действуют одновременно как нёбное, так и губное притяжение.

При этом, если возможно только нёбное притяжение без явлений лабиализации, то явления лабиализации уже включают в себя и модификацию по степени палатализации (т. е. твёрдости—мягкости).

Взаимодействие слогов по направлению бывает двух типов:

а) регрессивная ассимиляция, если предыдущие слоги уподобляются последующим;

б) прогрессивная ассимиляция, если ведущим оказывается предыдущий слог основы, а остальные ассимилируются с ним.

Явление регрессивной ассимиляции гласных отмечено В. Радловым в уйгурском языке, о котором он писал на стр. III в ч. VI своих «Образцов»: «Особенно интересно таранчинское наречие в отношении вокализма. Только в этом наречии я встретил такое сильное развитие обратного влияния узких дентально-палатальных и лабио-палатальных гласных на предыдущие широкие гласные».

В качестве примера такой ассимиляции для уйгурского языка можно привести:

а т + і = э т і — его лошадь,

ба л а + л а р + і = ба л л і р і (ба л і л і р і) — его дети,
хатун → хотун — женщина и т. п.

В киргизском языке явления регрессивной ассимиляции обнаруживаются лишь в единичных случаях:

би р ө ө || бү р ө ө — один, одна штука (орфогр.: бирөө),

э к ө ө || ө к ө ө — двое, вдвоем (орфогр.: экөө),

бү г ү н — сегодня (из бу кү н),

бы й ыл — этот год (из бу жыл → бу й ыл),

бы я к — эта сторона (из бу → жа к),

бу + да й = му н да й → мындай — так, такой,

бу + да = мы н да — здесь,

бу + да н = мы н да н — отсюда,

му ну + э ти п = ми н ти п — так,

ба л ки м = бе л ки м — может быть,

па ке т = бе ке т — пакет.

Не следует думать, что обнаруживаемая в этих примерах недопустимость сочетания *у, и, э* первых слогов с *ы, ү, ө* вторых слогов (или *ы, ү, ө* первых слогов с *у, и, э* вторых) или *а* первых слогов с *ө, и, ү, о* — вторых относится ко всем решительно основам киргизского языка. Так, например: би л ү ү — знать, уметь; жы ю у — собирать, ба ш то о — начинать и т. п. вместо *бү л ү ү, *жү ю ү, *бо ш то о.

Или: а д е т—обычай, а б о з—обоз; б е д е ө—конь (бедуин), скакун; б и р о к—но, однако; ы л о о—животное или телега, выставлявшиеся в порядке общественной повинности; б и й-л ө ө—танец, к ы н о о—цена и некоторые другие слова.

Явления регрессивной ассимиляции гласных встречаются в ограниченной группе основ, во-первых, образовавшихся в процессе универбации (сочетания «бу» или «б» с последующими негубными слоговыми гласными), во-вторых,—в словах, созданных сочетанием основ с аффиксами, содержащими губной гласный (всего два слова)¹ и, в-третьих, в заимствованных словах, уклонявшихся от общих норм сочетаний гласных в соседних слогах. В одних случаях в многосложных словах влияние доминирующего гласного (обычно, последнего слога) простирается до начального слога включительно: б у т ы л-к а → б ө т ө л к ө, где обнаруживается одновременно два явления: 1) прогрессивная ассимиляция по начальному «у», который лабиализовал все последующие слоги и 2) регрессивная ассимиляция по степени палатализации, когда в последнем слоге «э»² палатализировал все гласные предшествующих слогов и превратил их в широкие; в других случаях влияние гласного простирается лишь на соседний слог: п о д а р о к → б а-д е р к е.

Наконец, гласный конечного слога в значительной части слов не имеет доминирующего значения (напр., о б о з → а б о с — обоз, где конечный гласный оказался нейтральным).

Судя по ограниченному числу примеров регрессивной ассимиляции гласных, можно думать, что она в киргизском языке носит архаичный характер.

Это положение может быть подтверждено такими двумя группами фактов:

1. В словосочетаниях, где в конце первого слова и в начале следующего за ним встречаются гласные, доминирующим является гласный второго слова, а в первом он апокопируется: б а л а ы й л а д ы—ребенок плакал произн.: б а л ы й-л а д ы, а л т ы а й—шесть месяцев произн.: а л т а й и т. п.

2. Явление регрессивной ассимиляции согласных обнаруживается в отдельных словах.

В качестве примера приведем изменение «б» в местоимении «бу»:

бу+нын=мунун—этого (род. пад),

бу+ны=муну—это (вин. пад.),

бу+га=буга—этому,

¹ б и р ө ө = (бүрөө) — один и э к ө ө = (өкөө) — двое.

² Здесь он возник из а, следующим за к, который воспринимается как палатальный (мягкий).

бv+да=мунда--у этого,
бу+дан=мундан--от этого.

Надо заметить, что в киргизской лексике, собранной в «Словаре». К. К. Юдахина, за исключением слов б у н т,¹ б у н кут — пункт, на букву «б» нет ни одного сочетания на б у н (они все в ходе развития киргизского языка превратились в м у н, м ү н, м ы н, как и м е н ← енисейск. б е н—я).

Так как основ, отражающих явление регрессивной ассимиляции гласных, в киргизском языке имеется ограниченное и весьма незначительное число, то можно предполагать, следовательно, что оно уже утрачено в отношении гласных, тогда как в отношении согласных в отдельных случаях продолжает еще действовать.

Прогрессивная ассимиляция гласных в двухсложных и многосложных корнях широко распространена в киргизском языке.

По вопросу о преемственной зависимости явлений лингвально-сингармонистического и лабиально-сингармонистического чередования гласных имеется две точки зрения:

1. В. Радлов в своих работах лабиально-сингармонистическое чередование гласных считал столь же изначальным, как и лингвально-сингармонистическое, и отмечал, что явление лабиального притяжения идет в тюркских языках на убыль.

2. О. Бётлингк рассматривал явление лабиально-сингармонистического чередования как явление более позднее².

Явление лабиально-сингармонистического чередования гласных в корнесловах киргизского языка обнаруживается в гораздо большей степени в общетюркской лексике. В позднейших же арабо-персидских заимствованиях в большей мере уже играет роль явление лингвально-сингармонистического чередования, тогда как в них, например, долгий оо, как правило, на соседний слог влияния не оказывает: с о о д а (а не с о о до), ж о о м а р т (а не ж о о м о р т), о о п а (а не о о по) и т. п.³

Судя по енисейским памятникам древнетюркской письменности, ход развития явлений сингармонизма протекал в киргизском языке в такой последовательности: в енисейский период были распространены лишь явления лингвальной гармонии и лабиализации узких гласных.

¹ Имеется и парный вариант: м у н т.

² Ср. у В. Радлова в «Фонетике», § 32—80. На стр. 51 излагается мнение О. Бётлингка.

³ К. К. Ю д а х и н. Киргизско-русский словарь, стр. 5.

Ср.: ата — отец
эки — два

үчүн — для, ради
болдум — я был
и т. п.

Лабиялизация широких гласных получила свое выражение после X—XI в., когда оформлялся древний горно-алтайский язык и когда предки киргизов и горных алтайцев тесно соприкасались друг с другом.

В многосложных словах в современной живой речи явление лабиализации часто уже ограничивается лишь двумя-тремя слогами: вместо үйлөрүбүздө или болгондо часто слышим үйлөрүбүзде, болгонда и т. п.¹.

Ход развития явлений сингармонизма протекал в киргизском языке в такой последовательности:

На одном из средних этапов (но отнюдь не изначальных!) развития киргизского языка явления лабиально-сингармонистического и лингвально-сингармонистического чередований в одинаковой мере имели место во всех слогах основы. В качестве примеров таких основ можно привести ата—отец, эне—мать, эки—два, түлкү—лисица, бөрү—волк.

Позднее, при вхождении в киргизский язык (через посредство узбекского и татарского) арабо-иранских слов, в них в ряде случаев сохранялись нормы размещения гласных в таких, например, сочетаниях, как маселе—вопрос, адеп—воспитанность, адис—тактика, метод, бали—правильно, bravo, далил—доказательство, дарек—весть, мардек—кукурузный кочан, мейман—гость, в которых в соседних слогах размещаются гласные разных рядов.

Как отметил К. К. Юдахин, в арабизмах долгий *оо* не оказывает влияния на последующие гласные: *оо*мат—благо, добро, *оо*кам—время, момент, *оо*кат—пища, *оо*лак—дальний и т. п. Это явление имеет мотивировку, относящуюся к происхождению в киргизском языке *оо* из *ау*, благодаря чему в сочетаниях типа *тоо*+да—на горе, *тоо*+лар—горы и т. д. сохраняется архаичная разновидность аффиксального гласного (нелабиализованного) в виде *тоода*, *тоолар*² и, следовательно, принципиально допускается сочетание в соседних слогах долгого *оо* и последующего *а*. Наоборот, влияние долгого *өө* оказывается доминирующим: *төөлөр* (а не *төөлер*!) — верблюды.

¹ См. «Словарь» К. К. Юдахина, стр. 5.

² То же. Пишется тоодо, тоолор.

В некоторых случаях в старых словах влияние и краткого «о» не распространяется на соседний слог: о п а а —верность (после о во втором слоге—долгий аа), о п а т—кончина и т. п., но о р о м о л — платок, т о т у —попугай.

Краткие же ө, ү оказывали влияние на последующие слоги: ө к ү л — доверенный, представитель, ө к ү м —решение, ө ш ө р —ливень, ү м ү т —надежда и т. п.

Таким образом, в этой части киргизской лексики более устойчивыми оказались нормы лабиально-сингармонистического чередования.

Новая лексика, входившая со второй половины XIX века в киргизский язык из русского, подчинялась существовавшему в то время нормам взаимодействия гласных в соседних слогах. В силу этого, в м. печать говорили бечет, в м. папир-р о с а —б о п у р о с, в м. сутки —с о т к е, с ө т к ө (здесь под влиянием закона регрессивной ассимиляции о → ө; оно, в свою очередь, оказало влияние на слог к е, который → к ө), ц е л к о в ы й — с ө л к ө б а й (здесь сыграл доминирующую роль ударенный «о» в слоге «ко», который, благодаря наличию в нем русского «к», был воспринят как переднерядный).

С усилением связей с русским языком, подобного рода заимствования уклонялись от норм сингармонистического чередования: жаркое → ж а р к ө п, махорка → м а к о р к е, картошка → к а р т ө ш к е, шапка → ш а п к е и т. п.

После Октября, благодаря тому, что обогащение киргизского языка из русского происходит в процессе живого устного общения представителей того и другого языков, новые слова, воспринимавшиеся из русского языка, сначала частично подвергаются фонетическим изменениям, а потом по своему звуковому составу все ближе и ближе становятся к русским. Так, например:

комитет → комыта → комитет,
милиция → милийса → милиция,
партия → партыя → партия,
машина → машинне → машина.

Такое же изменение претерпевали и слова, заимствованные из русского языка до Октября.

Из так называемых давнобытующих слов, вроде ү с т ө л — стол, с а м о о р, с а м а в а р — самовар, б ө т ө л к ө — бутылка, с о т — суд, ч а й н е к — чайник и т. п., часть имеет уже парные варианты произношения: вместе с ү с т ө л говорят с т о л, вместо с с о т — с у д и т. п. (лица, овладевшие русским языком).

Вопрос о правописании «давнобытующих» слов долгое

время являлся предметом дебатов при обсуждении вопросов киргизской орфографии.

Сторонники архаичных написаний (в виде үстөл и т. п.) не видели постепенного обогащения киргизского языка. Киргизская орфография уже в 1940 г.¹ допускала два варианта написания этих слов.

В ходе развития языка эти «давнобытующие слова», как и недавние заимствования, с фонетической стороны постепенно видоизменялись. В более архаичной части лексики сохраняются и прежние нормы чередований гласных в соседних слогах.

Не следует думать, что явления сингармонизма суживаются исключительно под влиянием взаимодействия с другими языками. В действительности, здесь играли роль и внутренние процессы, происходившие в киргизском языке.

Большое значение в этом отношении имело явление универбации основ различных рядов (по месту образования).

Так, например, каны этип → кантип — как; му-ну этип → минтип — так; бар+бы экен → бар-бекен — имелся ли, тайы аке → таяке — дедушка (со стороны матери); чүкоюу → чүгоюу — понукать.

В отдельных, однако, случаях в процессе универбации, наоборот, явление лабиализации и палатализации простирается на соседние слова: түн ичинде превращается часто в түн үчүнде — ночью.

В современном киргизском языке явления сингармонизма являются правилом лишь при сочетании значительной части аффиксов с основой²; причем, доминирующим является уже последний (а не первый, как это было на недавних этапах развития киргизского языка) слог основы.

Возьмем для примера образование местного падежа от таких основ:

адепте — в учтивости,

агентте — у агента,

кинодо — в кино,

комиссияда — в комиссии.

Таким образом, для киргизского языка применимо положение, высказанное В. Богородицким, определяющее сущность сингармонизма в современных тюркских языках тем, что «гласные корня видоизменяют определенным образом вид

¹ Новый алфавит и орфография киргизского языка, г. Фрунзе, 1940 г., § 9.

² О десингармонизованных аффиксах речь будет идти особо.

вокализма суффиксов и флексийных окончаний»¹. Оставляя в стороне вопрос об отсутствии в формулировке указания на влияние гласных на согласные (сингармонизм слога), как вопрос о терминологии (суффиксы и флексийные окончания), формулировку В. Богородицкого следует признать именно отражающей современное состояние тюркских языков, где можно говорить не о сингармонизме слова, а о сингармонизме слога или сингармонизме аффиксов, тогда как в определениях О. Бётлингга и В. Радлова сингармонизм рассматривается как явление, присущее всему слову в целом. Так, например, В. Радлов в «Фонетике», в классификации языков по ступеням сингармонистических чередований относил монгольские и тюркские языки к группе III. Эта группа охватывает «языки, у которых в *корнях* (курсив наш—И. Б.) и окончаниях отмечается *строгое* соблюдение правил гармонии гласных» (стр. 55, 59)².

подавляющее большинство аффиксов киргизского языка подчиняется одновременно законам лингвально-сингармонистического и лабиально-сингармонистического чередования.

Для пояснения этого можно привести изменения аффикса множественного числа (-лар, -лер, -лор, -лөр, -дар, -дер, -дор, -дөр, -тар, -тер, -тор, -төр) и аффикса винительного падежа (-ны, -ни, -ну, -нү, -ды, -ди, -ду, -дү, -ты, -ти, -ту, -тү) со следующими словами:

ата—отец,	жакшы—хороший,
эне—мать,	киши—человек,
тоо—гора,	туу—знамя,
төө—верблюд,	түлкү — лисица.

Схема сочетаний выразится в следующем виде:

аталар, жакшылар	атаны, жакшыны
энелер, кишилер	энени, кишини
тоолор, туулар	тоону, тууну
төөлөр, түлкүлөр	төөнү, түлкүнү.

Размещение долгих гласных в корневых словах и основах уклоняется от этой нормы, так как долгие гласные в киргизском языке возникали из-за утраты согласного, независимо от состава соседнего слога. Поэтому они могут встретиться как в начальных, так и последующих слогах.

¹ В. Богородицкий. Законы сингармонизма в тюркских языках, стр. 65 (Вест. научн. о-ва Татароведения, 1927 г., № 6, Казань).

² Кроме того, это положение практически отражено В. Радловым во всей III главе «Фонетики», посвященной изложению вопросов сингармонизма.

Ср. наличие губных долгих гласных в таких словах, как б а ш т о о —начинать, а л у у —брать, и т. д. Аффиксаль-долгие гласные согласуются с предыдущим слогом по степени палатализации. Ср.: и ш т ө ө —работать, к е л ү ү —приходить и т. п.

Чаще всего во вторых слогах долгий «аа» следует после «а» первого слога, а «ээ» после «э»:

далаан—прихожая, передняя,
талаа—поле,
калаа—город,
жамаачы—заплата, латка,
жапаа—притеснение,
караа—величина, количество,
кашаа—загон для скота,
тебээле—топтать.

После долгого аа могут следовать а, у, ы, и, э:

таамай—ровный,
маара—блеть,
жаакташ—препираться,
маалумат—сведения, знания,
каакым—одуванчик,
чаарчык—теленос косули,
маашыр—довольный,
таалим—обучение,
таасир—впечатление, влияние,
маарек—благовоспитанный,
маанектеш—сжиться, жить в согласии.

После долгого ээ чаще следует э, и:

ээле—овладеть,
ээлик—возбуждаться.

После оо могут следовать а, реже о, у:

- 1) тоодак—дрофа,
тоорак—осокорь,
соода—торговля,
шоошак—кисть руки,
оозан—взять в рот, говорить,
оона—валяться (о животных),
оокат—пища, достаток.
- 2) Оочо—прикрытие, засада,
оорсок—неподпускной (о дойном скоте),
тоотпостук — игнорирование.
- 3) Оолук — заупрямиться,

оорчун — множество,
оорук — арьергард.
После *өө* обычно следует *ө*, *ү*:
төөнө — проткнуть,
чөөчөк — чашечка,
мөөрө — мычать,
чөөгүн — чайник,
зөөкүр — бездельник,
төөлүк — сутки.

Как указывал В. Богородицкий, теперь гармония гласных в аффиксах есть лишь привычка к ассоциации известных отношений между аффиксами и корневыми гласными. Это уже не современное изменение, а унаследованное чередование гласных.¹ В то же время, как это отмечал Н. К. Дмитриев («Строй турецкого языка», стр. 8), «каждый аффикс представляет собою теоретическое единство нескольких вариантов и конкретизируется только в каждом отдельном слове».

На учете явлений лабиализации широких и узких гласных построена также статья В. Богородицкого «Законы сингармонизма в тюркских языках»², в которой автор распределяет тюркские языки между одиннадцатью группами по убывающим ступеням лабиализации. Явления палатализации как сопутствующие в расчет не приняты. Киргизский язык в этой шкале отнесен к первой, максимально сингармонизированной группе.

В статье, однако, имеется несколько неточностей, касающихся особенностей киргизского языка. Автор считал, что в киргизском языке «а» факультативно лабиализуется после «у» (это положение не подтверждается наблюдавшимися случаями); он отмечает комбинаторные изменения *м*, *б* и *п* в предикативных аффиксах (это явление наблюдается в казахском языке, а в современном киргизском не находит себе подтверждения).

С точки зрения диапазона изменений аффиксов киргизского языка их можно разбить на три группы.

1 группа: аффиксы имеющие по четыре разновидности гласных, т. е. подчиняющиеся как закону лингвально-сингармонистического, так и лабиально-сингармонистического чередования, с изменениями *а—э—о—ө* или *ы—и—у—ү*. Эта группа охватывает значительную часть киргизских аффиксов, напр., все падежные, предикативные, притяжательные и сло-

¹ В. Богородицкий. Характеристика звукового состава в казанском говоре, стр. 878—880.

² В «Вестнике научн. о-ва Татароведения», 1927, № 6.

вообразовательные аффиксы, не заключающие в себе долгих лабилизированных гласных (оо, уу, өө, үү).

II группа: три аффикса, сохраняющие долгие лабиализованные гласные и изменяющиеся, следовательно, только в пределах переднего и заднего рядов:

а) аффикс для образования отглагольных имен и инфинитива: -уу, -үү — при основах, оканчивающихся на согласный или узкий гласный (ж а з уу—писание, писать; к е л ү ү—приход, приходить; т а ш у у—таскание, таскать); -оо, -өө — при основах, оканчивающихся на широкий гласный (б а ш т а +оо=б а ш т о о—начинание, начинать, и ш т е +оо=и ш т ө ө—работание, работать);

б) аффикс для образования прилагательных -луу, -лүү (с разновидностями по согласным: -дуу, -дүү, -туу, -түү), напр., с у у л у у—водянистый, ү л г ү л ү ү—образцовый, ж а н д у у—оживленный, а т т у у—конный и т. п.;

в) аффикс для образования собирательных числительных -оо, -өө:

бирөө (бүрөө)—один, один раз,

экөө (өкөө)—двое, вдвоем,

алтоо—шестеро и т. п.

III группа: десингармонизованные аффиксы -ке, -кей, -еке, -тай (ласкательные и уменьшительные); -м а т, -к ө ч, -к о р, -г е р, -к е р (агентивные), -ий (форма прилагательных в окостеневших образованиях арабского происхождения), -с т а н (для названий стран).

Примеры:

атаке—папочка,

коёнек — зайчик, адабий — литературный,

жоокер — боец и т. п.

Изменение аффиксов I и II групп можно представить в следующей таблице:

Гласный последнего слога осно- вы	Аффиксальные гласные	
	1-й группы	II-й группы
а, ы	а ы	оо уу
э (е), и	е и	өө үү
о	о у	оо уу
у	а у	— уу
ө, ү	ө ү	өө үү

Отпадение, выпадение, вставка гласных. 1. Явление отпадения конечного гласного (апокопия) обнаруживается в киргизском разговорном языке в трех случаях:

а) в числе основ, заимствованных из русского языка и имеющих оконч. женского рода на *-а*.

Напр.: квартира → квартир,
минута → мүнөт,
секунда → секунд.

В настоящее время эти слова осваиваются и в соответствии с русским произношением;

б) в сочетаниях аффикса *-кы* с небольшим числом основ, оканчивающихся на узкий гласный:

эми + ки = эмки — теперешний.
жогору + ку = жогорку — верхний;

в) как общее правило, при сочетании основ, оканчивающихся на гласный, с аффиксами *-оо*, *-өө*, *-уу*, *-үү*:

эки + өө = экөө — двое, вдвоем,
алты + оо = алтоо — шестеро, вшестером,
башта + оо = баштоо — начинание, начинать,
оку + уу = окуу (а не окууу) — учёба, учиться, чтение,
читать и т. п.

2. Вполне закономерно явление выпадения (синкопии) относительно узких гласных конечного закрытого слога двухсложной именной основы, т. е. в словах по формуле:

(C)VC_нC.

Примеры:

айыл + ы = айлы — его аул,
кийим + ы = кийми — его одежда.

В орфографии, однако, допускается два варианта написания таких слов: фонетический (а й л ы) и морфологический (а й ы л ы).

В тех случаях, когда конечный закрытый слог начинается на *«р»* и замыкается согласным *«н»*, при выпадении узкого гласного *«н»* переходит в *«д»*:

эрин + ы = эрди — его губы,
мурун + ы = мурду — его нос,
карын + ы = карды — его желудок и т. п.

3. Введение гласных в заимствованных словах с целью уподобления их своим стандартным типам слогов и слогосочетаниям постепенно отходит в область истории: «недопустимых» звукосочетаний для современного киргизского языка становится все меньше и меньше. Если раньше сочетания смычного

и проточного согласных в начале слова были совершенно недопустимы, а «трактор» и «станция» превращались в тырактырыстанса, то теперь вполне возможно сочетание двух согласных как в начале, так и в конце слова.

При сочетании же трёх согласных в конце слов и при наслонении аффиксов, начинающихся на согласный, наблюдается еще явление введения гласного (парагогия), отмечаемое орфографически:

Омск+га=Омскиге—в Омск,

Архангельск+га=Архангельскиге—в Архангельск.

В связи с тем, что в основном словарном фонде киргизского языка в начале слова не употреблялись «р» и «л», заимствования протезировались узким гласным:

ар. раһмат → ыракмат—спасибо,

ар. лазым → ылазым—нужно,

русс. рапорт → кирг. ырапырт (теперь и рапорт),

русс. район → кирг. ырайон (теперь и район),

русс. роль → кирг. урол (теперь и рол, роль).

В современном киргизском языке внедряются в живой речи *р* и *л* в начале слова. Лишь в отдельных словах вводится «о»: орус—русский.

4. В синтаксических сочетаниях краткий гласный основы, находящийся в конце слова, отпадает (апокопируется), а долгий гласный сокращается, если в начале последующего слова имеется гласный:

алты ай произносится алтай —шесть месяцев,
суу акты » суакты—вода текла и т. п.

Изменения гласных в зависимости от комбинации их с согласными

Влияние согласных на гласные в киргизском языке очень незначительно и встречается редко. В этом отношении пока насчитывается три случая:

1. Влияние среднеязычного «к» на «а», варьируемое в зависимости от позиции «к» относительно гласного. А именно:

а) в начале слова, под влиянием среднеязычного «к», у некоторых индивидов «а» становится среднеязычным, как это онбаруживается в таких словах:

акиташ—известь,

актив—актив,

акбар—величайший,
акимдик—властвование и т. п.

При этом, «а» становится более продвинутым вперед, когда в последующем слоге есть передний гласный, при наличии одного начинающего слог согласного; «а» становится средним, если в последующем слоге имеется задний гласный (а к б а р) или, если после «а» следует три согласных: а к т с ы з — без акта;

б) в конце слова после среднеязычного «к» обычно а → э у лиц, не овладевших литературным произношением заимствований из русского языка:

справка → ыспырапке,
пачка → пачке,
посылка → посылке, басылке и т. п.

2. В древнем киргизском языке, очевидно, губные согласные б, п, м лабиализовали последующие узкие гласные. Отмечается это на примерах лишь отдельных слов, сохранивших рассматриваемое соотношение звуков.

П р и м е р ы:

былак, булак—вид ведра из сырой кожи,
быдыра, булдура — быть неясным (о звуке),
былгоо, булгоо—вращать,
мабу, мобу—вот этот.

Но вместе с ними существуют основы, не имеющие парных вариантов с лабиализованным гласным:

быйыл—этот год,
бычак—нож,
бышык—крепкий и т. п.

3. Узкие гласные редуцируются в первых закрытых слогах двух- и более сложных слов, если слог начинается глухим смычным и замыкается глухим согласным:

т у ш т у произносится почти как тштү—он слез,
т ы ш к ы=тшкы—внешний,
б ы ч а к=бчак—нож и т. п.

СОГЛАСНЫЕ

Состав согласных современного киргизского языка

Система согласных современного литературного киргизского языка складывается из следующих 25 фонем:

			Губные		Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Увулярные	Фарингальные	Гортанные
			губно-губные	губно-зубные						
Смычные ¹	шумные неносовые		б п	в ф	д т	г к		к=къ		
	сонорные носовые		м		н		ң			
Щелевые (проточные)	шумные	однофокусные с плоск. щелью				й		г=гъ		
		с кругл. щелью			з с		х			
		двухфокусные			ж ш					
	сонорные	боковые			л					
		дрожащие			р					
	Аффрикаты				ж=дж ц ч (щ)					

Остановимся на характеристике каждой из них.

¹ В их числе м, н, ң — смычно-проточные.

Губно-губные (билабиальные) согласные

В составе губно-губных согласных киргизского языка выделяются, во-первых, два смычных неносовых «б» и «п», во-вторых, носовой сонорный «м» и, в-третьих, в новых словах, освоенных после Октябрьской революции, на первых этапах возникал губно-губной проточный в.

Фонема «б» реализуется как губно-губной, смычный, неносовой, звонкий согласный с окраской узкого редуцированного гласного.

Фонема эта имеет несколько комбинаторных вариантов, выражаясь следующим образом:

1. В начале слова сохраняет свою общую акустическую характеристику:

бала — ребенок,

беш—пять и т. д.

2. В середине слова, в интервокальной позиции, между широкими гласными, или в начале слова, если предшествующее слово оканчивается на гласный, фонема «б» произносится с неполной смычкой. В нашем обозначении этот акустический вариант предстает в виде Б.

Примеры:

мага бер произн. маа Бер — дай мне и т. п.¹.

В отдельных говорах в начале аффиксов, присоединяемых к основам, оканчивающимся на гласный, фонема «б» также реализуется в виде Б. Напр., таласск. бара Быс (лит.: барабыз — мы пойдем).

3. В начале слова, если предшествующее слово оканчивается на глухой согласный, вместо «б» слышится «п»:

кап бар произн. кап пар — есть мешок,

анда таш бар = анда таш пар — там есть камни и

т. д.

Помимо рассмотренных вариантов фонемы «б», она под влиянием закона регрессивной ассимиляции согласных назализуется, если в последующем слоге встречается назализованный согласный, и предстает в виде м:

бу+нын=мунун—этого (род. пад.),

бу+н+да=мында—здесь,

банк, банке, маңке—банк.

В отдельных словах, независимо от позиции «б», возможно смешение «б» и «м»:

маркамат, маркабат—милость,

демилге, дебилге—старание, инициатива и т. д.

¹ Ср. аБа (в южных говорах даже аvа) — воздух, погода. В орфографии: аба.

Наконец, в отдельных словах возможно в начале слова отпадение «б», если второй слог также начинается на «б» или «п» и содержит в себе губной гласный:

бопуза, бопузо, опуза — запугивание,
бүлбүлдөө, үлпүлдөө—мерцать¹.

Фонема «п», совпадая с «б» по месту и способу образования, отличается от «б» отсутствием работы голосовых связок и имеет несколько большую степень воздушного давления. Эту особенность «п» в тюркских языках, между прочим, Араб-филолог отметил как «утолщенное б, которое как бы выдувается изнаружи губ»².

В северных говорах киргизского языка согласный «п» не употреблялся в начале слова, а соответственно возмещался звонким «б» или сонорным «м», как это мы имеем еще и теперь в таких, например, словах, как «п а й д а, б а й д а—польза», «п ы я з, м ы я з—лук» и некоторых других.

Надо заметить, что в литературном киргизском языке и в его северных говорах пока еще внедрилось мало слов с начальным «п».

Так, в «Киргизско-русском словаре» К. К. Юдахина на букву «п» отмечено всего 275 слов (из числа 25 тысяч слов, собранных в «Словаре»); причем, значительная часть этих слов (напр., почта, педагог, плакат и др.) заимствована из русского языка; небольшое количество слов является одной из составных частей редупликаций (напр., п а а л из с а а л-п а а л—чуточку; п а а н из с а а н-п а а н — всякого рода скот, даваемый на удой); другая часть имеет дублетные звонкие варианты, напр.: п а а н а, м а а н а—защита, покровительство, п а р а, б а р а—часть, кусок, осколок.

Наконец, совсем мало слов с начальным «п» давно бытует в киргизском языке (п а л о о — плов, п а п и к — кисточка, п а р — перо, пух, п а т и н ж а — помидор и др.), но и они вошли в киргизский язык из других языков.

Несколько раньше, чем в литературном языке и в северных говорах, начальный «п» появился в южных говорах киргизского языка, но и то, в общей сложности, он там встречается в 1—2-х десятках слов (напр., п а х т а, п а к т а —хло-

¹ Слов такого типа в «Словаре» К. К. Юдахина отмечено всего восемь: два уже перечисленных нами, три слова, вошедших в киргизский язык из русского (бобурек — бобрик, бопугос — папирота, бополон — пополам) и три слова, дублетные варианты которых нам не известны: бөбөк — грудн. младенец, бүбү — знахарка, бөпү — дитя, клич для ловчей птицы.

² См. П. Мелиоранский. «Араб-филолог о турецком языке», 3, 14 или 04 11.

пок, па да — корова, рогатый скот, па й да — польза, па л е к — лист растения, па р да — занавеска, па р с ы — персидский, по-персидски, па с т е к — подстилка из меха).

В словах, заимствованных из русского языка, начальный «п» возникает либо на месте «ф» (см. ниже о фонеме «ф»), либо через ступень $n \rightarrow б \rightarrow п$ отражает русский «п». Так, на первых этапах заимствования таких слов, как па к е т, па п к а и др., они сначала реализовались в виде ба к е т, ба п к е, а теперь уже и в виде па к е т, па п к а и т. п.

Фонема «п», следовательно, как правило, употребляется в киргизском языке в конце слога или середине и конце слова.

П р и м е р ы:

тапанча—пистолет,
эпилдөө—юлить, лебезить,
кап—мешок.

Причем, в конце слова вместо «п» при наслоении аффиксальных гласных произносится «б» или между широкими гласными — в виде Б:

китеп+ы=китеби—его книга,
тап+а+мын=таБамын¹—найду.

В тех же случаях, когда в конце слова оказываются сонорный плюс «п», этот последний (при наслоении аффиксальных гласных) не озвончается:

алп+ы=алпы—его силач,
калп+ы=калпы—его ложь.

В отдельных случаях, если после фонемы «п» следует носовой согласный, она превращается в «м»:

теп+ын=темин—ударять ногами,
паана, маана—защита, покровительство,
төө тапан, төө таман—назв. весеннего цветка,
кыпын, кымын—пылинка, частичка.

Наконец, в том случае, если глагольная основа, оканчивающаяся на «п», сочетается с аффиксом -ып, -ип, -уп, -үп, то происходит поглощение одного из слогов (гаплогия), а гласный основы удлиняется:²

тап+ып=таап—найдя,
чап+ып=чаап—скача,

¹ Пишется: та б а м ы н.

² Удлинение гласного, но при сохранении корневого согласного, обычно при подобных образованиях на -ып и от основ, оканчивающихся на м (так же, как и на п): та м + ы п = та а м п — капая, э м + ы п = э э м п — сося и т. п.

теп+ып=тээп—ударяя,
өп+ып=өөп—поцеловавши.

Фонема «м» реализуется как губно-губной, смычно-проточный, носовой сонорный, употребляющийся в любой позиции в слове:

мен—я,
там—крыша, дом, кровля,
эми—теперь.

Она может замещать собою «н» перед губным «б» (напр. А с а н б а й произн. А с а м б а й; т а н —отрицай, т а м . —ма —отрицание).

В начале слова сочетание «ы ма» — дает дублетный вариант ы й ма:

ыма~~р~~ат, ыймарат—строение,
ыман, ыйман—совесть.

В середине слова в отдельных словах, при метатезе шумных глухих и «м» возможен переход *м* → *п*:

кесмен, кепсен—подарок с тока, дававшийся прохожему, чекмен, чекпен—чекмень (в данном случае весьма вероятно допустить в «чекпен» казахизованный вариант, так как в казахском языке *к+м* дает *кп*).

Наконец, в отдельных заимствованных словах вместо «м» в конце слова встречается «н»: пополам, бополон.

Фонема «v» реализуется как губно-губной, проточный, срединный, звонкий, но в литературном киргизском языке и в северных говорах отсутствует, являясь, однако, самостоятельной фонемой в южных говорах.

В словах, вошедших в киргизский язык из узбекского начальный «v», как отмечает К. К. Юдахин¹, реализуется в четырех разновидностях.

- 1) *v* → *уб*:
vəkt. → убакыт—время,
vədə → убада—обещание;
- 2) *v* → *о*:
vəki'a → окуя—событие,
vəfə → опаа—верность;
- 3) *və* → *ө*:
vəkił → өкүл—представитель;
- 4) *vy*, *vi* → *у*:
vujut → ужут — осуществление;
viždam → уждан—совесть.

¹ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь, стр. 574.

В заимствованиях из уйгурского, узбекского и др. тюркских языков в интервокальной позиции реализуется в живой речи чаще как «б» или «Б»:

hava → аба, аБа, обо—погода, воздух.

авал → абал, аБал, обол—давні. времена и т. п.

В конце слога «v», утрачиваясь, дает долготу предшествующего гласного:

узб. сув=кирг. суу—вода (южн. с у w)

узб. дэррəв=кирг. дароо—быстро.

В качестве факультативного явления, наблюдаемого в двух известных нам словах, встречается губно-губной, с округленной щелью, проточный, шумной, глухой, однофокусный *i*:

уф (uf)—уф! (междометие, выражающее горестный вздох),

бөф (bөf)—фу! (междометие, выражающее отвращение).

В киргизском лит. языке «f», выступая в единичных случаях в фонологизованных выдохах, самостоятельной фонемой не является.

Губно-зубные согласные

Согласные «в» и «ф» появились в киргизском языке после Октябрьской революции в словах, заимствованных из русского языка, и первоначально реализовались как губно-губные б, Б, v, f. Лишь часть населения, освоившая русское произношение, фонемы «в» и «ф» использует теперь в качестве губно-зубных.

Освоение русского губно-зубного, проточного, шумного, однофокусного (с плоской щелью), звонкого «в» в первые годы после Октябрьской революции проходило такой путь:

1. В начале слова закономерно он произносился сначала в виде губ. -губн. смычн. б:

Воронеж → Боронеч (теперь и В о р о н е ж),

вагон → багон (теперь и в а г о н),

вокзал → багзал (теперь и в о к з а л).

В связи с освоением русского языка, в настоящее время «в» реализуется у большинства населения в виде Б, реже в виде «v».

Таким образом, в → б → Б → v → в.

2. Между широкими гласными почти до последних лет *в* → *Б*, или лишь теперь в ограниченной группе часто употребительных слов уже *Б* → *в*:

совет → саБет → совет → совет,
аванс → аБансы → авансы → аванс.

Перед согласными же фонема «*в*», а иногда и перед гласными, как общее правило, обращалась в нуль:

август → а г у с (теперь: август),
европеец → ж а а р у п а л ы к (с заместительной долготой гласного),
жалованье → ж а л у н.

3. В конце слога фонема «*в*» реализовалась в живой речи, в общем, в виде «*п*»:

Манилов → Манилуп (теперь: Манилов),
совхоз → сапкос (теперь: совхоз).

Этим и объясняются орфографические ошибки; пишут иногда Ивановко (вм. И в а н о в г о) и т. п.

Фонема «*ф*», как и «*в*», появилась в небольшой группе слов, вошедших в киргизский язык из русского.

При этом, на первых этапах освоения фонема эта реализовалась, да и продолжает еще реализоваться у значительной части населения в виде «*п*»; лишь у лиц, освоивших русский язык, и под влиянием графики она может выражаться в виде *f* или *ф*¹:

Фрунзе → Пурунза → *f*рунзе → Фрунзе,
фронт → пуронт, бронт → *f*ронт → фронт,
флот → пулот → *f*улот → флот,
Африка → Апырыйке → А*f*рике → Африка,
февраль → пыйбырал → феврал² → февраль.

В киргизский алфавит особые буквы для обозначения *в* и *ф* введены были лишь в 1930 году для различения таких парных слов, как флот и плот.

В современном литературном письменном киргизском языке едва ли найдется сотня слов, содержащих в себе «*в*» или «*ф*»; можно сказать, что они пока еще продлжают внедряться.

У отдельных представителей южных говоров, владеющих узбекским языком, как и у узбеков, еще наблюдается смешение «*п*» и *ф*, *f*. Поэтому, например, часто «Пушкин» произн. в виде *Пушкин* или *Фушкин*.

¹ Знаком *f* обозначен здесь губно-губной вариант, тогда как знаком *ф* передан губно-зубной.

² Реализуясь в виде «*п*», фонема эта подвергается таким же изменениям, как и «*п*». Ср. фамильный чай—мамиле чай (где *ф* → *п* и назализовался под влиянием последующего «*м*»).

Переднеязычные шумные согласные

В составе киргизских переднеязычных шумных согласных выделяются такие фонемы, парные по признаку озвончения: *т—д*, *с—з*, *ш—ж*, *ч—ж* (=дж).

Кроме того, в качестве новшества возникли «ц» и «щ».

Фонемы «*т*» и «*д*» выступают на правах двух самостоятельных разновидностей (глухой и звонкий) переднеязычного, альвеолярного, апикального, смычного, шумного, неносового согласного.

Сравнительно, с русскими *т* и *д* они оказываются, однако, более дорсальными, но апекс при произношении их соприкасается с верхними альвеолами, а потому мы и относим их к категории апикальных (а не дорсальных) согласных.

Фонема *т* употребляется в киргизском языке в любой позиции:

там—дом, кровля,
ат—лошадь,
ата—отец и т. п.

В отличие от южных тюркских языков, где возможны изменения *т→д* при наложении гласных и где в начале слога в части корнеслов вместо *т* закономерно встречается *д*, в киргизском языке и этих случаях сохраняется *т*:

турецк. дүн=кирг. түн—ночь,
турецк. дөрт=кирг. төрт—четыре,
турецк. дөрдүнжү=кирг. төртүнчү—четвертый.

Это же можно наблюдать и в ранних заимствованиях из русского языка: удостоверение→тастаберне.

Лишь отдельные слова в киргизском языке, очевидно, в качестве диалектных признаков имеют дублетное произношение:

төбө, дөбө—холм, макушка,
таяр, даяр—готовый,
тажаал, дажал—свирепый,
табышмак, дабышмак—загадка,
такшалуу, дагдалуу—привыкнуть, укрепнуть,
тагдыр, дагдыр—судьба, предопределение,
талаа, далаа—поле,
тарбыз, дарбыз—арбуз;
текбир, депкир—величание,
телеграмма, дилгирем, дилдирем—телеграмма,

тинсе, диңсе—шишечка на шапке,
тоңкулдак, доңкулдак—дятел,
тозок, дозок—ад,
төбөл, дөбөл—звездочка (на лбу животного);
түжүрке, дүжүрке—тужурка и др.

Фонема *д* употребляется в киргизском языке в начале слога; почти всегда в конце слога и, как правило, в конце слова она возмещается фонемой *т*:

*аад → ат—имя,
парад произн. парат,
Ленинград произн. Ленинград и т. п.

Только в словах, заимствованных из русского и осваиваемых теперь киргизским языком, под влиянием графики у отдельных лишь представителей возможно наличие *д* в конце слова: Ленинград, парад и т. п.

В аффиксах, сочетающихся с основами, оканчивающимися на глухие согласные, вместо *д* произносится *т*:

таш+да=ташта—на, в камне,
таш+дан=таштан—с, из камня и т. п.

Фонема *ш* реализуется в киргизском языке как переднеязычный, апикальный, двухфокусный, щелевой, шумной, глухой согласный. В отличие от русского апикального *ш*, киргизское *ш* образуется более передним продвижением апекса, благодаря чему киргизск. *ш* приближается к переднему русскому *ш*, как в слове «м е н ь ш е».

Фонема *ш* употребляется в киргизском языке во всех позициях и комбинаторных вариантах по признаку звонкости не имеет:

таш—камень,
шаң—величие, важность,
ашык—излишек, лишний.

Фонема, соответствующая русской *ж*, употребляется в иноязычных собственных именах и в нескольких нарицательных (журнал, жури), вошедших в киргизский язык через посредство русского.

В обиходной речи она, однако, часто еще реализуется в виде аффрикаты «дж» (пишется «ж») и только в среде, знакомой с русским языком, приближается к переднеязычному апикальному (более переднему, чем русск. *ж*), двухфокусному, шумному, щелевому, звонкому своему выражению.

Они употребляются в литературном киргизском языке в любой позиции:

Причем, фонема *с* комбинаторных вариантов по составу не имеет, а фонема *з* в определенных позициях в связи с глухими согласными может чередоваться и с *с*.

солдат=залдат—солдат,
ысык=ызык—теплый, горячий,
кес=кез—режь.

сөс — слово,
сөзим—мое слово¹, түв. сөзүм.

Фонема *з* в начале слова в общей массе случаев встречается в лексике, сформировавшейся в киргизском языке уже после прихода киргизов на Тянь-Шань, в словах арабского, персидского и русского происхождения, и в отдельных случаях чередуется с *ч* или *ж* (*дж*):

зынжыр = чынжыр — цепь.

88

ырсаюу, ыржаюу—осклабиться,
тазым, таажым—почтение, уважение.

Фонемы *ж* (дж) и *ч* являются аффрикатами, переднеязычными, альвеолярно-дорсальными, двухфокусными, шумными, по структуре своей состоящими по формулам:

ж = дж,

ч = тш.

Фонема *ж* (дж) употребляется в киргизском языке, как обычно, в начале слога.¹

В начале слова *ж* возмещает собой начальный *й*, наличный в ряде других тюркских языков:

уйг. ёк (йок) = кирг. жок—нет,

уйг. ят (йат) = кирг. жат—лежи и т. п.

Кроме того, имеет спонтанное употребление, напр., в слове «ж а н — душа» или в середине таких слов, как

ажар—миловидность,

бөжөк—зайчонок и т. д.

Как уже указывалось при рассмотрении фонемы *ж* (соответствующему *ж*), она в значительной части заимствованных слов также возмещалась в киргизском языке фонемой «дж» (пишется «ж»).

В конце слога *ж*, за редким исключением,² не встречается и в заимствованных словах, либо эпентезируется гласным, как это мы имеем, например, в слове «т а ж ы → т а ж — корона», либо возмещается фонемой *ч* (б о р ж б о р у ч — «долг» и т. п.).

Только в нескольких собственных именах, заимствованных через посредство русского языка, сохранилась *дж* в конце слова, напр.: Вогопеç—Воронеж, Рагіç—Париж, возмещающая собой фонему *ж*. Однако в большинстве случаев, вопреки написанию, слова эти произносились в виде Б о р о н е ч, П а р и ч. В связи с освоением фонем *в* и *ж* (русс.), иногда уже отмечается произношение В о р о н е ж, П а р и ж и т. п.

В начале слова, если перед ним есть гласный, *ж* (дж) фактулативно реализуется в виде *й*:

ж а к ш ы ж и г и т произн. ж а к ш ы й и г и т — добрый молодец,

а т а с ы ж е т и м и ш ж а ш т а произн. а т а с ы е т и м и ш ж а ш т а — его отцу 70 лет.

¹ Здесь мы не принимаем в расчет возможность сохранения *й* в начале слова в некоторых южных говорах, о чем будет указано ниже.

² Напр., м ы к т а ж — нуждаемость (из арабск.).

Вместе с этим, в отдельных словах отмечено отпадение начального ж: каз. жы р, жы й ла=кирг. ыр, ы й ла — 1) песня, 2) плачь¹. Это, очевидно, и дало повод В. Радлову во всех его записях по киргизскому языку фиксировать йоканье в начале слов.

Фонема *ч* употребляется во всех позициях:

чач—волосы,

ачык—открытый и т. п.

Перед глухими шумными переднеязычными согласными, диссимилируясь, *ч* может реализоваться в виде *ш*:

ч а ч т а ш у у произн. ч а ш т а ш у у —драться, таскать друг друга за волосы и т. д.

Примечание. У лиц, изучивших русский язык, уже возникает звукопредставление «ц» в словах, вошедших из русского языка, тогда как в среде, не освоившей еще русской фонемы *ц*, она воспринимается как сочетание двух фонем — *т* и *с* — в середине слова.

Латинизированный алфавит в этом отношении играл в последние годы своего применения (1938—1940 гг.) консервативную роль, так как в нем аффриката *ц* передавалась диграммой *ts*:

авиация—aviatsija,

акция—aktsija.

В связи с принятием буквы «ц» в новом (построенном на основе русской графики) алфавите, процесс освоения «ц» как фонемы ускорился.

То же можно сказать и о «щ»=шч.

Переднеязычные сонорные

В составе переднеязычных сонорных в киргизском языке отмечаются три: *н*, *р*, *л*.

Фонема *н* реализуется как переднеязычный, смычный, носовой сонорный и употребляется в основной массе слов киргизского языка преимущественно в середине и конце слова:

эне—мать,

жүн—шерсть,

күн—день.

В начале слова фонема эта, как общее правило, употребляется в словах, вошедших в киргизский язык либо из арабского (на а л а т —проклятие, на б а т —леденцы, вид сахара, на к ы л —рассказ, на м ы с —честь и т. д.), либо из персидского (на а б а й —хлебопёк, на а д а н —невежда, на й з а —копье, пика но о т у —сукно, ны я з —милостыня), либо, наконец, из русского (не п и т или нефть, на р-к о м а т и др.).

¹ К. К. Ю да х и н, Киргизско-русский словарь, стр. 572.

В нарынском говоре и некоторых других начальный *н* в значительной части заимствованных основ утрачивается, а благодаря этому, даже и в литературном языке можно встретить такие колебания:

наристе, арыста—юный,
наркы, аркы—находящийся по ту сторону,
насаат, асаат—совет, наставление,
насыя, асыя—кредит, долг,
ноён, оён — богатырь, господин,
найза, айза—копье, пика,
нукум, укум—мера длины (от конца большого пальца до согнутого указательного) и т. п.

Так как в киргизском литературном языке слов с начальным *н* очень немного (250—300), надо полагать, что эта фонема в начале слов и раньше была не свойственна киргизскому языку. И в орхонских надписях, между прочим, согласный *н* встретился в начале лишь некоторых слов¹.

Фонема *н* может, в зависимости от комбинации с *б* или *г*, замещаться *м* или *ң*, о чем будет указано при рассмотрении комбинаторных изменений согласных.

Фонема *р* реализуется в виде переднеязычного дрожащего (чаще—одноударного и реже—двухударного) сонорного.

До последних лет фонема эта употреблялась лишь в середине и конце слова.

П р и м е р ы :

жарык—свет,
кир—войди,
ээр—седло и т. д.

В киргизских словах (как и в монгольском языке) *р* в начале слова не употребляется: обычно, все заимствованные арабо-иранские слова с начальным *р* протезировались узким гласным *ы*, *у*:

в узб. произношении *рухсәт* = кирг. *уруксат* — разрешение;

рәһмәт = кирг. *ыракмат* — спасибо и т. п.

Только группа слов, вошедших из русского языка, осваивается с начальным *р*. В качестве примеров их приведём: радио, радиус, райзо, район, рамке (рамка), разряд || разрет, редактор, революция.

Однако в устной речи можно встретить:

¹ Об этом см. у П. Мелиоранского в «Памятнике в честь Кюль-Тегина», на стр. 34—35.

урол, рол, роль—роль,
ырайон, район—район,
ырапырт, рапорт—рапорт,
ырасчот, расчот—расчёт и т. д.

Фонема *л* реализуется в литературном киргизском языке в качестве переднеязычного, бокового щелевого сонорного и у большинства представителей северных говоров встречается в двух (передней и задней) комбинаторных разновидностях:

а) в слогах с задними гласными *л* выступает в качестве переднего, дорсального, альвеолярного варианта *лб*:

кел(ь)—приходи,
көл(ь)—озеро и т. п.

Как уже указывалось при рассмотрении явлений слогового сингармонизма, среди лиц, не владеющих русским языком, невозможно сочетание в одном слоге переднего варианта *л* (*лб*) с задними гласными. Поэтому, произношение таких русских слов, как «уголь» или «кольцо» превращается часто в «угол» или «колцо» и т. д.

Таким образом, *л* и *лб* не являются самостоятельными фонемами, а лишь комбинаторными вариантами одной фонемы.

С акустической стороны киргизские варианты *л* и *лб* несколько отличаются от русских «*л*» и «*лб*»: киргизск. *л*, *лб* более апикальные, нежели русск. *л*, *лб*.

В сочетании с «*й*» «*л*» имеет тенденцию к палатализации. В словах типа ы й ла — плачь, ба й ла —связывай имеем *л* смягченное.

Фонема *л* в аффиксах, в зависимости от сочетания с другими согласными, чередуются с *д* и *т*, о чем подробнее будет указано ниже.

Комбинаторные изменения *л* в *д*, построенные на диссимилиции *л*, обнаруживаются и в единичных случаях при освоении иноязычных основ, содержащих в себе сочетание сонорного плюс *л*, в результате чего *л*→*д*; напр.: молла → молдо —мулла, грамотный, алла→ алда —бог и т. п.

В дооктябрьской лексике киргизского языка фонема *л*, как и *р*, имела ограниченное употребление:

а) в начале слова она не употреблялась перед *а*, *е*, *и*; при заимствовании слова с начальным *ла*, *ле* обычно протезировалась узким гласным:

лазым → ылазым — необходимо,
лайык → ылайык—соответствующий,
леп → илеп—жар, жара.

Наоборот, как это отметил К. К. Юдахин, вполне обычны сочетания в начале слов *л* с прочими гласными:

локшуу—иметь позыв к рвоте,
лөк—одногорбый верблюд-самец,
лып-лып—подражание капанью,
лыкылдоо—быть во множестве, кишеть.

Отдельные подражательные слова сохраняют начальный *л* перед *а*:

л а п-л а п б а с у у —ступать грозно и со шлёпаньем,
л а к ы ю у—быть высоким и т. д.

После Октябрьской революции в новых словах последовательно осваивается начальный *л*, но, в общей сложности, в киргизском языке едва ли найдется сотня слов с ним (из коих, без преувеличения, 75% составляют заимствования из русского языка, вроде л а т и н д е ш т и р ү ү — латинизация, л е й т е н а н т, л а м п а, л а г е р ь, л е к ц и я, л е н и н ч и л, л и г а, л и м о н, л о г и к а и др.);

б) в конце слова в указательных местоимениях и в отдельных словах *л* также оказывается неустойчивым; имеются дублиеты:

бул и б у — это,
ал и а — он, тот,
ушул и у ш у — вон тот,
ошол и о ш о — вон тот,
тигил и тиги — тот, что подальше,
жоромол и жоромо — предположение.

При склонении этих местоимений они утрачивают конечный *л*: ал, анын, аны, ага или аа,¹ анда, андан или анан; бул, мунун, муну, буга, мундан, мунда; ушул, ушунун, ушуну, ушуга, ушунда и т. п.

В прочих же основах в конце слова *л* оказывается вполне устойчивым и встречается довольно часто. Ср., например, глаголы: ал—бери, бол—будь; сущ. мал—скот.

в) В середине слова употребление *л* также вполне закономерно. Ср. слова: а л а—пестрый, б а л а—ребенок, б о л о т—сталь, к а л ж а —пустомеля, с а л ы ш т ы р у у —сравнивать и т. п.

Но все же здесь обнаруживается известная неустойчивость этого звука: то он метатезируется (л а а н а т→н а л а т—проклятие, м а л а к а й→м а к а л а й—мужск. головной убор.

¹ На севере.

и т. д.), то возникает из *р* (у р у к с а т → у л у к с а т — разрешение, у р п а к → у л п а к — отруби и др.).

Точно также и в некоторых основах обнаруживается утрата *л*:

олтур, отур—сядь,
кылт, кыт—свинок в альчике и др.

Фонема *л* в отдельных словах может чередоваться с *й*, *р*, *ч*, *ң* и, обратно, замещать эти фонемы:

ылгаруу, ыйгаруу—намечать, предназначать,
даңгыр, даңгыл—крепкий, прочный,
мүлүшкер, мүнүшкөр—соколятник,
жалгыз, жаңгыз—одинокий.

Среднеязычные и заднеязычные согласные

В составе этой категории можно выделить такие фонемы: *й*, *г*, *к*, *ң*, *х*.

Фонема *й* реализуется в киргизском языке как среднеязычный, щелевой срединный звонкий, соответствующий более задней разновидности русского *й* (перед задним гласным, как в словах *я р*, *ёлка*, *я д* и др.); причем, в киргизском языке этот звук произносится более длительно и напряженно, нежели в конце слова в русском языке.

В киргизском языке отмечаются колебания *й* по степени палатализации (в зависимости от соседства с передними или задними гласными), например, в словах *киет* (*ки й эт*) — одевает и *коёт* (*кой от*) — кладёт *й* произносится с различными оттенками по степени палатализации.

Раньше в лексике большинства северных говоров киргизского языка фонема эта в начале слова встречалась в двух словах:¹ а) в междометии *Я!=О!* (заимствовано через посредство узбекского языка);

б) в слове *я'ни=я гни*² — то есть, употреблявшемся дореволюционной интеллигенцией.

В остальных случаях *й* в начале слова возмещался *ж* (*дж*):

уйг. *як=кирг. жак* — сторона, бок,
уйг. *яман=кирг. жаман* — плохой и т. п.

В южных говорах отмечено параллельное употребление *й* и *ж* (*дж*): *й у р т* и *ж у р т* — народ, *й а к ш ы* и *ж а к ш ы* — хороший и т. п. (факультативно).

Вместо *ж*, если предшествующее слово оканчивается на гласный, возможно возникновение *й* в начале слова.

¹ О наличии *й* в начале слова в южных говорах будет указано особо.

² Арабского происхождения.

Употребление *й* в середине и конце слова вполне закономерно и очень распространено в киргизском литературном языке. Ср., например: а я л — женщина, б а я к ү н ү — на-днях, ч ы й ы р — тропа, ч ы й м ы т — козлиный альчик, а й — месяц, м а й — жир, с а й — русло ручья.

Благодаря усилению общения между русскими и киргизами, после Октябрьской революции начали осваиваться киргизским языком слова с начальным *й*, напр., я н в а р ь, я к о р ь и др., которые на первых этапах освоения прошли также путь *й*→*ж* (дж), а потом *ж*→*й*, т. е. первоначально, например, я н в а р ь → ж а н ы б а р и т. п.

Фонемы *к* и *г* реализуются в киргизском языке следующим образом:

1) *кь* и *гь* выступают как две (глухая и звонкая) разновидности среднеязычного, смычного, шумного, неносового согласного, употребляющегося лишь в сочетании в одном слоге с передними гласными, т. е. в сочетаниях *ке, кө, ки, кү, ге, гө, ги, гү* или в слогах *ек, өк, ик, үк*.

Примеры:

кел—приходи,	өтүк—сапог,
көл—озеро,	эгин—посев,
күн—день,	жегич—обжора,
акиташ—известь,	өгүз—вол.

2) *къ* (*q*) реализуется как глубокозаднеязычный (увулярный), смычный, шумной, глухой, неносовой согласный и употребляется в одном слоге только с задними гласными, т. е. в сочетаниях *ка, ко, кы, ку, ак, ок, ык, ук*:

кант—сахар,	ак—белый,
кол—рука,	ок—пуля,
кыл—делай,	ук—слушай,
уйку—сон,	ык—крепкий, прочный.
акыл—ум,	

Сочетания *qe, eq* и т. п. в одном слоге совершенно невозможны для киргизского языка.

3) *гъ* произносится как глубокозаднеязычный, увулярный (с узкой щелью), шумной, звонкий, неносовой согласный, который (как и *къ*) сочетается только с задними гласными (*а, о, у, ы*) в одном слоге:

дагы—еще,	коргон—крепость, вал,
жыгач—дерево,	багыш—лось и т. п.

В позиции между *а* в некоторых говорах *гъ* превращается в нуль; например, в пржевальском говоре: м а г а → м а а—мне.

В конце слога, как общее правило, *гъ* также не употребляется и дает заместительную долготу гласного:

уйг. баг=кирг. б о о—сноп,

уйг. бугдай=кирг. б у у д а й—пшеница и т. д.

В отдельных лишь словах иноязычного происхождения, в некоторых междометиях и в универбационных сочетаниях возможно отступление от этого правила (см. о слоге).

Примечание. В отдельных говорах в абсолютном начале слова вместо *кь*, *къ* возможны их звонкие разновидности *гъ*, *гъ*, т. е. *вм. кел* — будет *гел* — приходи или *вм. кайтты* — *гайтты* — он вернулся (например, в алайском говоре).

Среди представителей различных говоров можно встретить:

гел, кел—приходи,

гевһар, көөр—перл,

гилем, килем—ковер,

гүбүр, күбүр — шёпот,

гүл, күл—цветок,

гүрүлдөө, күрүлдөө—бушевать (о реке),

гүү, күү—мотив, напев,

гүзөр, күзөр—квартал,

газал, казал—лирич. стих.

Наоборот, в северных говорах была тенденция начальные «г» превращать в «к»:

газета→кезит (теперь и газета), газал→казал—лирический стих и т. п.

В части употребления рассматриваемых фонем следует отметить, что в отдельных словах возможны колебания *к*, *п*, *й*:

өспүрүм, өскүрүм—подросток,

ыракым, ырайым—милосердие.

Также факультативно возможно отпадение начального *к* в отдельных словах:

кымырылуу, ымырылуу — ёжиться,

касирет, асирет—печаль и т. д.

Исходя из того, что *кь* и *къ*, как и *гь* и *гъ* употребляются лишь в сочетании с определенными (передними или задними) гласными, их можно рассматривать лишь как две фонемы: *к* и *г*, имеющие по два комбинаторных варианта, подобно тому как *л* и *ль* составляют в киргизском одну фонему.¹

Под влиянием арабской, а потом латинской графики создавалось превратное представление о том, что *кь* и *къ* или *гь* и *гъ* составляют четыре фонемы.

¹ Это является личным мнением автора (Ред.).

В узбекском же и уйгурском языках *къ* и *гъ* выступают в качестве самостоятельных фонем и могут сочетаться с передними гласными.

Благодаря широкому распространению в киргизском языке сингармонизма слога, в алфавит не введены особые буквы для парного различия *б* и *бь*, *д* и *дь*, *л* и *ль* и т. д. Точно также и разновидности *кь* и *къ* выражаются буквой *к*, а *гь* и *гъ* — буквой *г*. В одном слоге с передними гласными они читаются в виде *гь. кь*, а с задними — в виде *гъ. къ*. В словах, вошедших из русского языка, в зависимости от степени освоения их, *к* и *г* читаются в одном слоге с *а, о, у, ы* различно: не овладевшие русским произношением читают их в виде *къ, гъ*, а знакомые с русскими словами читают их применительно к русскому произношению.

К этому нужно добавить, что *к, г* в русском языке в таких, например, словах, как *колхоз, газета*, звучат иначе, чем киргизские *кь* и *къ, гь* и *гъ*, оказываясь по месту образования средними между ними.

В русском языке тоже есть два варианта *к* и *г*. Ср. слова «каша» и «кисель», «галка» и «гиря». Однако они не имеют особого буквенного обозначения.

Фонема *ң* реализуется в киргизском языке как заднеязычный, смычно-проточный, носовой, сонорный, употребляющийся только в середине и конце слова. Примеры:

андуу—изобилующий дичью,
ангеме—беседа,
таң—заря.

Согласный *ң* может выступать в качестве комбинаторного варианта фонемы *н* в позиции перед *к, г*.

Фонема *х* совершенно не типична для киргизского языка и появилась лишь недавно в словах, вошедших в киргизский язык из русского или, меньше, из южных говоров. Таких слов пока немного, напр.: *хлор, химия, хром, хутор, хирурги* др. (здесь мы даем их орфографическое написание); *пахта, пакта, бакта* — хлопок.

До последнего времени эта фонема реализовалась в киргизском языке в виде *к (q)*:

хан, кан—хан,
узб. *яхші*, кирг. *жакшы* — хороший, хорошо.

Вследствие этого и до сих пор еще можно наблюдать такие дублеты, как *хымыя, кымыя* и т. п.

В прессе, благодаря введению в 1930 году в латинизированный алфавит буквы *х*, появилось стремление восстановить

написание нескольких заимствованных слов в соответствии с их написанием в других тюркских языках.

Так, наряду с *кан*, *пакта*, культивировались написание—*хан* (в отличие от *кан*—кровь), *пахта*—хлопок, *тарих* (в орфографии: тарых)—история и др.

Исходя из того, что фонема *х* идентифицировалась с фонемой *к* (*q*), она и сейчас осознается как задний согласный, в общей массе случаев произношения не имеющий переднего комбинаторного варианта *хь*. Слово «*химия*» чаще произносится в виде *хымия*, сочетание *тарих* плюс притяжательный аффикс *ы* дает *тарихы* (а не *тарихи*).

Только у лиц, владеющих русским языком, возможны сочетания по типу *хирург*, *химики*, где *х* сочетается с передним гласным *и*.

Часто, когда *х* выделяется на правах самостоятельной фонемы, она реализуется все же не в виде русского заднеязычного, щелевого, шумного, однофокусного (с плоской щелью) согласного, а в виде глубокозаднеязычной, увулярной, глухой аффрикаты *к+х=кх*.

Только в одном известном нам междометии «*ох*», выражающем страдание, давно бытует в киргизском языке сплант, близкий к *х*, реализующийся в качестве щелевого согласного.

Примечание 1. В латинизированном киргизском алфавите с 1930 по 1938 год имелась буква *h* для обозначения глухого гортанного спланта, который ни в литературном киргизском языке, ни в подавляющей массе говоров не встречается, за исключением двух междометий, а именно: «*тəх*—*ах*» (выражает сожаление) и «*əх*—*ох*» (утомление), которые, по существу, являются фонологизованными выдохами, а поэтому для киргизского литературного языка *h* самостоятельной фонемой не является.¹

В заимствованных словах *h* реализуется следующим образом:

а) в начале слова *h* превращается в нуль:

узб. *хайда*=кирг. *айда*—гоня, погоняй (скот),

уйг. *һөл*=кирг. *өл*—влажный,

узб. *һәр*=кирг. *ар*—всякий, каждый;

в середине слова *h* утрачивается, превращаясь в нуль между гласными (узб. *шəһər*—кирг. *шаар*—город) или возмещаясь долготой гласного перед согласным: в узб. *жəһл*=кирг. *жаал*—злоба и т. п.

Лишь у отдельных представителей южных говоров, подвергшихся влиянию узбекского языка, в отдельных словах возможно сохранение *h*, напр., в слове «*һөкүмэт*»—власть (лит.: *өкмөт*, *өкүмөт*) и т. д.

¹ В южных говорах «*h*» выступает в качестве фонемы.

Примечание II. Помимо рассмотренных типов согласных фонем киргизского языка, нужно выделить еще одну, реализующуюся в виде инспираторного, взрывного, глухого бокового «т» и выражающую отрицание.

Соответствия согласных в общих корнесловах тюркских языков

Сопоставляя состав согласных киргизского языка с составом согласных в казахском, каракалпакском, алтайском и некоторых других тюркских языках, можно прийти к следующим выводам:

1. В прежнем словарном запасе северных говоров киргизского языка отсутствовали фонемы *в, u, h, x, ф, f, ж*, тогда как фонемы *u* и *h* типичны для казахского и каракалпакского языков, но отсутствовали в алтайском языке.

Фонемы *в, ф, х, ж* (не *дж*) являются для киргизского языка уже вкладом послеоктябрьского периода.

2. Киргизский консонантизм, сравнительно с общими элементами в казахском и каракалпакском языках, сохраняет признаки шипящей группы тюркских языков. Древнетюркск. *ч* в казахском и каракалпакском дал сдвиг *ш* (*ч а ч ш а ш*—волосы), и так как в рассматриваемых языках вместе с *ч* существовала самостоятельная фонема *ш* (*ш а ш*—торопись), то в связи с конвергенцией (*ч × ш*) → *ш* произошел переход *ш* → (*ш а ш* → *с а с*—торопись, *т а ш* → *т а с*—камень и т. п.).

Киргизский же язык в этом отношении сохраняет *ч, ш, с*:

кирг. *ч а ч* = каз. *ш а ш*—волосы,
кирг. *ш а ш* = каз. *с а с*—торопись,
кирг. *б а с* = каз. *б а с*—тесни,
кирг. *б а ш* = каз. *б а с*—голова, начало.

3. Киргизский язык по начальному *й/ж* относится к джокающей разновидности тюркских языков, тогда как узбекский к йокающей, казахский и каракалпакский к жокающей, а алтайский к дёкающей:

кирг. *д ж о к*¹ = каз. *ж о к* = ойротск. *д ё к* = узб. *й о к*—нет;
кирг. *д ж о л*² = каз. *ж о л* = ойротск. *д ё л* = узб. *й о л*—путь и т. п.

Однако начальный *ж* (*дж*) в общетюркском размещении сохраняется в киргизском языке:

уйг. *ж а н* = кирг. *ж а н*—душа.

¹ Пишется—жок,

² Пишется — жол.

В отличие от особенностей каракалпакского языка, в котором обнаруживается слабое противопоставление смычных проточным ($n \text{ } \text{ } f$, $ч \text{ } \text{ } ш$, $дж \text{ } \text{ } ж$, $к \text{ } \text{ } х$ и т. п.), в киргизском языке представлено спонтанное противопоставление фонем $ч \text{ } \text{ } ш$, $к \text{ } \text{ } х$. Исключение составляет в отдельных диалектах лишь $б$, который между гласными спирантизуется через ступени $б \rightarrow Б \rightarrow в$, что находит себе параллель в каракалпакском, казахском языках и кыпчакских говорах узбекского языка.

4. Киргизскому $к$, $г$ в ряде общих корнеслов соответствует в чувашском $х$, а киргизскому $з$ в чувашском и монгольском — $р$:

кирг. тогуз=чув. тохар—девять,
кирг. өгүз=монг. өкүр—вол и т. д.¹

5. Киргизскому $т$, $к$ в начале слова в туркменском языке соответствуют $д$, $г$:

кирг., каз., узб. $т \text{ } \text{ } р \text{ } т$ =туркм. $д \text{ } \text{ } р \text{ } д$ —четыре,

кирг., каз., узб. $к \text{ } \text{ } ү \text{ } н$ =туркм. $г \text{ } \text{ } ү \text{ } н$ —день.

В киргизском языке, однако, встречаются дублетные разновидности в начале слова: $т=д$ (см. о фонемах $т$ и $д$).

6. Прежде $х \rightarrow к$:

уйг. $яхші$ =кирг. $жакшы$ —хороший,

уйг. $ахир$ =кирг. $акыр$ —конец.

7. Сочетание широких гласных плюс $г$ в конце слога, наличное в узбекском, уйгурском языках, дает в казахском нисходящий дифтонг $ау$, $еу$, а в киргизском широкий долгий лабиализованный гласный:

уйг. $таг$ =каз. $тау$ =кирг. $т о о$ —гора,

уйг. $баг$ =каз. $бау$ =кирг. $б о о$ —сноп.

В отдельных случаях $г$ в киргизском может давать $й$:

уйг. $б у н д а г$ =киргиз. $м ы н д а й$ —так, такой.

8. В сочетании узкого гласного плюс $г$ в конце слога, характерном для узбекского и уйгурского языков, $г$ обращается в нуль и в отдельных случаях возмещается долготой лабиализованного гласного:

уйг. $серіг$ =кирг. $с а р ы$ —желтый,

узб. $элліг \rightarrow эллік$ =кирг. $э л ү ү$ —пятьдесят.

9. Киргизскому $ш$ в интервокальной позиции в алтайском соответствует $ж$ (не $дж$):

¹ Ср. в киргизском: аткар=атказ—исполняй,

кирг. киши=алт. кижі—человек,
кирг. ташы=алт. тажы—тащи.

10. Киргизскому *с* соответствует *h* в башкирском в начале слога, а в якутском языке в интервокальной позиции:

кирг. сиз=башкирск. һиз—Вы,
кирг. суу=башкирск. һуу—вода,
кирг. атасы=башкирск. атаһы—его отец,
кирг. кыз=якутск. кыс, но кирг. кызы=якутск.
кыһа—его дочь.

Однако в более поздних словах в башкирском сохраняется *с* в общетюркском размещении:

сагат—час,
совет—совет.

СОГЛАСНЫЕ В РУССКОМ И КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Дабы избежать повторения в описании артикуляционных особенностей произношения парных твердых и мягких согласных русского языка (напр., *б* и *бь*, *д* и *дь* и т. д.), сопоставим лишь твердые с произношением киргизских согласных, взятых в позиции перед задними (твердыми) гласными.

Что же касается парных мягких согласных русского языка, то они отличаются от твердых лишь добавочным положением языка, тяготеющим к артикуляции «и».

Губно-губные согласные

В составе губно-губных согласных русского языка имеется 6 фонем: *б, бь, п, нь, м, мь*. В киргизском языке им соответствуют три фонемы: *б, п, м*.

Сравнивая произношение указанных губно-губных согласных в русском и киргизском языках, следует отметить, что по-русски они произносятся менее напряженно, тогда как по-киргизски — с большим оттягиванием углов губ, благодаря чему губная щель оказывается несколько удлиненное.

В связи с тем, что в северных говорах киргизского языка в начале слова не употреблялась фонема «п», она часто передается начинающими учащимися согласным «б», благодаря чему вместо *пакет, папка* слышим: *бакет, бапке* и т. п.¹

В тех случаях, когда после начального «б» или «п» следует гласный и носовой согласный «м» или «н», в отдельных словах имеется тенденция к замене «б» или «п» через «м»: *ба н к = ма н к* и т. д.

¹ Здесь и ниже даются примеры, почерпнутые у лиц, не владеющих русским языком и не освоивших нормы литературного произношения. Наряду с такими примерами, постепенно и успешно усваивается русское произношение слов, входящих в киргизский язык из русского.

Заглушение «б» в конце слова, имеющее место в русском языке, но не отражающееся в орфографии, находит себе аналогию в киргизском языке, где «б» в конце слова не произносится и не пишется. Благодаря этому, учащиеся произносят такие слова, как лоб, боб и др., в виде лоп, боп и пр.

Губно-зубные согласные

Русские губно-зубные согласные «в», «вь», «ф», «фь» не находят себе аналогии в значительной части основного словарного запаса киргизского языка, так как подобные им согласные отсутствовали в подавляющей части киргизских говоров. Благодаря этому, фонема «в» реализовалась в начале слова и между гласными в виде «б»: *вм. аванс* произносилось *абансы*, *вм. подвода* — *бадбот* и т. п.

В конце же слова русская фонема «в» часто и перед глухими согласными произносится в виде звука «ф»: *вм. Сидоров* произносили *Сидаръф*, вместо второй говорили *фтарой* и т. п. В связи с этим, эквивалентом глухого варианта «в» в рассматриваемой позиции оказывается в киргизском языке также глухой вариант «б», т. е. «п», таким образом, *вм. Сидоров*=*Сидаръф* встречается *Сидаруп*, *вм. Акматов* — *Акматап* и т. д.

Подобным же образом реализовались и фонемы «ф» и «фь» в виде «п», благодаря чему, например, *Фрунзе* произносилось и писалось некоторое время по-киргизски в виде *Пурунзе*, *вм. фабрика* можно было услышать *пабрик* или *пабирик*, *вм. факт*—*пакты*, *вм. ферма*—*перме* или *ферме*, *вм. февраль*—*пыйбырал* и т. п. (подобное явление встречается и до сего времени).

Фонема «п» в начале слова имела тенденцию выражаться в виде «б», поэтому в живой речи фонема «ф» в начале слова могла произноситься через *ф→п→б* в виде «б», что видно из таких вариантов произношения, как *перме*=*берме* (ферма), *бабрика*=*пабрик* (фабрика) и т. п.

С усилением устного русско-киргизского языкового общения, фонемы «в» и «ф» стали с течением времени осваиваться, в первую очередь интеллигенцией, в виде губно-губных *v* или *i*, что для «в» находило известную аналогию в нормах самого киргизского языка, так как в ряде его говоров «б», оказываясь между гласными, ослабляется и произносится почти как *v*, поэтому «аба»—погода, воздух звучит в виде «ава», «барыз»—мы пойдем произн. в виде «баравыз» и т. д.

По аналогии с этим и произошло изменение *ф→п→в*.

В южных говорах киргизского языка имеется губно-губной

согласный «v», а потому и в русских словах «в» реализуется там не в виде «б» или «п», а в виде v.

Произношение губно-зубных «в» и «ф» в словах, вошедших в киргизский язык через посредство русского, успешно усваивается киргизами.

Переднеязычные шумные согласные

Русским переднеязычным шумным согласным «д» и «дъ», «т» и «тъ», «з» и «зь», «с» и «сь», «ш», «ч» соответствуют киргизские д, т, з, с, ш, ч. Произношение «д» и «т» в киргизском языке более отрывистое (в русском, следовательно, более плавное), благодаря очень незначительному, едва уловимому оттягиванию кончика языка несколько назад.

Таким образом, русские «д» и «т» произносятся с менее вогнутой передней частью спинки языка.

В связи с тем, что в русском языке фонема «ш» реализуется как твердый согласный, сочетания «ш» с последующими палатальными гласными (и, э) отвердевают (пишем «шило», но произносим «шыло», пишем «шест», но произносим как «шэст» и т. п.). В киргизском же языке «ш» может звучать двояко: как твердый и как мягкий.

В русском языке фонема «ч» реализуется как палатальный согласный, благодаря чему следующие после «ч» гласные *а, у, о* палатализируются. Напр., в словах «чай», «чур», «старичок» и др. произносим *а, у, о* не задние по месту образования, а средние (ч^ай, ч^ур, старич^ок). Подобное явление также не свойственно киргизскому языку, где «ч» изменяет оттенки своего произношения в зависимости от сочетания с гласным.

В связи с тем, что в части северных говоров киргизского языка вместо «з» произносится «с», подобное смешение «з» и «с» в русских словах также наблюдается у представителей указанных говоров. Поэтому вместо *база, захоз, залог, задаток* можно услышать *бааса, сапкос, салөк=с-лок, садатке=с-адаток* и т. п.

Русские согласные «ж» и «ц» не всегда находят себе аналогию в киргизском языке и передаются следующим образом: фонема «ж» в начале слова и между гласными реализуется, обычно, в виде аффрикаты «дж» (в киргизском алфавите она изображается в виде буквы «ж»).

Вместо *жаркое, журнал, уничтожил* можно услышать ещё: *джаркоп* или *джаркой, джурнал, уничтожил* и т. п.

Сочетание «ж» с «и» или «э» гуттурализуется в русском языке («жир» произносится в виде «жыр», «жесть» произн. в

виде «жэсть» и т. д.). Для норм звуко сочетаний киргизского языка это не типично, а потому у учащихся, которые осваивают произношение «ж», имеется тенденция произносить в рассматриваемых случаях фонему «ж» то в виде «ж», то в виде «жь», в зависимости от качества соседнего гласного.

На начальных этапах освоения произношения фонемы «ц» учащиеся обычно произносят ее в начале слова и после согласных в виде «с», а между гласными как «тс»: *вм. цирк, циркуль, станция, акация* можно услышать: *сирк, сиркуль, истансие* (или раньше — *ыстанса*), *акасие* и т. п., вместе с *авиация, администрация* произносят и *авиатсие* (или *авиатсыя*), *администратсие* (или *администратсыя*).

Значительно проще обстоит дело с освоением чтения буквы «щ», которая в русском языке не служит для обозначения особой фонемы, а выражает сочетание «шч» (или в некоторых говорах русского языка — «шшь»).

Такое сочетание в смежных слогах киргизских слов встречается довольно часто, например, в словах *ишчи* или *жу-мушчу* — рабочий.

Учащимся значительно труднее бывает произнести «щ», в начале слова, так как сочетание шумных согласных в этой позиции для киргизского языка не типично. Поэтому такие слова, как *щётка, щипцы*, произносятся часто еще в виде *ышчотке* (с кратким *ы*), *чыпчы*. В них перед «щ=шч» вводится узкий гласный, либо «щ» передается через «ч».

В середине слова иногда «щ» читается в виде «ш», как, например, в слове *ящик=жашык*.

Переднеязычные сонорные согласные

Русским переднеязычным сонорным «л» и «ль», «н» и «нь», «р» и «рь» соответствуют в киргизском языке *л, н, р*, произношение которых, в общем, не отличается от русских.

У отдельных представителей киргизского языка, особенно на юге, фонема «л» реализуется в виде палатализованного согласного, произношение которого не изменяется в зависимости от качества соседних гласных (мягких или твердых). Благодаря этому, вместо *лагерь* можно услышать *лягер, лягир* или *лягер* (с кратким *и*). В значительной части северных говоров фонема «л» звучит то в виде «л» в одном слоге с *а, ы, о, у*, то в виде «ль» (с *э, и, ө, ү*), приближаясь, следовательно, к русским «л» и «ль».

В начале слова в киргизском языке «р» употребляется редко: обычно перед ним в заимствованных словах вводился

узкий гласный. Вследствие чего, можно в отдельных случаях услышать: у р о л, ы р а й о н, ы р а п ы р т (с очень кратким начальным «ы»).

В начале киргизских слов редко встречается сочетание «ла». В заимствованных словах перед ним иногда еще вводится краткий гласный «ы»: слышим ы л а к, ы л а м а вместо л а к, л а м а.

В некоторых говорах киргизского языка имеется тенденция к утрате начального «н» в части слов, а поэтому русское «начальник» превращалось в «ачендик» и т. д. В современных заимствованиях из русского языка это явление не имеет распространения.

Среднеязычный согласный «й»

Фонема «й» в русском языке реализуется двояко, в зависимости от позиции в слове относительно ударения:

1. Перед ударным гласным она произносится более отчетливо, как в словах я к о р ь, м а я к и др.

2. В прочих случаях произношение ее приближается к «и», благодаря чему начинающие учащиеся-киргизы, например, сочетания *ый, ий* в прилагательных воспринимают и произносят в виде *ьи, ии* (с раздельным их произношением); *вм. чёрный, синий* встречаем: *ч о р н ы и, с и н ы и*.

В киргизском языке фонема «й» произносится с одинаковой четкостью, как в русском языке перед ударенным гласным (или несколько уже).

В северных говорах киргизского языка «й» в начале слова не употреблялся: этой фонеме закономерно соответствовала фонема «дж» (пишется буква «ж»).

В южных же говорах довольно распространен начальный «й», а поэтому русские йотированные начальные гласные не приобретают там компонента «дж».

Заднеязычные согласные

В русском языке имеется три фонемы, реализующиеся в качестве заднеязычных согласных: *к. г. х*.

Фонема «х» характеризуется как заднеязычный, шумной, глухой, проточный согласный, который в зависимости от состава слова может звучать двояко, как напр., в словах *Х а р ь к о в* и *х и м и я*, имея мягкий и твердый варианты.

В киргизском литературном языке и в северных говорах фонема «х» может встречаться лишь в словах, недавно вошедших через посредство русского языка. В живой речи она ассо-

цируется с «к», вследствие чего вместо «хлеб» можно услышать и «килепъ», а вместо «химия» еще недавно произносилось «кыймые» (здесь $k = k\bar{v}$). На начальных этапах освоения произношения фонемы «х» она, обычно, выражается в качестве сложного звука, начинающегося с велярного «к» и заканчивающегося задней разновидностью «х».

В киргизских междометиях «х» бытует, вероятно, с глубокой древности.

Фонемы «к» и «г» реализуются в русском языке как заднеязычные, смычные, шумные согласные, из которых «к» глухой, а «г» звонкий. У многих носителей русского языка в Чуйской долине и прилежащих областях имеется тенденция произносить фонему «г» в виде проточного (а не смычного) согласного, как это имеет место в украинском языке, представители которого в дооктябрьский период влились в состав русской части населения Северной Киргизии.

ПОЗИЦИОННОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ СОГЛАСНЫХ В ОСНОВАХ

(Вопросы слогового состава и слогосочетаний)

По позиции согласных в слове они могут быть разбиты на три группы:

1. Не имеющие ограничений, т. е. употребляющиеся в одинаковой мере как в начале, так в середине и конце слова.

К числу этих согласных относятся:

м, ч, з, с, ш, т, к.

2. Не употреблявшиеся в начале слова: *л, р, й, џ, г и п, н*, т. е. имевшие ограниченное употребление.

3. Не употреблявшиеся в конце слова и слога:¹

б, д, г, ж (дж).

Рассматривая вопрос о слоговом строении киргизского языка, следует учитывать, что слогообразующим компонентом (т. е. таким, который может быть продлен без всякого ослабления или усиления) в слоге всегда является гласный.

В связи с этим количеством гласных в слове определяется и количество слогов слова. В свете работы Л. В. Щербы «Фонетика французского языка» (стр. 74—75) согласные, входящие в состав слова, могут быть размещены между тремя категориями по распределению экспирации в процессе произношения согласного: сильноконечные, сильноначальные и двухвершинные.

Сильноконечными являются такие, конец которых произносится сильнее начала; сильноконечные согласные образуют начало слога и произносятся с более усиленной экспирацией, нежели согласные, стоящие в конце слога.

Сильноначальными являются такие согласные, начало которых экспируется сильнее, нежели конец. Сами согласные этого типа замыкают слог и, в целом, произносятся с пони-

¹ В небольшой группе слов, однако, возможно отступление от этого правила, о чем будет указано особо. В междометиях и подражательных словах обнаруживается свободное размещение согласных.

женной экспирацией, сравнительно с произношением согласных, начинающих слог.

Для уяснения разницы между сильноконечными и сильноначальными согласными достаточно послушать произношение таких слогов, которые открываются и закрываются одинаковыми согласными, напр., в слове «*ча-ч*—волосы», где начальный *ч* произносится энергичнее, нежели конечный. В слове «*к-к*—небо, синий» начальный *к* произносится интенсивнее конечного.

Точно также и в слове «*к-е-л*—приходи» начальный согласный *к* произносится энергичнее, нежели замыкающий *л*.

Иными словами, в закрытом типе слога согласные произносятся с различной степенью экспирации; причем, при произношении первого согласного экспирация последовательно усиливается (создается сильноконечный согласный), при произношении же конечного согласного экспирация постепенно ослабляется (создается сильноначальный, но слабоконечный звук).

В тех случаях, когда в речевом потоке встречаются сильноконечный и сильноначальный согласные, образуется линия слогораздела; напр., в слове «*а-к-к-а-н*—текущий, проточный».

Двухвершинные (двойные) согласные, как правило, в киргизском языке могут встречаться в аффиксальных образованиях или в словосочетаниях при стыке на границе слогораздела одинаковых согласных, например, в выражениях «*а-т-у-р-а-т*—лошадь стоит», «*к-а-п-б-а-р* (в произношении: *ка-п-па-р*)—есть мешок» и т. п.

На слогоразделе наиболее употребительны такие двухвершинные согласные (из согласных, которые употребляются как в конце, так и в начале слова, т. е. по двум сторонам слогораздела):

1) *м-м*: *к-о-ю-м-м-а-р-а-д-ы*—мой баран блял.

2) *з-з* (в тех говорах, где конечный *з* сохраняется в своей звонкой разновидности, например, в пржевальском):

к-ы-з-з-а-р-л-а-н-д-ы—девушка горько заплакала.

3) *с-с*. Из ассимилятивного сочетания *с+з*:

к-ы-з-с-у-р-а-д-ы (произн. *к-ы-с-у-р-а-д-ы*)—девушка спросила.

М-а-н-а-с-с-ы-я-к-т-у-у—подобный Манасу.

4) *ш-ш* (из ассимилятивного сочетания *ч* и *ш*, не отражаемого в письме):

у-ч-ш-а-р-т (произн. *у-ш-ш-а-р-т*)—три условия.

5) *т-т*:

а-т-т-у-р-а-т—лошадь стоит.

6) *кк*:

кызык кыз—забавная девушка.

7) *пп* (из ассимилятивного сочетания *п* и *б*, не отражаемого в письме):

кап бар (произн. кап пар)—есть мешок.

Что же касается сочетаний *л* и *л* или *р* и *р*, то такие комбинации не типичны для киргизского языка, так как *л* и *р*, как *й*, *ң*, в начале слова не употреблялись.

В неразложимых основах двухвершинные согласные встречаются лишь в единичных случаях в заимствованных словах.

Напр.: мукаббат—любовь,
ылаббай—что прикажете,
даййар=даяр—готовый.

Сонорные *л*, *р*, *н*, *ң* двойных согласных в северных говорах не образуют; так, *л л*→*л д*: мулла, молдо—мулла, грамотей.

Двухвершинные согласные могут образовываться при сочетании одинаковых согласных основы и аффикса. Из согласных, употребляющихся как в конце слова, так и в начале аффиксов, могут образоваться такие двухвершинные согласные (в произношении):

1) *сс* из *сс*:

эс + сиз = эссиз—без памяти.

Из ассимилятивного сочетания *з* и *с*, не отражаемого в письме:

тузсуз (произн. туссуз)—без соли.

Из ассимилятивного сочетания *ш* и *с*, не отражаемого в письме:

түшсүн (произн. түссүн)—пусть он слезет,

2) *тт*: атта—на лошади, у лошади.

3) *кк*: мыкка—к гвоздю, на гвоздь.

4) *пп*: бу китеппи?—книга ли это?

5) В единичных случаях *мм*: менмин (произн. меммин)—я есмь я.

Как видно из этих примеров, двухвершинные согласные образуются здесь в большинстве случаев из шумных глухих согласных.

Что же касается аффиксальных *л* и *н*, они после *н* и *л* переходят в *д* и потому двухвершинных согласных не образуют:

айыл + лар = айылдар = аулы,
эгин + ны = эгинди = посев (вин. пад.).

В дооктябрьской лексике киргизского языка вскрывается три наиболее распространенных группы слогов одно-

сложных слов, что не исключает наличия и других типов слогов и звукосочетаний:

I. Сочетания гласных с согласным или двумя согласными (закрытый слог типа VC или Vcт).

II. Сочетания согласного с гласным и согласным или двумя согласными (закрытый слог типа CVC или CVCC).

III. Сочетание согласного с гласным (открытый слог типа CV) или один гласный (слог типа V).¹

В первой группе закрытых слов типа VC размещается шесть разновидностей слогов, исходя из состава конечных согласных:

1. VC—гласный плюс согласный [т, ч, ш, с], не имеющий корреляции по степени звонкости (сюда, следовательно, относятся все глухие согласные, кроме п и к):

ат—лошадь, эс—память, сознание,
ич—пей, иш—дело.

2. Vn — гласный плюс n, к (т. е. согласный, имеющий корреляцию по признаку звонкости):

он—дыхание,
эк—сей (от глагола сеять),
ок—стрела, пуля.

3. Vz—гласный плюс звонкий согласный з (в односложных словах, за исключением междометий и подражательных слов, прочие шумные звонкие согласные в конце слова не употреблялись, а потому и невозможны односложные слова с конечными г, д, б, ж).

Примеры: аз—мало.

из—след,
өз—сам и т. п.

В отдельных говорах киргизского языка конечный з имеет тенденцию к заглушению, а потому в них слова типа Vz→Vс:

аз=ас — мало, из=ис—след,
өз=өс—сам.

4. Vl — гласный плюс сонорный [л, р, м, н, ң] или й:

ал—бери, он,
эр—мужчина,
эң—очень,

¹ Большая работа по выявлению слогового состава и закономерностей размещения согласных в корнесловах каракалпакского языка проделана Н. А. Баскаковым (см. Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, 11, стр. 29 и стр. 42—45). Опыт этой работы учтен нами при разработке вопроса о слоговом составе односложных слов киргизского языка.

эм—прививка,
эн—ширина,
ай—месяц и т. д.

5. *VLС*—гласный плюс сонорный плюс глухой смычный согласный.

Наиболее распространено сочетание *р, с, н, к, т, ч* в словах рассматриваемого типа:

арп [арып] уруу—прилагать усилия,
ырп—сила,
арк, нарк—стоимость,
кырк—сорок,
эрк—воля,
арт—перевал; задняя сторона,
тарт—тянуть,
өрт—пожар,
бурч—угол,
борч—долг.

В ряде слов возможны также сочетания:

1) *л + п* или *к* (а *лп*—богатырь, силач; а *лк*—нрав. Слово это арабского происхождения);

2) *н + т*: а *нт*—клятва,

3) *й + т*: а *йт*—сказать, праздник;

о *йт-о йт бер үү*—шарахнуться от испуга,

4) *м + п*: *эм + ип* = *э эм п*—прививая.

Остальные сочетания сонорных с шумными в подобном типе корня не типичны для киргизского языка, как и невозможны сочетания сонорных со звонким шумным согласным в конце слова.

Приводимый в практических руководствах корень «*алд*—перёд», заключающий в себе конечный звонкий *д*, является лишь теоретизированной основой, которая без притяжательных аффиксов (т. е. в виде *алд*) не употребляется, а потому и слово это составляет искусственно восстановленное исключение из общего правила.

6. *Vst* — гласный плюс проточный шумной глухой согласный *с* плюс смычной глухой шумной согласный *т* (всего лишь в нескольких словах):

аст—низ,
үст—верх и т. п.

С точки зрения учета комбинаторных изменений согласных при наложении аффиксов шесть рассмотренных слоговых разновидностей могут быть объединены в два подкласса:

1. VC, VLС, Vст, VL, Vз (согласные здесь остаются неизменяемыми при наложении аффиксальных гласных):

ат + ы = аты — его лошадь,
алп + ы = алпы — его великан,
аст + ы = асты — его низ,
эр + ы = эри — ее муж и т. д.

II. Vп, Vк (согласные здесь озвончаются при наложении аффиксальных гласных):¹

ок + ы = огу — его пуля,
эк + ын = эгин — посев,
оп + ы = обу — его дыхание.

Исключение составляют лишь междометия и подражательные слова: в них *п* и *к* не озвончаются.

Во второй группе закрытых слогов (по сводной условной формуле CVC) также размещается шесть типов, которые являются сочетанием согласных *д, м, ж, ч, д, т, з, ш, с, к* с любой из первых пяти разновидностей слогов первого типа:²

1) CVC — согласный плюс гласный плюс шумной глухой согласный, не имеющий корреляции по степени звонкости (т. е. в конце слога в этом типе могут быть *т, ч, с, ш*):

бат — быстрый,
чач — волосы,
кыс — дави,
таш — камень.

II. CVп — согласный плюс гласный плюс *п* или *к* (т. е. согласные, имеющие корреляцию по степени звонкости):

жип — шнур,
көк — небо,
бак — смотри.

III. CVз — согласный плюс гласный плюс звонкий согласный, т. е. *з*:

¹ Надо заметить, что состав этого типа в ряде других тюркских языков охватывает другой круг звуковых комбинаций, включая в себя и разновидности *т, с, ш*, так как в некоторых тюркских языках и согласные *т, с, ш* могут иметь две корреляции по степени звонкости; например, в алтайском языке возможно *т—д, с—з, ш—ж*:

тиш — зуб, тижи — его зуб;
сөс — слово, сөзим — мое слово.

(Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка, стр. 34, § 19).

² Согласные же *г, л, р, й, н* в архаичной части лексики не употреблялись в начале слова, а *п* и *к* имели ограниченное употребление.

биз—мы,
сиз—вы.

IV. CVл—согласный плюс гласный плюс сонорный л, м, н, ң, р или й:

кел—приходи,
бер—дай,
таң—заря,
сай—ручей,
там—крыша, кровля, дом.

V. CVлС—согласный плюс гласный плюс сонорный плюс глухой смычный шумный согласный:

калп—ложь,
март—смельчак, молодец.

VI. CVст или CVшт, напр.:
мушт=муш—кулак.

Таковы основные типы закрытых слогов.

Остановимся теперь на характеристике их звукового состава, исходя из начальных согласных для слогов-слов I—IV типов.

В этой части выделяются по возможным согласным в начале слова десять разновидностей односложных слов:

1. Слова типа бVC

Корнеслова типа бVн очень редки в киргизском языке.

В соответствии с подавляющим числом признаков принято считать, что в нем (как и в алтайском, кумыкском, а также в некоторых других тюркских языках) действует закон назализации б[n] перед последующими носовыми согласными.

Примеры:

1. Склонение указательного местоимения «бу—этот, эта, это» в киргизском языке: б у + н ы н = м у н у н — этого; м у н у — это; б у + н + д а = м ы н д а — у этого, здесь; б у + н + д а н = м ы н д а — от этого, отсюда (но б у + г а = б у г а — этому).

2. Образование возвратного залога от корней, оканчивающихся на n[b]: т е п — лежать, толкать, бить, отталкивать ногой; т е п + и н = т е м и н — ударять ногами о бока лошади, понукавать ее.

3. Закономерные соответствия в различных тюркских языках. Ср.: каз. т ө б е н = кирг. т ө м ө н — низ.

Енис.-орхонск. б и ң = кирг. м и ң — тысяча и др.

Однако в киргизском языке выявляются исключения из этого правила. В их числе обнаруживается четыре типа:

1. Ономатопоэтические слова. Напр.:

кыбында—суетливо двигаться,
 кыпында—испытывать сладостный трепет,
 кибиндет—часто мигать глазами,
 эпенде—делать проворные движения,
 кубуң-шыбың—шушуканье,
 жыбың—подмигивание,
 апан-тапан—неуклюжий,
 шибеңде—быть ловким, проворным (о животном).

Здесь *ң* с предшествующим гласным выступает в качестве окостеневшего аффикса, а потому приведенные примеры генетически могут быть сведены не к корнесловам, а к производным образованиям.

II. Часть аффиксальных образований на *-ынды*, *-ынча*, *-андык*. Например: *тебинди*—место, где трава вытоптана скотом, *көбүнчө*—большей частью. (Корень *көп*—много), *тапандык*—находчивость. (Корень *тап*—находить) и пр.

III. Небольшая группа корнеслов, состоящих из сочетания начального *б* с последующим гласным и носовым согласным, судя по материалам «Киргизско-русского словаря» проф. К. К. Юдахина, охватывает лишь десяток слов. Из них пока не удалось установить происхождения лишь одного: *Баңкыл*—кличка коня (отмечено В. В. Радловым в ч. V «Образцов нар. литературы сев. тюркских племен»). Остальные же—либо иранского происхождения (как *бенде*=*менде*—раб, *баңги*=*маңги*—наркоман, *баам*—понимание, *паана*=*маана*—защита и др.), либо вошли в киргизский язык из русского (напр., *бомбо*=*бомба*, *баңке*=*маңке*—банк, *бөмөштүк*=*мөмөштүк*—помощник и др.), часто имея два варианта: 1) с *б*→*м* или 2) с осваиваемым под влиянием орфографии начальным *б*.

IV. Значительно большая по составу группа с сочетанием *б* с последующими носовыми согласными во вторых слогах корнеслов. Они также заимствованного происхождения: *тапача*—пистолет; *дубан*—округ, район; *обон*—мелодия; *кыпын*=*кымын*—пылинка, частица; *тапан*=*таман*—подошва; *бабаңке*—распутный; *забын*—унижение; *жубан*—молодая женщина; *абансы*=аванс и др.

Указанные нормы сочетаний *б* свидетельствуют о неравномерности развития фонетических особенностей киргизского языка.

К одному из древних периодов в развитии киргизского языка, который характеризуется в части размещения *б* и *н* таковыми же нормами, как и енисейские надписи, относятся, оче-

видно, случаи сохранения *б* перед носовыми согласными в ономастопозетических и аффиксальных образованиях на *-а н д ы, -ы н ч а* и т. д.

Как уже указывал П. Мелиоранский на стр. 31 во Введении к «Памятнику в честь Кюль-Тегина», сохранение *б* перед носовыми согласными в корневых слогах текстов орхоно-енисейских надписей служит свидетельством в пользу древности этого языка, тогда как остальные тюркские языки (даже уйгурский), за исключением языков первой группы (напр., турецкого), переменили «*б*» на «*м*» в рассматриваемой позиции.

За исключением лишь единичных слов, также не типичны для киргизского языка в односложных корнесловах сочетания по типу *бVч, бVс*. Слова *б а с—дави, тесни, печатай; низкий* (последнее из персидского) или *б ы ч—крои, режь* составляют исключения из этого положения.

Остальные сочетания в односложных корнесловах по начальному *б* укладываются в следующие формулы:

- 1) *бVт*: бат—1) быстрый 2) погружайся,
бут—ноги,
- 2) *бVш*: баш—голова, бош—пустой,
- 3) *бVk*: бак—смотри, бөк—холм,
- 4) *бVз*: биз—мы, боз—сивый,
- 5) *бVл*: бал—мёд, бил—знай,
- 6) *бVр*: бар—иди, бир—один,
- 7) *бVй*: бой—рост, буй—забота, дела.

II. Слова типа *мVC*

1. Односложные корнеслова типа *мVп, мVm* не типичны для киргизского языка.

2. Редки слова типа *мVC* (*м а с—пьяный*), *мVk* (*м ы к—гвоздь*), *мVй* (*м а й—жир; ч ы й-м ы й—истощный, очень*).

3. Сочетания по типу *мVт* или *мVч* встречаются лишь в парных словах:

көч-мөч—кочевка,
ит-мит—собаки,
эт-мет—мясо,
ат-мат—лошаденки.

4. Для рассматриваемого типа слога обычны такие разновидности:

- 1) *мVш*: муш—кулак, мыш! брысь!
- 2) *мVз*: муз—лед, миз—острие,
- 3) *мVл*: мал—скот, мөл—очень влажный,

- 4) мVр: мор—глиняная труба,
- 5) мVн: мен—я, мин—садись на лошадь,
- 6) мVң: миң—тысяча.

III. Слова типа чVC

1. Не типичны для киргизского языка корнеслова типа чVC,¹ чVш², чVз.

2. Сравнительно ограничены типы чVM или чVN, исчерпывающиеся несколькими словами, напр.:

чам—шаг, чен—1) место, 2) бок,
чым—дерн, чын—истина.

3. Распространенными являются слова по формулам:

- 1) чVт: чет—край, граница,
- 2) чVч: чач—волосы,
- 3) чVп: чөп—трава, сено,
- 4) чVk: чык—выходи,
- 5) чVл: чал—старик,
- 6) чVр: чыр—1) спорщик; 2) звукоподражание шипению воды, когда она попадает на раскаленную массу,
- 7) чVй: чой—твердый, окрепший.

IV. Слова типа дVC или тVC

1. Из 2—3-х десятков односложных слов, начинающихся на д, т. е. типа дVC, в киргизском языке почти половина заимствованного происхождения:

дап—бубен (из персидск.),
дес—сила, мощь (из персидск.),
док—хула, упрек (из персидск.),
дар—виселица (из персидск.),
дир—помыслы (из персидск.).

Часть из слов типа дVC относится к числу подражательных:

¹ Зафиксированное в «Словаре» К. К. Юдахина слово «чес—честь» заимствовано из русского языка.

² В отдельных случаях возможны комбинаторные изменения чVч—чүш: чүч=чүш—чихай, как и качты произносят иногда кашты—он убежал.

дүп-дүп—подражание удару или выстрелу,
 дүр этүү—ринуться массой,
 дир-дир кагуу—дрожать,
 дик-дик—тук-тук.

Комбинации *д* с последующими согласными в рассматриваемом типе односложных слов представлены ограниченно: имеется несколько корней типа *дVн*, *дVm*, *дVң*, *дVс*, *дVш*, *дVт*, *дVk*, *дVр*.

2. Отсутствует тип *дVч* и *дVй*.

3. При сравнительно полном сочетании начального *т* по формуле «*т* + гласный + согласный», совершенно отсутствует тип *тVч*.

V. Слова типа *жVC* [джVC]

В числе корнеслов типа *жVC* отсутствуют типы *жVч*, *жVс*.

Тип *жVз* представлен небольшим числом слов: *жүз* —

1) сто; 2) лицо; *жез*—жест, медь (из русского). Остальные типы, т. е. *жVт*, *жVш*, *жVп*, *жVk*, *жVл*, *жVн*, *жVң*, *жVр*, *жVй*, *жVm* представлены на общих основаниях.

VI. Слова типа *сVC* и *шVC*

1. В этой группе не имеются сочетания *сVч*, *сVш*; редки *сVң*.

2. Отсутствуют также слова по формулам *шVч*, *шVс*, *шVз*; в единичных случаях возможно *шVт* (*ш а т*—радостный, из персидск.). Этот же тип слогов не встречается и в двухсложных корнесловах.

VII. Слова типа *кVC*

Слова типа *кVC* наиболее полно представлены, сравнительно со всеми предыдущими типами.

В данном типе, по существу, нет ограничений для сочетаний с согласным, замыкающим слог, а потому мы и имеем все сочетания *к* со всеми согласными, возможными в конце слова (т. е. *с, ч, с, ш, т, п, к, з, л, н, ң, р, й, м*):

1) <i>кVч</i> : кач—беги,	8) <i>кVл</i> : кол—руки,
2) <i>кVс</i> : кыс—тесни,	9) <i>кVн</i> : күн—день,
3) <i>кVш</i> : куш—птица,	10) <i>кVң</i> : кең—широкий,
4) <i>кVт</i> : кет—уходи,	11) <i>кVр</i> : кыр—возвышенность,
5) <i>кVп</i> : көп—много,	
6) <i>кVk</i> : көк—небо,	12) <i>кVй</i> : кой—клади,
7) <i>кVз</i> : кыз—девушка,	13) <i>кVm</i> : кум—песок.

VIII. Слова типа зVC

1. Корнеслова, начинающиеся на з, как правило, заимствованного происхождения или оноματοпоэтические.

2. Отсутствуют слова по формуле зVч, зVс, зVш, зVз, зVй, зVн.¹

3. Встречаются единичные слова, преимущественно по формулам:

1) зVт: зат—вещество,

2) зVп: зып-зып—звукоподражание взмаху крыльев,

3) зVк: зык — растерянность; зэк — назв. мифического животного,

4) зVр: зар—рыдание.

5) зVл: зал—камен. соль,

6) зVm: зым=сым—провода,

7) зVң: заң—обычай.

Таким образом, в рассматриваемом общем типе корнеслов [CVC] отсутствуют, в основном, следующие комбинации согласных:

I тип: бVн, бVң, бVm, mVm, mVп.

II тип: дVч, тVч, сVч, жVч, зVч, шVч.

III тип: шVс, чVс, жVс, зVс; редки: бVс, mVс.

IV тип: чVш, зVш, сVш.

V тип: зVз, чVз, шVз,

VI тип: дVй, зVй; редко: mVй.

Обязательным, однако, условием является наличие в подобных слогах лишь кратких гласных; наоборот при наличии долгих гласных рассматриваемые типы сочетаний согласных допустимы:

баам—понимание (из арабск.),

буум—связка.

Часть из таких слов, между прочим, говорит о том, что исторически долгий гласный восходил к сочетанию гласного и согласного, а потому, следовательно, слова эти имели иной слоговой состав (содержали не один, а два слога, благодаря чему и допускалось иное, присущее двухсложным корням, сочетание согласных). В таких же словах, как б э э м ч е к (назв. растения) или бу у м—связка, по существу, имеется два самостоятельных корня: (б э э и э м ч е к) или корень и аффикс (буу+м). Отсутствие рассматриваемых типов сочетаний сог-

¹ Исключение: по формуле зVн есть слово зен, которое имеет и вариант «зээн—способность, понятливость».

ласных имеет свои причины, объяснимые явлением взаимодействия звуков.

Так, тип первый, в разновидностях бVн, бVң, бVм невозможен из-за явления назализации «б» по закону регрессивной ассимиляции.

Сочетания мVп, мVм не сохранились в киргизском языке в результате диссимилятивных процессов, происходящих в области консонантизма.

Невозможность сочетаний второго, четвертого, шестого типов обусловлена явлениями регрессивной ассимиляции,¹ а сочетания третьего и пятого типов не могли укорениться, благодаря наличию диссимилятивных процессов под влиянием конечного согласного.

Примечание. Третий тип сочетаний не типичен для литературного киргизского языка, но в ряде чуйских говоров возможен, где конечный *c* соответствует литературному *з*.

IX. Слова типа CVлC

Допускаются обычно такие сочетания в конце слова:

1) *лп, лч, лк, лт*:

жалп—вдруг,
былч-былч—хлюп-хлюп (подражательное слово),
жулк—рвануть,
жалт берүү—дрогнуть;

2) *нч, нт*:

тынч—спокойный,
кант—сахар.

3) Сочетание *нк* превращается в *ңк*, а потому возможно и спонтанно *ңк*:

даңк—слава,
чаңк-чаңк—верещание (подражат. слово).

4) *мп*: томп этүү—грохнуть.

5) *рс, рп, рк, рт*:

тарс—стук, бряк,
тырп—ничего,
тарк—треск,
тарт—тянуть.

6) Довольно редки сочетания *йм, йт* (в корнесловах) как, напр.: айт—говори, скажи. Такие сочетания чаще возмещаются *й и м, й и т*:

¹ Ср. узб. с а ч, с о ч, ч о ч = кирг. ч а ч—волосы.

бейт = бейит — надгробие,
бейм = бейим = бы + эле + м.

В рассматриваемом типе слов [CVлС], как и в типе VлС, не характерны для киргизского языка сочетания сонорных со звонкими шумными, поскольку они в конце слова не употребляются.

Из сочетаний с глухими согласными не типичны для киргизского языка *лч, лш, нш, рш* и ряд других, отмеченных выше.

Сочетание *рч* встречается лишь в отдельных словах (напр., б у р ч — угол), но чаще охотнее разлагается между двумя слогами: б о р ч = боруч — долг, обязанность.

Это же явление в отдельных словах относится и к *рк*: т о р г → т о о р у к (устарело).

Шестая разновидность закрытого слога по формуле CVст или CVСт не типична для киргизского языка и возникла очень недавно лишь в процессе взаимодействия киргизского языка с русским и другими языками. Слова подобного типа, заимствуемые киргизским, охотно деформировались и приводились либо к типу CVC, либо переразлагались на два слога:

* дөст → дос — друг,
жөст → жез → жес,
нефть → нефти.

И подобно этому, в словах типа VCC или CVCC не допускались сочетания двух смычных согласных:

акт → акты и т. п.

Точно также и VCCC, т. е. встреча трех согласных расчленялась между слогами: Омск = Омски и т. д.

Только лишь в последние годы начал постепенно внедряться сначала в язык прессы, а потом и в устную речь рассматриваемый шестой тип закрытого слога.

Как уже указывалось выше, в дооктябрьской лексике не употреблялись согласные *б, д, ж, г*, как и отсутствовала фонема *ж* (не *дж*!).

Заемствуемые слова с конечными звонкими шумными согласными либо деформировались путем добавления гласного, благодаря тому, что данный звонкий согласный в конце слова ассоциировался с сочетанием его с последующим гласным; поэтому, т а ж → т а ж ы — корона; наоборот, в других случаях, исходя из норм русского произношения, в русских словах *б, д, ж* воспринимались сначала в глухих вариантах:

клуб→кулуп (теперь и клуб).
Ленинград→Ленинград (теперь и Ленинград),
Воронеж→Боронеч (теперь и Воронеж).

Уже под влиянием графики начинается освоение и в устной речи звонких шумных согласных в конце слова.

В этой (второй) группе слогов отсутствовали сочетания двух согласных в начале слова, а потому и заимствуемые слова, начинавшиеся на слог типа CCVC, обычно деформировались:

1. Если в начале слова встречались проточный и смычный, то они предварялись узким гласным:

стол→үстөл,

станция→ыстанса (теперь и станция).

2. Если в начале слова встречались смычный с проточным, то между ними вводился узкий гласный:

трактор→тырактыр (теперь: трактор),

Фрунзе→Пурунза (теперь: Фрунзе) и т. п.

Отсутствовали в дооктябрьской лексике двойные согласные в одном слоге или в морфологически неразложимых сочетаниях.

Однако теперь уже киргизским языком освоены с двойными согласными такие слова, как коммунист, класс и т. п.

* * *

Третья группа слогов исчерпывается двумя разновидностями:

1. V—гласный (краткий или долгий).

2. CV—согласный плюс гласный.

Односложных слов по формуле V очень немного.

В числе их выделяют, во-первых, междометия:

а!—возглас удивления,

э!—1) эй, ой! 2) ну!

ээ...—1) возглас недовольства, 2) хозяин,

и?—ну? что?

Во-вторых, союз а.

В-третьих, из знаменательных слогов известны пока следующие:

а=ал—он,

э—недостаточный глагол «быть» (эле, экен, эмес),

ээ—хозяин,

оо—свешиваться,

уу—1) яд, 2) охота,

уу-чуу—гомон, шум.

Последний из этих примеров, по-видимому, представляет из себя парное сочетание (вроде ч а й-п а й и т. п.) из подражательного *уу*.

Остальные же слова генетически восходят к корням, содержащим согласный и, следовательно, к другим (I или II) типам слогов.

Так а (ал) восходит к типу VC;

э происходит из «эр—быть»;

ээ происходит из эге, эе и т. п., как и все долгие гласные, возникшие из сочетания гласного с согласным.

Слова по формуле CV также складываются из трех типов:

1) Междометия, напр., чү-чү—но (для понукания лошади).

2) Сочетание согласного с кратким гласным:

бу—это,

же—кушай,

де—говори,

ме—возьми,

не?—что?

да—также, и.

Генетически этот тип восходит к типу CVC или др.:

бу=бул—это,

да=даа=дагы—также,

ме=мына—вот.

Что касается *же* и *де*, то и они, вероятно, восходят к типу CVC, так как в других тюркских языках возможны такие образования:

жейиш—кушать,

дийиш—говорить,

в которых восстанавливается конечный согласный й. (Отметил Н. А. Баскаков). Наконец, «не?» вошло уже в отработанный вид в киргизский язык.

3) Сочетания согласного с долгим гласным, напр.:

бээ—кобылица,

боо—связка, сноп,

буу—пар,

даа—также. Несколько других подобных слов ге-

нетически восходят либо к двухсложным корнесловам (ба а—цена, дагы—еще), либо к словам по формуле CVC (бо о←ба г—сноп).

Таким образом, в общей сложности, корнеслова типа CV также не характерны для древнекиргизского языка.

Очевидно, основным по своему удельному весу типом односложных корнеслов в древнекиргизском языке был CVC, так как и слова по типу VC в киргизской лексике занимают, во-первых, меньший удельный вес, нежели тип CVC; во-вторых, все сочетания (долгий гласный плюс согласный) генетически восходят к другому типу слога. Так, например, уул—сын восходит к огул и т. д. (см. о происхождении долгих гласных).

Другая часть слов типа VC вошла в киргизский язык отработанной уже в других языках (напр., «эл—народ» из монгольского).

Иные слова, при заимствовании из других языков, сохраняют отсутствующие в киргизском языке согласные, утрачивали их, как это и имеет место в ар—каждый, где корень иноязычного происхождения восходит к типу har.

Наконец, только незначительная часть односложных слов по формуле VC нуждается в объяснении.

Весьма вероятно (это нужно еще доказать), что и эта группа слов восходит к типу CVC.

Слог типа V или CV в большей степени представлен аффиксами.

Корневые слоги типа CV не допускали г, п, л, й, н, ң, р, з в начале, но в 4-х аффиксальных слогах этого типа встречаются г, п, н:

бала+га—ребенку,
ат+па—не стреляй,
тоо+ну—гору и т. п.¹

О двухсложных и многосложных словах

Двухсложные и многосложные слова киргизского языка могут быть сведены к следующим типам:

1. Изначально двухсложные слова, например: бала—ребенок, ата—отец и др.

2. Корнеслова, создавшиеся в процессе универбации двух или нескольких корней. Например:

алып бар=апар—принеси,
каны этип=кантип—как,
кара-кара=капкара—пречерный.

¹ В подавляющей массе памятников енисейской письменности встретилось 145 корневых односложных слов. В их числе: 1) 90, т. е. 62%, по формуле CVC, 2) 39, т. е. 27% — VC, 3) 10, или 7% — CVLC, 4) 5, или 4% — V и CV. Все это является еще одним доказательством примата I типа, CVC, в древней тюркской лексике.

Сюда же относятся и редупликации:

а) по начальному гласному и насланиваемому *м* во второй части:

ит-мит—собачня,
ат-мат—лошади там всякие,
эт-мет—всякое там мясо;

в) по начальному гласному двухсложных слов с начальным *т* второго компонента:

апан-тапан—неуклюжий;

с) с заменой начального согласного на *м* или *п*:

китеп-митеп—книги и всё прочее,
чай-пай—чай с др.

3. Аффиксальные образования.

4. Двухсложные и многосложные слова, заимствованные из других языков, например, *к и т е п*—книга.

Процесс изменения слоговых универбационных сочетаний в каждом отдельном случае имеет свое особое объяснение; фонетическое же взаимодействие слогов в подобного рода словах, в общем, оказывается аналогичным фонетическому взаимодействию слогов в аффиксальных образованиях, а потому отдельно вопрос об универбациях в фонетическом аспекте в данной работе мы не рассматриваем.

Что же касается слов, заимствованных из других языков, то они, применительно к существовавшим в момент заимствования нормам слогосочетаний, соответственно изменялись (за счет изменения количества слогов, либо за счет утраты одного из согласных и т. п.) и либо сохранялись уже в таком деформированном виде (напр., *к и т а б* → *к и т е п*—книга), либо, благодаря дальнейшему усилению живого общения с носителями языка, послужившего источником заимствования, сами соответственно видоизменялись, приближаясь к основному варианту заимствуемого слова, как это, например, видно из освоения слова трактор: *т ы р а к т ы р* → *т р а к т ы р* → *т р а к т о р*.

Типичен процесс взаимодействия слогов в аффиксальных образованиях, по аналогии с которыми находят себе объяснение как фонетические особенности универбаций, так и фонетические изменения заимствуемых слов. Поэтому в первую очередь мы и остановимся на примерах аффиксальных образований.

С точки зрения слоговой структуры многие двухсложные слова представляют собой комбинации из части перечисленных типов слогов, описанных выше на примерах односложных слов.

В составе этих сочетаний имеются различные группы, рассматриваемые ниже.

I. Слог первого типа VC, VлC, Vст плюс слог третьего типа (V, CV):

VC+V: ат+ы=аты — его лошадь,
Vк+V: ок+ы=огу—его пуля,
Vз+V: из+ы=изи—его след,
Vл+V: эл+ы=эли—его народ,
VлC+V: алп+ы=алпы—его великан,
Vст+V: аст+ы=асты—его низ,

или:

VC+CV: ат+ка=атка—к лошади,
Vк+CV: ок+ка=окко—к пуле,
Vз+CV: из+га=изге—к следу,
Vл+CV: эл+га=элге—к народу,
VлC+CV: алп+ка=алпка—к великану.

В рассмотренных сочетаниях комбинация слогов первого типа со слогом типа V или VC приводит к изменению линии слогораздела:

VC+V=V-CV: ат+ы=а-ты — его лошадь,
VC+VC=V-CVC: ат+ым=а-тым — моя лошадь,
VлC+V=VC-CV: алп+ы=ал-пы — его великан,
VлC+VC=VC-CVC: алп+ым= ал-пым — мой великан,

Vст+V=VC-CV: аст+ы=ас-ты — его низ,
Vст+VC=VC-CVC: аст+ым=ас-тым — мой низ.

При этом, в слогах типа Vn, в связи с изменением линии слогораздела, n, к, оказываясь между гласными, озвончаются, а потому меняется и качественный состав слога:

Vп+V=V-бV:
оп+ы=о-бу — его дыхание,
ок+ы=о-гу — его пуля

или

Vп+VC=V-бVC
оп+ым=о-бум — мое дыхание,
оп+үү=ө-бүү — целовать.

II. Взаимосочетания слогов первого типа

При этих сочетаниях по признаку изменения линии слого-раздела выделяется группа сочетаний с переходной линией слогораздела по формуле:

$$VC-VC=V-CVC.$$

Примеры:

ал+ат=а-лат—возьмет,
ач+ып=а-чып—открывая.

III. Сочетания слогов первого и второго типа

Примеры:

1. $VC+CVC$: ат+тар=аттар—лошади,
2. $VлC+CVC$: алп+сыз=алпсыз—без великана,
3. $VC+CVCC$: ал+ба+й+т=албайт—не возьмет
(линия слогораздела остается непереходной).

IV. Сочетания слогов второго типа по формуле CVC со слогами первого (VC) или третьего (по формуле V)

В таком случае меняется линия слогораздела, а конечные *п, к* первого слога озвончаются, вследствие чего вновь созданный второй слог начинается на *б, г*:

1. $CVC+VC=CV-CVC$:

кап+ым=ка-бым—мой мешок,
чак+ым=ча-гым—мое время;

2. $CVC+V=CV-CV$:

кап+ы=ка-бы — его мешок,
чак+ы=ча-гы — его время,
чач+ы=ча-чы — его волосы.

При сочетании же слогов второго типа по формуле $CVлC$ или $CVст$ со слогами, начинающимися на гласный, хотя и меняется линия слогораздела, но согласные *п, к*, переходя в состав второго слога, не озвончаются, а из них *п* (не употребляющийся в начале первого слога) может (благодаря передвижению линии слогораздела) быть в начале второго слога.

Примеры: $CVлC+V=CVC-CV$:

калп+ы=кал-пы — его ложь,
даңк+ы=даң-кы — его слова и т. п.

В заимствованных же словах по формуле $[C]VCC$ или $[C]VCCC$, напр., нефть, Омск и др., при сочетании их с аф-

фиксами имеет место тенденция изменения слогового состава. Напр., $н е ф т ь + g e = н е ф т и г е$, $О м с к + g a = О м с к и г е$ и т. д. Это явление, однако, создает разрыв в написании новых слов в киргизском и русском языках.

V. Взаимосочетания слогов второго типа

В этом случае линия слогораздела остается неизменной:

1. CVC+CVC:

ча $\bar{ч}$ +сыз=ча $\bar{ч}$ -сыз — без волос,

2. CVлC+CVC:

калп+чыл=калп-чыл — склонный ко лжи и т. п.

VI. Сочетания слогов третьего типа со слогами первого

Они необычны для киргизского языка. Сочетания же слогов третьего типа со слогами второго вполне допустимы и, при том, не имеют линии слогораздела:

CV+CVC:

же+ган=же-ген—он ел,

V+CVC:

ээ+сиз=ээ-сиз—без хозяина.

Точно так же возможны дублетные сочетания слогов третьего типа по формуле

CV+CV:

де+ди=де-ди—он сказал, говорил.

Во всех этих случаях линия слогораздела не меняется.

Не следует думать, что основы, содержащие два слога по формуле CVCVC и другие, создались только путем сочетания двух морфем: в этом отношении могли действовать и иные процессы, вытекающие из норм сочетаний согласных, благодаря чему односложные корни могут переразлагаться в двухсложные. Так, например, заимствованные слова б а р к—авторитет, б е й т—надгробие, б о р ч—долг, з а р п = с а р п—расход реализуются в виде:

барк и барык, борч и боруч,

бейт и бейит, сарп и сарып.

Точно так же может изменяться и состав односложных корней: м у ш т = м у ш—кулак и т. п.

VII. Сочетания слогов III-го типа

Что же касается сочетаний слогов третьего типа по формуле CV+V или CV+VC, то они для киргизского языка невоз-

можны в аффиксальных образованиях, но в основах, заимствованных из других языков, где между *a* оказался *h* или *g*, обнаруживается не долгота, а зияние, и потому, следовательно, в отдельных словах, где процесс образования долгого гласного не закончился, возможно $Ca ha C \rightarrow Ca-a C$ или $Ca ga C \rightarrow Ca-a C$, как это мы имеем в словах *ша́р* (из *ша-һа́р*)—город, *са́ат*, (из *сага́т*)—час и т. п. В сочетаниях же типа $CVhV$ (*баһа́* → *баа́*—цена) процесс стяжения гласных в конце слов закончился, и потому они являются односложными словами с конечным долгим гласным.

В трехсложных (и соответственно—в многосложных) словах взаимоотношения между последним и предпоследним (а в многосложных—взаимоотношения последующего слога с предыдущим) слогами такие же, как между вторым и первым слогами в двухсложных словах.

Для примера возьмем сочетания типа $VCCVC$ или VCV с V , VC , CV , CVC .

1. $VCCVC + V = VC-CV-CV$:

ачкыч + *ы* = ач-кы-чы—его ключ,

$VCCVC + VC = VC-CV-CVC$:

ачкыч + *ым* = ач-кы-чым—мой ключ.

Здесь граница второго слога изменяется как и в двухсложных словах.

2. $VCCVC + CV = VC-CCV-CV$:

ачкыч + *ка* = ач-кыч-ка—к ключу,

$VCCVC + CVC = VC-CVC-CVC$:

ачкыч + *сыз* = ач-кыч-сыз—без ключа.

В этих случаях линия слогораздела остается неизменной.

3. $VCV + V$ или $VCV + VC$ —невозможно.

4. $VCV + CV$ или $VCV + CVC$ не меняют линии слогораздела:

ата + *сы* = а-та-сы—его отец,

ата + *сыз* = а-та-сыз—без отца.

Наряду с перечисленными нормами слогосочетаний в трехсложных словах, имеется тенденция, приводящая к деформации трехсложных слов по формуле:

$(C)VCиC = (C)VCCV$.

П р и м е р ы: эрин + *и* = эрди—его губы,

айыл + *ы* = айлы, айылы—его аул,

дирижабль = диржабль—дирижабль,

масылаат = маслет—наставление,

кысырак = кысрак—молодая кобылица и т. п.

Отмеченная слоговая структура определяла собой изменение заимствуемых слов, не укладывавшихся в тогдашние стандартные нормы слогосочетаний. Поясним это конкретными примерами.

1. Слоговая структура слова «справка» выражается в виде CCCVCCV, где первый слог CCCVC не соответствовал стандартным типам слогов киргизского языка. В рассматриваемой структуре начальные CCCVC в связи с этим переразложились в VCCVCVC, а последующая часть, как укладывающаяся в нормы, осталась без изменений. Таким образом, CCCVCCV → VCCVCVCCV = VC-CV-CVCCV, т. е. справка → ыспырапке (теперь: справка).

Причем, конечный *a* под влиянием *k* перешел в *e*, а *v* через замену *b*, благодаря соседству с глухим *k*, также заглушился и превратился в *n*.

2. Слоговая структура слова «подарок» не типична для киргизского языка.

Изменение его шло по следующим принципам: поскольку в русском произношении ударение падало на слог *да*, естественно, он и в киргизском оформлении должен был сохранить гласный, но, чтобы изменить слоговую структуру, был изменен конечный слог: *рок* → *р-к*.

Под влиянием конечного *k* слово воспринималось как переднерядное, а начальный *n*, поскольку он был не употребителен в начале слов, превратился в *b*; безударный *о* превратился в *a*: *подарок* → *бадерке*.¹

3. В слове «трико» слоговая структура выражается в виде CCV-CV, необычном для киргизского языка. Ближайший к нему возможный тип: CVCVCCV, в котором гласный среднего слога имеет тенденцию к выпадению; для сохранения количества слогов слова средний слог был преобразован в закрытый путем добавления *й*: *тырыйке*.¹

4. Слово «взвод», по формуле CCCVC, не характерной для киргизского языка, путем превращения в нуль начального *v* и разложения сочетания двух согласных было превращено в «ызбот», где *v* → *b*, а *d* → *t* по действовавшим фонетическим нормам.

Слоговая структура слова и вопрос о линии слогораздела органически связаны с вопросами взаимного влияния согласных и их размещения в слове.

В этой части существенное значение имеет вопрос о переходности или непереходности линии слогораздела при сочетании слогов, образующих слово.

¹ Устарело.

Линия слогораздела передвигается в том случае, когда в предыдущем слоге имеется сочетание гласного и согласного, а последующий слог начинается на гласный; тогда согласный переходит в следующий слог, оказывается в интервокальной позиции, а линия слогораздела переходит в предыдущий слог:

күн + ым = кү-нүм — мой день,
ат + ы = а-ты — его лошадь и т. п.

В связи с изменением линии слогораздела (напр., при наложении аффиксов, при универбациях и т. д.), или при сочетании слогов, в которых слогораздел приходится между согласными, возникает вопрос о возможных сочетаниях согласных и о взаимодействии фонем, находящихся по сторонам линии слогораздела.

В этой части следует различать слова с постоянным и с переменным слогоразделом.

К словам с постоянным слогоразделом относятся такие, в которых при всех их морфологических изменениях линия слогораздела между определенными соседними слогами не передвигается:

а-та = отец,
а-там = мой отец,
а-та-сы = его отец и т. п.

Как общее правило, это сохранение слогораздела встречается в сочетаниях открытого слога (V, CV) с последующими слогами, т. е. по формулам:

1. $V+CV=V-CV$: а-та — отец,
 $V+CVC=V-CVC$: а-зыр — сейчас, теперь,
2. $CV+CV=CV-CV$: ки-ши — человек,
 $CV+CVC=CV-CVC$: ки-теп — книга.

В сочетаниях же закрытого слога слогораздел остается неизменным лишь в комбинации со слогом, начинающимся на согласный, по формуле $VC+CV$ или $CVC+CVC$ и т. д.

бай-тал = кобылица,
жүк-төө = нагружать, навьючивать и т. п.

При изменении этих слов граница между первым и вторым слогом остается неизменной:

байтал = бай-тал — кобылица,
байталы = бай-та-лы — его кобылица;
жүктөө = жүк-төө — нагружать, навьючивать,
жүктөйт = жүк-төйт — навьючивает и т. д.

К словам с переменным слогоразделом относятся такие, в которых меняется линия слогораздела при изменении слова, при наслоении слогов, начинающихся на гласный:

ат + ы = а-ты—его лошадь,
бал + ы = ба-лы—его мёд и др.

Однако при сочетании со слогом, начинающимся на согласный, линия слогораздела не меняется:

ат + лар = ат-тар—лошади,
бал + га = бал-га—в мёд,
киши + мин = ки-ши-мин—я человек.

Как уже указывалось, в связи с линией слогораздела стоит вопрос о размещении согласных и о степени звонкости некоторых из них.

В этом отношении следует рассмотреть три группы случаев:

- 1) сочетания слогов с постоянной линией слогораздела между гласными и согласными;
- 2) сочетания закрытых слогов с гласным последующего слога, при происходящем перемещении линии слогораздела;
- 3) сочетания слогов, когда постоянная линия слогораздела проходит между согласными.

Рассмотрим эти случаи подробнее.

1. Сочетание слогов в словах с постоянной линией слогораздела между гласными и согласными допускает в начале слога, предшествующего гласным, любой согласный, который мог по общему правилу употребляться в середине слова; точнее: в начале второго слога могли быть *б, п, м, ч, ж, д, т, л, н, р, з, с, ш, й, к, г, ң*:

а-ба—дядя, ба-зар—базар,
а-па—ст. сестра, мать, ке-се—чайн. чашка, пияла,
а-мал—дело, действие, ки-ши—человек,
а-ча—развалина, а-ял—женщина,
а-жал—смерть, а-кыл—ум,
а-дам—человек, э-ки—два,
а-та—отец, да-гы—еще,
ба-лык—рыба, де-гээ—острога,
ча-на—сани, да-ңа-за—великолепие,
да-ра—отдельный.

2. Сочетание согласных (в комбинации — ...VC), замыкающих слог, с последующим гласным морфемы приводит к перемещению линии слогораздела. В словах с переменным слогоразделом в конце закрытого слога могли употребляться, во-

первых, *м, ч, т, л, н, р, з, ш, с, й, ң*, которые не изменяются при перемещении линии слогораздела:

там + *ы* = та-мы—его кровля, дом,
чач + *ы* = ча-чы—его волосы,
ат + *ы* = а-ты—его лошадь,
бал + *ы* = ба-лы—его мёд,
таш + *ы* = та-шы—его камень,
сай + *ы* = са-йы—его русло.

Во-вторых, в конце слога могли употребляться после гласного *п, к*, которые при наслоении гласного последующего слога переходят в этот последующий слог и озвончаются:

кеп + *ы* = ке-би—его разговор,
ак + *ым* = а-гым—течение,
көк + *ым* = кө-гүм—моё небо.

Исключение из этого положения составляют междометия, в которых *п, к* не означаются:

дек + *ылдоо* = декилдөө—стучать (о сердце),
бак + *ылдоо* = бакылдоо—кричать,
алап + *ай* = алапай—восклицание, выражающее испуг.

Таким образом, *п, к*, оказываясь в интервокальной позиции, дают в начале второго слога *б, г* в словах с переходной линией слогораздела (кроме междометий).

Наоборот, с постоянной линией слогораздела в начале второго слога могут быть в одних словах *п, к*, а в других *б, г*.

Известно, что в конце слова, а следовательно, и в конце слога односложных слов не употребляются шумные звонкие согласные, за исключением *з*. В связи с этим, в двухсложных словах с переходной линией слогораздела в начале второго слога не могут быть *д* и *ж*.

В словах с постоянной линией слогораздела *д* и *ж* встречаются в начале второго слога:

бадал = ба-дал—заросли,
бажа = ба-жа—свояк,
ажал = а-жал—смертный час и т. д.

3. В отдельных случаях *й* в начале второго слога в интервокальной позиции объясняется на почве *ж* (*дж*):

бу жак = быяк—эта сторона,
бу жыл = быйыл—этот год и т. п.

Рассмотренные нормы звуко сочетаний могли также сложиться в ряде слов вне киргизского языка и уже в готовом виде войти в него.

Кроме того, междометия и подражательные слова могли складываться по иным нормам, допускающим сохранение глухих согласных в интервокальной позиции (о чем уже указывалось выше).

Из изложенного видно, что при сочетании открытых слогов с закрытыми в начале вторых слогов согласные не имеют ограничений: может употребляться любой согласный.

В части размещения в этих случаях согласных во вторых слогах также наблюдаются меньшие ограничения, нежели в размещении согласных односложных корнеслов или в первых слогах производных или изменяемых основ.

Уже указывалось, что шесть типов звуко сочетаний не типичны для киргизского языка в односложных корнях:

- I. бVн, бVң, бVm, мVm, мVп.
- II. дVч, тVч, сVч, жVч, зVч, шVг.
- III. шVс, чVс, жVс, зVс.
- IV. чVш, зVш, сVш.
- V. зVз, чVз, шVз.
- VI. дVй, зVй.

В двухсложных и многосложных же основах, благодаря наличию аффиксов, содержащих в себе *н, ң, м, й, ш*, вполне возможны (при передвижении линии слогораздела) во вторых слогах производные сочетания по формулам — бVн, бVң, бVm, мVm, мVп, дVй, зVй, чVш, зVш, сVш:

кабын=ка-бын—его мешок (винит. пад.),
кабың=ка-бың—твой мешок,
кабым=ка-бым—мой мешок,
тамым=та-мым—мой дом, моя кровля,
даярдай=да-яр-дай—готовая,
азай=а-зай—уменьшайся,
ачыш=а-чыш—открывай (взаим. залог)
жазыш=жаз-ыш—пиши » »
кесиш=ке-сиш—режь » »

В глагольных основах, оканчивающихся на *м*, возможно, однако, стяжение согласных в одном слоге:

эм·†и·п=ээм·п—сося (деепричастие от «сосать»).

В неразложимых же двухсложных основах продолжают еще оставаться нехарактерными для киргизского языка такие сочетания:

бVm, бVн, бVң,
дVг, сVг, жVг, зVг, шVч,
шVс, чVс, жVс, зVс, зVз,

встречаясь лишь в замствованных словах, напр., в а з и з (дорогой) и некоторых других.

Остановимся теперь на вопросе о сочетании согласных, между которыми проходит линия слогораздела (т. е. сочетания по типу... VC-CV... как в неразложимых, так и в производных основах).

В этом отношении обнаруживается два разных, противоречивых явления:

При сочетании шумных согласных, кроме з, обе стороны слогораздела должны быть одинакового состава: либо глухими, либо, в редких случаях, звонкими.

подавляющее большинство сочетаний шумных согласных относится к глухому ряду, так как в конце слога с устойчивой линией слогораздела звонкие шумные редки.

Типичны, поэтому, сочетания:

башка—другой (сочетаются ш и к).
экче—каблук (сочетаются к и ч),
тапшыруу—поручать (сочетаются п и ш),
ышкы—любовь (сочетается ш и к) и т. п.

В небольшой группе слов имеется сочетание шумных звонких согласных, в которых первый слог оканчивается на звонкий. Например: ды г ды й—подражай виду или движениям коренастого человека,

дегде—сильно желай,
багжай—будь широколицым, с окладистой бородой,
тагдыр—предопределение,
быж-быж—звукоподражание шипению, брожению и т. д.,
жагдан—чемодан,
жабдык—оружие,
жагни—иначе говоря,
жагдай—условие, положение и др.

Часть из этих слов, отступающих от общих норм употребления глухих согласных в конце слога, либо иноязычного происхождения, либо суть подражательные слова, допускающие вообще любые звуко сочетания, необычные для прочих категорий слов; либо, наконец, суть универбационные словообразования, генетически содержавшие сочетания глухого и звонкого согласного, благодаря ассимиляции превратившиеся в согласные одинаковой степени звонкости, как это возникло, например, в собственном женском имени Б а г д ө л ө т (из «Манаса»), происходящем из сочетания б а к—счастье, д ө л ө т—богатство. Здесь, благодаря влиянию звонкого *д*, глухой *к*, озвончившись, превратился в *г*.

Другая часть из этих слов изменяет согласный под влиянием закона регрессивной ассимиляции; так, например, в сочетании *м ы ч к у у*—*мять*, *тискать* на слогоразделе встречаются оба глухих согласных, но при присоединении к этому слову аффикса *-г ы л а* (для образования многокр. вида) слово принимает вид *м ы ж г ы л а* (поглощается слог *к ы*).

В противовес положению о сочетании по сторонам слогораздела шумных согласных, одинаковых по составу, в отдельных словах отмечается чаще графическое сочетание согласных различного состава, т. е. глухих и звонких.

Некоторые из этих слов также иноязычного происхождения, напр., иранск. *б е т б а к* (чаще: *бетпак*)—негодяй; другие же из них суть универбационные сочетания, в которых процесс фонетического взаимодействия еще не закончился. Напр., *Ж а к у п б а й* (собств. имя), *с е к е т б а й*—любимая.

Согласный *з* может сочетаться, во-первых, со звонкими шумными:

бузгандык—нарушение,
аздык—малочисленность,
жазгы—весенний и т. п.

Во-вторых, с глухими *с и ч* (и в произношении заглушается в подавляющей массе говоров):

арыз + сыз—арызсыз = арыссыз—без заявления,
кыз + ча = кызча = кысча—по-девичьи.

С прочими глухими согласными (*ш, т, к, н*) сочетания *з* необычны для древнекиргизской лексики.

Шумные глухие согласные могут сочетаться, как общее правило, с согласным *м*:

батман—мера веса 8—12 пудов.
жапма—покрытый,
акма—текучий,
тизме—список,
асма—висячий,
башмак—башмак.

Совершенно необычны сочетания согласных с *й* на слогоразделе. В 1930—1940 гг. под влиянием графической передачи йотированных гласных появилось и в произношении сочетание согласного с *й*:

бюро—bjuro,
слёт—sljot и т. д.

Редки сочетания на слогоразделе шумных согласных с *«р»*, и обнаруживаются они в отдельных словах, напр., *б а с р а*—низкий, а чаще имеют дублетные разновидности с эпентезиро-

ванным гласным: а с р о о = а с ы р о о — воспитывать, а д-
р а н д о о = а д ы р а н д о о — проявлять показную храбрость.

Необычны сочетания *шр, шл*, как и *рш, лш*.

В заимствованных словах лишь в единичных случаях возможны сочетания шумных согласных с *н*, как в словах б а т-
н у с — поднос (из русск.), ж а г н и (арабизм) — то есть.

Не типично сочетание шумных согласных с *н* или *л*, которые превращаются в *д* (после звонких) или *т* (после глухих)¹; напр., к ө к л э м → к ө к т ө м — весна, б ө м ө ш т ү к — помощник.

Сонорные согласные и *й* могут сочетаться с шумными, напр., в словах: а л т ы — шесть, а н ч ы — зверолов, ч ы й к а н — чирей, м а л к ы — получи что-либо в изобилии, б а р ж а ю у — быть толстым, б о р к о к — намордник для телят.

При этом, *н* перед *к*, *г* обращается в *ң* (р а й о н г о про-
износится р а й о ң г о), а перед *б*, *п* в *м*:

монпансье → мампази, момпозий.

Аффиксальные согласные, сочетающиеся с основами, оканчивающимися на сонорный согласный, оформляются по звонкому ряду, но небольшая группа слов отступает от этого правила и, вопреки существующим нормам, оформляется по глухому ряду.

В докладе об особенностях якутского языка, зачитанном на сессии Отделения языка и литературы Академии наук СССР, происходившей 26—28 марта 1941 г. в Москве, докладчик, член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов, обратил внимание слушателей на сохранившиеся в некоторых современных тюркских языках сочетания сонорных согласных и гласных с аффиксальными *т* и *к*, тогда как в ряде других тюркских языков вместо *т* и *к* встречаются *д* и *г*. Эта черта была сопоставлена докладчиком с особенностями языка орхонских надписей и учтена как один из критериев для построения разрабатываемой им классификации тюркских языков.

В числе языков, сохраняющих аффиксальные *т* и *к* после сонорных согласных и гласных в некоторых частных случаях, докладчиком был назван и киргизский язык.

Действительно, несмотря на то, что в киргизском языке аффиксальные *д* и *г*, сочетаясь с сонорными, сохраняют свою характеристику по составу (оставаясь звонкими), тем не менее, небольшая группа слов отступает от этого правила. Например, встречаются:

¹ Подробнее по этому поводу см. в следующей главе (о комбинаторных изменениях согласных).

жогортон вм. *жогордон—сверху,
жыйынтык вм. *жыйындык—сборник,
мурунтук вм. *мурундук—поводок,
илгертеден вм. *илгердеден—исстари,
куугундук, куугунтук—гонение, травля

и ряд других примеров, в том числе и т ы ш к а р т ы н—снару-
жи (окостевевшая форма исходного падежа орхонских надпи-
сей).

Для объяснения этих отступлений от современных норм
языка обращает на себя внимание следующий факт.

Как общее правило, в киргизском языке в качестве полно-
ценных сонорных, сохраняющих звонкость, *л*, *р* и *н* употребле-
ются лишь в интервокальной позиции, тогда как в ряде древ-
нетюркских языков, например, в языке енисейско-орхонских
надписей, как и в отдельных случаях в киргизском языке, *л*, *р*
и *н* не оказывали влияния на озвончение последующих *т* или *к*,
поэтому и употреблялись сочетания *рт*, *нт*, *лт* вместо *рд*, *нд*,
лд и т. п.¹

Из этого следует, что в отдалённый период развития кир-
гизского языка эти согласные имели две корреляции по степе-
ни звонкости:

1) озвончались в интервокальной позиции, благодаря чему
при заимствованиях из других языков с начальными *л*, *р* для
сохранения их звонкого произношения они еще и теперь протези-
руются гласным². Ср.: *роль*, *урол*, узб. *ляйляк*→*иле*
гилек—аист, *а н* обращается в нуль в ряде говоров; ср.:
на й за=*а й за*=*а й с а*—копье;

2) в конце слова они, очевидно, произносились без работы
голосовых связок, выступая в глухой своей разновидности.

Впоследствии, в ходе развития фонетической системы, в
связи с сокращением в определенный период развития тюрк-
ских языков количества комбинаторных вариантов фонем, *л*, *н*
и *р* утратили свои комбинаторные разновидности, сохранив из
них звонкий вариант лишь в окостевевших образованиях, до-
неся до наших дней свои глухие варианты.

В качестве подтверждения того, что сонорный согласный
мог иметь в древнем киргизском языке два варианта (глухой
и звонкий), следует отметить, что и в современном киргизском
языке согласные *к*, *т*, и *п*, сочетаясь с фонемой *й*, в одних слу-

¹ По вопросу об обозначении сочетаний *лт* и *нт* в орхонских надписях
см., например, на стр. 43—44 «Памятника в честь Кюль-Тегина» П. Мелио-
ранского.

² В начале киргизских слов *р* и *л* не употреблялись.

чаях остаются глухими, а в других озвончаются. При этом, в одной группе слов без изменения смысла их возможно сочетание *й* как с глухими, так и звонкими вариантами *т* и *к*:

айдак, айтак—окрик,
айгак, айкак—тревожный крик,
бейгам, бейкам—беспечно.

В другой же группе слов наличие после *й* (при прочих равных условиях) глухих *т* и *к* или парных им звонких *д* и *г*, в силу действующих в киргизском языке норм звуко сочетаний,¹ связано с качеством предшествующего *й* и создает самостоятельное значение, что видно из нижеследующих примеров:

уйку—сон, уйгу-туйгу—сумятица.
кайкы—впадина, кайгы—печаль,
айкыр—окрикивать, айгыр—жеребец,
күйкүл—маленький, күйгүлтүк—досада,
буйта—увильнуть, буйдал—замешкаться.

5. При сочетании на слогоразделе звонких в общей массе случаев действуют такие нормы:

а) не типичны сочетания одинаковых звонких на слогоразделе. Единичные случаи типа «*т а й й а р* (в орфографии — *д а я р*)—готовый» или «*а м м а—но*» относятся за счет заимствований и составляют редкое исключение из общего правила;

б) невозможны сочетания *ң* с *й, ң, л, н*;

в) не употребляются сочетания сонорных с *й* или *ң*.

Нам известно пока только одно исключение из этого правила—слово *ч а р й а р*, имеющее и дублетную разновидность *ч а р ы я р*—один из первых четырех халифов;

г) после *р* из сонорных может следовать *м*:

бармак—палец,
арман—заветная мечта и т. д.

Значительная часть сочетаний *рм* на слогоразделе относится к заимствованным словам, факультативно также возможны *л* и *н*: *л* после *р* обычно сохраняется в аффиксе *-ла р*: *ш а а р-ла р*—города, но в других случаях обращается в *д*: *ш а а р+тык*=*ш а а рдык*—городской; в отдельных же говорах, как общее правило, возможно во всех случаях сочетание *рл* на слогоразделе. Кроме того, в междометиях также возможно сочетание *рл*: *ч и р л* и *т-ч и р л* и *т—чирик-чирик*.

¹ На слогоразделе, проходящем между согласными, могут сочетаться согласные: либо глухой с глухим, либо звонкий со звонким.

Сочетание *рн* возможно в отдельных словах, напр., а р-н о о—предназначать, ж а р н а—доля, пай и т. п.

В других случаях сочетание *рн* превращается в *рд*: о р у н—место, о р д у—его место;

д) после *й* могут следовать *р, л, м*:

айрым—отдельный,

айлануу—вертеться,

айман—прожорливый и т. п.

Сочетание же *й* с аффиксальным *н* превращается в *йд*:

сай+ны=сайды—русло ручья (вин. пад.).

В морфологически же неразложимых основах возможны сочетания *йн* на слогоразделе: а й н у у—отказаться от слова, о й н о о—играть и т.д.;

е) после *л* может следовать *м*:

алма—яблоко,

чалма—аркан для ловли лошадей.

Остальные сочетания *л* с прочими сонорными не типичны для киргизского языка;

ж) сочетания *м* с сонорными также не типичны; после *м* может только в единичных случаях следовать *р* (к ы м р а н=кымыран—кипячен. молоко с водой) или *м*; причем, сочетание *мм* встречается либо в заимствованных словах (амма—всё, все), либо возникает комбинаторно из *нм* (мен-мин чит.: меммин—я есмь я).

Примечание. Сонорные *л* и *н*, как видно из вышеизложенного, в ряде случаев имеют тенденцию к обращению в *д*, о чем более подробно будет указано в главе о комбинаторных изменениях согласных.

Слова, не укладывавшиеся в рассмотренные нормы слого-сочетаний и звуко-сочетаний, при вхождении в киргизский язык из других языков изменялись в части слогового состава путем усечения или, наоборот, введения гласного (по типу подрядчик—б а д и р е т ч и, репс—ы р а п ы с и т. п.); вместе с этим, происходили и фонетические изменения согласных, находившихся на линии слогораздела, если они не укладывались в стандартные нормы звуко-сочетаний. В этом случае, при встрече в заимствованном слове невозможных сочетаний, они либо разделялись (или дополнялись) введением между ними (или после них) гласного (О м с к превращалось в О м с к и и т. п.), либо один из согласных видоизменялся, напр., *л, н* → *д, т* и т. п. подчиняясь законам ассимиляции и диссимиляции (узб. к ө к-л э м=кирг. к ө к т ө м, где сочетания *кл* → *кт*, о чем подробнее будет указано в следующей главе); либо, наконец, изымался один из согласных (ср., например, освоение слова коммунист в первые годы после Октябрьской революции: камунус,

где двойной согласный *мм* заменялся одинарным, а сочетание *нист* в конце слова превращалось в *нус*).

Описанные нормы размещения согласных и нормы слоговых сочетаний киргизского языка относятся к словам, которые возникли до обогащения киргизского языка за счет русского. Начиная с момента присоединения Киргизии к России, в киргизский язык входят русские слова. Особенно обогащается киргизский язык за счет русского после Великой Октябрьской социалистической революции.

Благодаря устному общению между киргизами и русскими, русские слова постепенно усьязиваются применительно к их русскому произношению.

В зависимости от степени овладения этими новыми словами, наряду с видоизмененным их произношением, они уже чаще и чаще встречаются в русском оформлении.

Таким образом, ряд слов имеет еще двоякое произношение:

самоор, самовар,
үстөл, стол,
бөтөлкө, бутылка,
карындаш, карандаш,
чайнек, чайник,
картөшкө, картошка,
сандык, сундук,
бөлкө, булка.

Поэтому в киргизском языке дополнительно к описанным типам слогов возникают и некоторые новые фонемы, слоги и звукосочетания. Появились:

1) Фонемы *ф, в, х, ц, ж*. Ср.: флот, фронт, Фрунзе, совет, химия, тарых — история; освоение таких слов, как цирк и др.

2) Ломанные слоги (сочетание задних гласных с передними согласными). Слова типа Гоголь, декабрь и др.

3) Шумные звонкие согласные в конце некоторых слов только под влиянием графики: Ленинград, митинг, парад, Воронеж и др.

4) Двойные согласные в словах: коммунист, коллектив и т. п.

5) *й* в начале слова: ящик, Ялта, ёлка.

6) *р, л, г* в начале слов: роль, революция, лагерь, газета и т. п.

7) Сочетания нескольких согласных в слоге: станция, Омск, Австралия.

Комбинаторные изменения согласных

В числе комбинаторных изменений согласных в киргизском языке, помимо вопроса о слоговом строении его корнеслов, могут быть отмечены следующие:

1. Корреляция (соотношение) согласных по степени палатализации.

2. Озвончение глухих согласных при наслоении аффиксальных гласных и в словосочетаниях.

3. Диссимиляция (разуподобление) согласных.

4. Прогрессивная ассимиляция согласных.

5. Регрессивная ассимиляция согласных.

6. Метатеза согласных.

Остановимся на рассмотрении каждого из этих случаев отдельно.

Корреляция (соотношение) согласных по степени палатализации

Как уже указывалось в параграфе о слоговом сингармонизме, оттенок произношения согласных изменяется в зависимости от общего состава слова по степени палатализации.

В сочетании с передними гласными создается передний комбинаторный вариант и согласного; наоборот, в сочетании с задними гласными создается задний (твердый) комбинаторный вариант согласного. Ср.:

эт (=эть)—мясо, эл (=эль)—народ,
ат—лошадь, ал—бери,
бол—будь, бөл (=бөль)—дели.

Поскольку такая корреляция органически связана с качеством гласного, графически степени палатализации в киргизской орфографии не имеют самостоятельного обозначения: разновидности *л* и *ль*, *т* и *ть* и т. п. выражаются одной буквой *л*, *т* и т. п. Вышеприведенные примеры, следовательно, выражаются в следующем виде:

а) в лат. графике—*et* и *at*, *el* и *al*, *vol* и *vol*.

б) в русск. графике—*эт* и *ат*, *эл* и *ал*, *бөл* и *бол*.

В связи с тем, что ломаные слоги встречаются лишь в словах, вошедших в киргизский язык из русского, в новом алфавите палатальные варианты согласных отмечаются лишь в этой группе слов; в киргизском они обозначаются по тем же принципам, что и в русском языке:

а) при помощи мягкого знака (Гоголь, Горький и т. п.);

б) при помощи букв — я, е, ё, ю после согласных (Брянск, слёт, бюро и т. д.).

Графическое исключение составляли в латинизированном алфавите буквы для кь, гь, кэ, гэ.

Примеры:

атага—отцу, энеге—матери,

атка—коню, этке—мясу.

В новом алфавите, построенном на основе русской графики, буквы к, г этого исключения не составляют и служат для обозначения трех коррелянтов каждая.

Отдельные согласные киргизского языка имеют различный диапазон корреляции. Так, согласные киргизского языка в этом отношении могут быть разбиты на 4 группы:

- 1) с максимальным диапазоном корреляции: к, г, л,
- 2) с умеренной корреляцией: б, п, м, д, т, н, р, з, с,
- 3) с ограниченным диапазоном: ч, ж, (дж), ш,
- 4) с минимальным диапазоном: й, ц.

Такое соотношение степеней корреляции согласных киргизского языка несколько расходится с диапазоном корреляции согласных в других тюркских языках. В узбекских несингармонистических говорах диапазон таких колебаний стремится к нулю.

В татарском же языке, как это отметил В. Богородицкий, согласные иначе распределяются по степеням палатализации:

1. Наиболее изменяющиеся — л, р, н,
2. Средние — т, д, ш,
3. Менее изменяющиеся — губные.

Озвончение глухих согласных при наложении аффиксальных гласных и в словосочетаниях

Если в области вокализма киргизского языка принципиальным для анализа комбинаторных изменений является противопоставление различных категорий гласных по трем признакам: степени лабиализации, степени подъема и по месту образования, то в области консонантизма основное значение имеет корреляция согласных по степени глухости—звонкости, а в связи с этим, для комбинаторных изменений в области согласных имеет значение противопоставление сонорных шумным, как и в составе шумных — противопоставление глухих звонким.

На этом явлении и строится большинство комбинаторных изменений согласных, в частности и явления озвончения *к, п*.

Явление озвончения согласных при передвижении линии слогораздела сводится к тому, что *к, п*, при наложении аффиксов или при выпадении некоторых согласных основы, оказываясь в интервокальной позиции, соответственно переходят в *г, б*:

балык + *ы* = балыгы — его рыба,
өтүк + *ы* = өтүгү — его сапог,
кап + *ы* = кабы — его мешок.

В отдельных говорах между широкими гласными возможно еще и озвончение *б → Б*:

барабыз = бараБыз — мы пойдем.

Примечание 1. Оказываясь в позиции между сонорным согласным и наставляемым гласным, рассматриваемые согласные не озвончаются:

нарк + *ы* = наркы — его стоимость,
алп + *ы* = алпы — его богатырь.

Примечание 2. В односложных глагольных основах, оканчивающихся на *п*, при образовании деепричастия на *-ып*, конечный согласный основы утрачивается, а гласный удлинняется:

чап + *ып* = чаап — скача,
тап + *ып* = таап — найдя.

Особую категорию составляют междометия и подражательные слова: в них конечный согласный не озвончается.

Примеры:

бак + *ылдоо* = бакылдоо — кричать,
лык + *ылдоо* = лыкылдоо — кишеть,
лып + *ылдоо* = лыпылдоо — мчаться,
лөк + *ылдоо* = лөкүлдөө — набрасываться с руганью,
дек + *ылдоо* = декилдөө — стучать (о сердце).

Такое же явление обнаруживается и в отдельных глагольных основах (напр., *т о к у — ткать*), как и тенденция в произношении сохранить глухой согласный в новых словах, при наложении аффиксальных гласных.

Хотя и пишут: *тип + ы = тиби* — его тип,

ток + ы = тогу — его ток,

но лица, хорошо знакомые с русским языком, могут произносить *ти пи* и т. д.

Озвончение согласных возможно и в середине слова в отдельных случаях: а) при протезировании гласного (напр., *ж а п ш ы р у у* и *ж а б ы ш т ы р у у* — приклеивать);

б) в отдельных словах, при наличии сонорного перед коррелянтом:

дөңкөлөк, дөңгөлөк—колесо,
кыйкас, кыйгас—сплошь и т. п.

Озвончение согласных в смежных словах

Изменения согласных при сочетании слов относятся, в свою очередь, к частным случаям явлений прогрессивной и регрессивной ассимиляции.

1. Явления прогрессивной ассимиляции по признаку звонкости сводятся к следующему: начальные *к, б*, озвончаются, если предшествующее слово кончается на гласный или сонорный согласный, причем *к*→*г*, *б*→*б*:

мага кел произн. мага гел (приходи ко мне),
мага бер » мага Бер (дай мне),
мага кайт » мага гайт (вернись ко мне),
Асан кайтты » Асан гайтты (Асан вернулся) и т. п.

2. Явления регрессивной ассимиляции в этом случае таковы: конечный согласный *п, к, б*, предшествуемый гласным, перед гласным или *л, м, н, ң, р, з* последующего слова озвончается, превращаясь в согласный с неполной смычкой:

таап алды произн. тааБалды (нашел),
жүк артты » жүг артты (навыучил выюк),
так айтты » таг айтты (четко сказал),
ак нан » аг нан (белый хлеб),
күздүк зыгыр » күздүг зыгыр (осенний лён) и т. п.

Диссимиляция и ассимиляция (разуподобление и уподобление)

Явление диссимиляции можно иллюстрировать на примерах изменения аффиксальных *л* и *н*.

Аффиксальные *л* и *н* после звонких, за исключением *й* и *р*, согласных переходят в *д*. Для примера возьмем сочетания аффиксов *-лар* (мн. числа) и *-ны* (вин. падежа):

айыл+лар=айылдар—аулы,
клуб+лар=клубдар—клубы,
айыл+ны=айылды—аул (в вин. пад.),
клуб+ны=клубду—клуб (в вин. пад.).

Что же касается сочетаний аффиксальных *л* и *н* с конечными *й* или *р*, то в этом случае действуют следующие законы:

1) После конечных *р* или *й* аффиксальный *н* переходит в *д*:

шаар+ны=шаарды—город (вин. падеж),
сай+ны=сайды—ручей (вин. пад) и т. п.¹

2) После конечного *й* аффиксальный *л* остается без изменений:

сай+лар=сайлар—ручьи,
бай+лык=байлык—богатство.

3) После конечного *р* аффиксальный *л* в аффиксе мн. ч. -л ар остается без изменений:

шаар+лар=шаарлар—города.

В остальных аффиксах переходит в *д* (по нормам орфографии):

шаар+лык=шаардык—городской, горожанин,
даяр+ла=даярда—готовь и т. п.

В отдельных говорах (Иссык-Куль) *л* после *р* может не изменяться.

Исторически в основе перехода *л* в *д* или *н* в *д* лежит, конечно, закон диссимиляции согласных, ибо *а й ы л + л ар* дает *а й ы л д ар* (аффиксальный *л* диссимилируется, оказываясь рядом с *л* основы); точно так же и в слове *м о л д о*—грамотный² (происходящем из *мулла*); также и в *к у н + ны = к у н д у*—день (в вин. пад.), где *н* диссимилируется. До введения правил орфографии 1938 г. официально, а фактически — несколько раньше, в киргизской орфографии действовал иной закон: *л* и *н* изменились соответствующим образом после сонорных *л, м, н, ң*, шумного *з* и частично *й, р*. Что же касается прочих звонких (*б, д, ж, г, в*), то они в конце слова вообще не употреблялись и заменялись соответствующими глухими; таким образом, современное *к л у б д ар*—клубы выражалось тогда в виде *к л у п т ар*, а еще раньше—*к у л у п т ар*.

В качестве второго примера диссимиляции согласных следует отметить факультативное для киргизского языка явление перехода *ч* в проточный *ш* перед *т, к, ч*:

кач+ты произн. кашты—он убежал,
жыгач+чы » жыгашчы—плотник,
чашке, шашке—чашка.

Прогрессивная ассимиляция согласных (в а ф ф и к с а х)

1. К числу явлений прогрессивной ассимиляции согласных в аффиксах, отмеченных еще В. Радловым для киргизского,

¹ Однако в основах сочетание *йн* вполне закономерно: *т ы й ы н ы ~ т ы й н ы*—его копейка.

² Оно часто встречается в собственных именах. Ср.: *Тоголок Молдо*.

казахского и некоторых других языков¹, относится второй вариант изменений *л* и *н*, заключающийся в переходе их в *т* после глухих согласных.

Например:

таш + лар = таштар — камни,
таш + ны = ташты — камень (вин. пад.).

Явление это связано с диссимиляцией *л*, *н* после звонких: они, диссимилируясь, переходят в *д*, а *д*, в свою очередь, уже после глухих согласных, ассимилируясь с ними по признаку глухости, переходит в *т*, т. е. по схеме:

$$\begin{matrix} л \\ > \\ н \end{matrix} \rightarrow д \rightarrow т$$

2. Аффиксальные *д*, *г*, *б*, как и *л* или *н*, сочетаясь с конечными глухими согласными, также заглушаются:

$д \rightarrow т; г \rightarrow к; б \rightarrow н; л, н \rightarrow т.$

Примеры:

таш + да = ташта — на камне,
таш + га = ташка — к камню,
таш + бы = ташпы — камень ли,
таш + лар = таштар — камни,
таш + ны = ташты — камень (вин. пад.).

Примечание. Аффиксальный *г* имеет четыре корреляции: две по степени палатализации и две по степени звонкости: *г*, *зб*, *к*, *кб*.

Корреляция по степени палатализации определяется качеством гласного последнего слога основы:

эне + га = энеге — матери, к матери;
эл + га = элге — народу, к народу;
Гоголь + га = Гоголго — Гоголю.

Корреляция по степени звонкости определяется степенью звонкости конечного согласного основы:

ат + га = атка — коню, к коню,
ит + га = итке — собаке, к собаке.

Аффиксы киргизского языка по начальным согласным могут быть приведены к 10 типам исходных форм:

¹ В. Радлов. «Фонетика», § 347, а также гл. XII—XIII.

1. По начальному *г* (с разновидностью *к*), напр.: *-га* (дат.-напр. падеж), *-га н* (глагол. форма), *-галы* (желательная форма) и др.

2. По начальному *ч*; напр., агентивный аффикс *-чы* (*жыгаччы*—столяр, плотник), *-чыл* (*ленинчил*—ленинец) и т. п.

3. По начальному *с*: напр., *-сы* (прит. аф. III лица): *ата-сы*—его отец.

4. По начальному *д*, напр., местн. пад. *-да* (*шарда*—в городе, *ташта*—на камне) с разновидностью *-та* (после глухих согласных).

5. По начальным *п, г, к* в дисингармонизованных аффиксах. Ср.: *оюнпоз*—игрок, *соодагер*—торговец, *айыпкер*—виновный, ответчик.

6. По начальному *б*, с разновидностью *п*: *жазганбы?*—писал ли? *атпы?*—лошадь ли?

7. По начальному *н* с разновидностями *д* и *т*; напр.: *атаны*—отца (вин. пад.), *малды*—скот (вин. пад.), *ташты*—камень (вин. пад.).

8. По начальному *л*, с разновидностями *д* и *т*, напр., *аталар*—отцы, *айылдар*—айылы, *таштар*—камни.

9. По начальному *м*: *баламын*—я ребенок.

10. По начальному *р*: *иште+р=иштер*—может быть, будет работать.

Из этих десяти групп аффиксов изменениям по составу подвергаются аффиксы, начинающиеся на *г, б, д, л, н*. Остальные же, различаясь по степени палатализации, комбинаторных вариантов по составу согласных не имеют.

Изменение аффиксальных *г* в дисингармонизованном аффиксе *-гер* идет только по признаку глухости (*гер, кер*).

Аффиксальные *л, н, д, б, г* изменяются следующим образом:

Аффиксальные	л н д б г
1. После гласных	л н д б г
2. После звонких согласных, кроме <i>р, й</i>	д д д б г
3. После <i>р</i>	л, д д д б г
4. После <i>й</i>	л д д б г
5. После глухих согласных	т т т п к

Таким образом, в аффиксах бывают такие изменения согласных фонем:

л—д—т, н—д—т, д—т, б—п, г—к.

В связи с изменениями согласных и гласных, каждый из аффиксов киргизского языка (за исключением десингармонизованных) имеет 4—12 комбинаторных вариантов, если в состав аффикса входят гласные.

1. К двенадцативариантным относятся аффиксы, начинающиеся на л или н, если после них не следует долгие лабиализованные гласные уу, үү. Примерами двенадцативариантных аффиксов могут служить такие:

а) -лар, -лер, -лор, -лөр, -дар, -дер, -дор, -дөр, -тар, -тер, -тор, -төр — для образования множ. числа;

б) -нын, -нин, -нун, -нүн, -дын, -дин, -дун, -дүн, -тын, -тин, -тун, -түн — для образования формы падежа принадлежности;

в) -ны, -ни, -ну, -нү, -ды, -ди, -ду, -дү, -ты, -ти, -ту, -тү — для образования формы винит. падежа;

г) -ныкы, -ники, -нуку, -нүкү, -дыкы, -дики, -дуку, -дүкү, -тыкы, -тики, -туку, -түкү — для образования категории утверждаемой принадлежности;

д) -лык, -лик, -лук, -лүк, -дык, -дик, -дук, -дүк, -тык, -тик, -тук, -түк — для образования отвлеч. имен, признака обладания и некотор. прилагательных.

2. К восьмивариантным относятся аффиксы, начинающиеся на г, д, б, например:

а) -га, -ге, -го, -гө, -ка, -ке, -ко, -кө—аффикс дательного направительного падежа;

б) -да, -де, -до, -дө, -та, -те, -то, -тө — аффикс местного падежа;

в) -дан, -ден, -дон, -дөн, -тан, -тен, -тон, -төн—аффикс исходного падежа;

г) -бы, -би, -бу, -бү, -пы, -пи, -пу, -пү — вопросительн. аффикс;

д) -ба, -бе, -бо, -бө, -па, -пе, -по, -пө — прилагольн. аффикс отрицания;

е) -быз, -биз, -буз, -бүз, -пыз, -пиз, -пуз, -пүз — предикативный аффикс I л. мн. числа.

3. К шестивариантным относится один аффикс для образования прилагательных: -луу, -лүү, -дуу, -дүү, -туу, -түү.

4. К четырехвариантным аффиксам относятся такие, которые либо начинаются на ч, с, м, либо состоят или начинаются на краткий гласный, например:

а) -ч ы, -ч и, -ч у, -ч ү—агентивный аффикс,

б) -с ы з, -с и з, -с у з, -с ү з (в двух значениях):

для образования отрицательных прилагательных и предикативный аффикс второго лица мн. ч.

в) -м ы н, -м и н, -м у н, -м ү н — предикативный аффикс I л. ед. ч.

г) -с ы н, -с и н, -с у н, -с ү н — предикативный аффикс II л. ед. ч.

д) -ар, -ер, -ор, -өр—глагольный аффикс,

е) -ы, -и, -у, -ү или -с ы, -с и, -с у, -с ү — притяжательный аффикс III лица.

5. К двухвариантным относятся десингармонизованный аффикс -г е р, -к е р (напр., с о о д а г е р—торговец, а й ы п к е р—виновный), а также аффиксы -у у и -о о — для образования инфинитива (б а р у у—идти, б е р ү ү—давать, б а ш т о о—начинать, и ш т ө ө—делать) или -о о, -ө ө—для образования собирательных числительных: а л т о о—шестеро, э к ө ө—двое, вдвоем и т. п.

Прогрессивная ассимиляция согласных в смежных словах

В начале слова (под влиянием окончаний предшествующих слов) действуют такие нормы, орфографически не отражаемые.¹

1) б под влиянием предшествующего глухого согласного (в конце предыдущего члена синтаксического сочетания) соответственно заглушается:

кап бар произн. кап пар—есть мешок,

чач басты » чач (чаш) пасты—оброс волосами;

2) б под влиянием предшествующих гласных переходит в Б:

мага бер произн. маа Бер—дай мне;

3) ж (џ) под влиянием предшествующего гласного переходит в й:

б а л а с ы ж е т и ж а ш т а произн. б а л а с ы й е т и й а ш т а — его ребенку семь лет и т. д.²;

4) к под влиянием предшествующего гласного или звонкого согласного озвончается:

¹ Явления эти, следовательно, относятся уже к области орфоэпии.

² Колебания й—ж (дж) в джокающих языках довольно обычны. Как отмечал С. Е. Малов, в каракалпакском языке звук й встречается чаще перед а; звук же дж — чаще перед узкими гласными (С. Е. Малов. Каракалпакский язык и его изучение. Каракалпакия. «Тр. 1-й конференции по изучению производительных сил Каракалпакской АССР», т. II, Л., 1934, стр. 202).

эки кызы бар произн. эки кызы Бар—у него (есть) две дочери,
таза кагаз » таза гагаз—чистая бумага,
сай кашка » сайгашка—передовой человек.

Регрессивная ассимиляция согласных

В соответствии с явлениями, отмеченными В. Радловым¹, в киргизском языке в основах, сочетающихся с аффиксами, регрессивная ассимиляция согласных выражается в следующем:

1. Конечный *з*, сочетаясь с глухими согласными аффиксов, заглушается:

кыз + ча произн. кысча—по-девичьи.

2. Конечный *ч*, сочетаясь с аффиксальными глухими проточными, переходит в *ш*:

өркөчтөнүү произн. өркөштөнүү—сгорбиться,

кач + ты » кашты—он убежал,

жыгач + чы » жыгашчы—плотник и т. п.

В отдельных словах *ч* под влиянием *ш* может ассимилироваться: ч а ш к а—ш а ш к е.

3. Конечный *ш* перед *с* переходит в *с* (полная ассимиляция):

түшсүн произн. түссүн—пусть слезет.

4. Конечный *н* перед губными *м* или *б* лабиализуется и переходит в *м*:

канбы произн. камбы—кровь ли?

менмин » меммин—я емъ я.

5. Конечный *н* перед *г* переходит в *г*:

районго произн. райоңго—в район,

нанга=наңга—к хлебу,

төмөн—низ, төмөңкү — нижний.

6. В основах, под влиянием последующих носовых, *б*, *п*, *н*, назализуясь, переходят в *м*:

бу + нын = мунун—этого (род. пад),

жап + ын + уу = жамынуу—закрываться, укрываться,

теп + ын + уу = теминауу—ударяться (ногой),

тапан = таман—подошва,

перс. панжа = кирг. манжа—пятерня,

кыпын, кымын—частица, пылинка,

чыбын, чымын—муха,

бурун, мурун—раньше,

сеп + ын = семин—посыпаться, брызгаться.

¹ В. Радлов. «Фонетика», § 387 и далее.

Явления регрессивной ассимиляции согласных в смежных словах повторяют принципы сочетания согласных с аффиксами и сводятся к следующему:

1. Конечный *з* перед глухими согласными *ш, с, т, ч* заглушается: *кыз чыкты* произн. *кыс чыкты*—девушка вышла.

2. Конечный *ч* перед *ш, с, т, ч* переходит в *ш*: *үч шарт* произн. *үш шарт* — три условия, *үч таш* = *үш таш*—три камня.

3) Конечный *н* перед губными *м, б* переходит в *м* (лабиализуется);

мен майыпмын произн. мем майыпмын—я калека,

Алман Бет→Алмамбет (собств. имя одного из героев эпоса Манас).¹

Асан бекен? произн. Асамбекен—Асан ли?

4. Конечный *н* перед *г, к* переходит в *ң*:

бүгүн келди произн. *бүгүң гелди*—сегодня пришел (приехал),

Асан кайтты произн. *Асан ңайтты*—Асан вернулся и т. п.

Метатеза (перестановка)

В качестве комбинаторных изменений согласных, касающихся их взаиморасположения, следует отметить ряд факультативных случаев метатезы.

Например:

мыкчуу, мычкуу—мять, тискать,
макалай, малакай—малахай (одежда),
темирген, тегирмен—мельница,
жадатуу, тажатуу—надоедать,
кыйлануу, кыйналуу—мучиться,
күнөм, күмөн—сомнение,
жыңалайак, жыңайлак—босиком,
орондоо, онурандоо—набрасываться с бранью,
депкир = текбир—величание и т. п.

¹ Этимологизированная форма этого слова строго соблюдена В. Ратловым в V томе его «Образцов нар. литературы сев. тюркских племен», где он всюду писал *Алманбет*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По представлению некоторых ученых, тюркские языки относились к урало-алтайскому языковому семейству. Оно объединяло угро-финские, самодийские, маньчжуро-тунгусские, монгольские и тюркские языки.

В качестве основного довода, говорившего о родстве рассматриваемых языков и позволявшего объединять их в одно семейство, учитывались явления агглютинации и, в отдельных случаях, явления сингармонизма гласных, наряду с некоторым единством лексического запаса.

Наличие таких признаков впоследствии оказалось недостаточным для объединения этих языков в одну семью, так как явления агглютинации обнаруживаются в языках различных семей, а явления сингармонизма не есть достояние всех сочленов данного семейства. В ходе развития самого урало-алтайского языкознания отпал вопрос об объединении в одну систему языков угро-финских и самодийских, с одной стороны, с языками алтайскими, с другой. Алтайские (маньчжуро-тунгусские, монгольские, тюркские) языки стали объектом самостоятельного изучения.

Языковые черты вырабатываются путем разрастания некоторой общей основы (для родственных языков), развития явлений, типичных для каждого из языков, и заимствования из других, что является отображением экономических отношений, имевших место в истории народов. Наличие общих черт в алтайских языках должно рассматриваться как продукт расширения единой системы, выделения из нее родственных языков и как результат временных стыков в истории коллективов-предшественников носителей рассматриваемых языков. Эти временные стыки нашли свое отражение в лексике, повторяющейся в отдельных группах алтайских языков. Можно выделить, с одной стороны, группу корнеслов, прослеживаемых лишь в общей массе тюркских языков. С другой стороны, в тюркских языках обнаруживаются и корнеслова, общие для

тюркских и монгольских языков. Более позднее явление составляют арабизмы и фарсизмы. И, наконец, имеются слова, вошедшие в тюркские языки, распространенные на территории Советского Союза, из русского языка или через его посредство.

Рассматривая тюрко-монгольские лексические элементы, нашедшие свое отражение в эпосе тюркских и монгольских народов, можно убедиться, что они не представляют собой параллельно существующих с «тюркскими» элементами лексических единиц, а являются лишь хронологическим напластованием, которое только впоследствии стало неотрывной составной частью рассматриваемых языков.

В своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс указывая о языках американских индейцев: «...новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось и теперь»¹. И далее: «На примере североамериканских индейцев мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному материку; как племена, расчлняясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только взаимно непонятными, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства; как наряду с этим внутри племен отдельные роды расчлняются на несколько родов, а старые материнские роды сохраняются в виде фратрий, причем, однако, названия этих старейших родов остаются все же одинаковыми у отдаленных друг от друга территориально и давно отделившихся племен—«Волк» и «Медведь» являются еще родовыми названиями у большинства всех индейских племен».²

Это положение относится и к характеристике одного из процессов образования тюркских наречий или языков, как и образования этнических групп в составе тюркоязычных народностей и национальных коллективов (ср. наличие родового названия «катаган» у узбеков и киргизов, род-фамилию «кыргыс» у тувинцев и т. п.).

Вместе с этим, в ходе развития тюркских языков действовали и такие процессы, которые были отмечены К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии»: «...в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, изд. второе, стр. 93.

² Там же, стр. 97.

германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией»¹.

Как уже указывалось, киргизский язык по своим фонетическим, лексическим и грамматическим особенностям относится к числу тюркских языков, в составе которых выделяется несколько групп.

Различия внутри тюркских языков были подмечены еще восточными филологами средних веков, а европейскими учеными (уже начиная с первой половины прошлого столетия) учитывались при построении классификации тюркских языков.

Из восточных филологов, отмечавших регулярное чередование звуков в различных тюркских языках, т. е. явления, на которых базируется современная классификация этих языков, следует назвать Махмуда Кашгарского, разработавшего в XI в. свой труд «Диван лугат ат-тюрк», представляющий собой сравнительный словарь и первый опыт сравнительной грамматики.

Махмуд Кашгарский в своем «Диване» («Сборнике») отметил, между прочим, такие явления, как сохранение или утрата аффиксального «г» в двух видах аффиксов: «-ган» и «-ан» (т. I, стр. 35), различные варианты личного местоимения «я»: *мен* и *бен* (в связи с вопросом о назализации *б*; т. I, стр. 384), озвончение начального «т» (*теве* и *деве*—холм; т. II, стр. 154), явления сингармонизма и ряд других фактов.

В XIV в. Джалал уд-Дин ибн Муханна в своем «Таржуман фарсий ва тюркий, ва монголий» отмечал чередования: *б—м*, *т—д* в начале слова, *д—т—й*, *ф—п*, *к*, *г—х*, появление долгот из «г» (*бугдай* > *буудай*—пшеница), заглушение конечных «г», «д» в части языков и другие явления.

В XIX в. свои классификации тюркских языков предложили Абель Ремюза, Березин, Август Мюллер и др. Широкое распространение получили классификации В. Радлова и Ф. Корша.

В. Радлов относил киргизский язык к западной группе (вместе с казахским, башкирским, татарским и др.). Ф. Корш объединил в одну группу в своей классификации киргизский

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Немецкая идеология», Соч., т. 3, стр. 427.

язык почти с теми же языками¹. В процессе дальнейшего изучения материала А. Н. Самойлович предложил комбинированную шестичленную классификацию². Киргизский язык отнесен в ней к северо-западной (кыпчакской) группе, как и казахский, татарский, башкирский, алтайский, телеутский, ногайский, кумыкский, карачаевский, балкарский и др.

Соответствующее место занял киргизский язык и в классификациях, разработанных в различное время Н. Аристовым, В. А. Богородицким, С. Е. Маловым, Н. А. Баскаковым.³

А. Н. Самойлович в своей классификации отразил следующие признаки:

г—к—х, а—у, р—з (кирг. *тогуз*, уйг. *токкуз*, чув. *тохар*—девять), -аг — -ау, -ыг—-ы, бол—ол, -ган—-ан.

Исходя из этих признаков, каждая группа тюркских языков была охарактеризована следующим образом:

Г р у п п ы	П р и з н а к и
1. Юго-западная (огузская, туркменская)	<i>догуз</i> — аяк — даг — сары — ол — калан
2. Юго-восточная (чагатайская)	<i>токкуз</i> — аяк — таг — <i>сериг</i> — бол — калган ⁴
3. Северо-западная (кыпчакская)	<i>тогуз</i> — аяк — тау — сары — бол — калган
4. Северо-восточная (сибирская, уйгурская)	<i>тогуз</i> — адак — таг — сарыг — пол — калган
5. Чувашская (булгарская)	<i>тохар</i> — ура — ту — сары—пул—йулка
6. Средняя (кыпчакотуркменская)	<i>токуз (докуз)</i> — аяк — таг — сары — бол — калган

¹ См.: Ф. Корш. Классификация турецких племен по языкам. «Этнографическое обозрение», 1910, кн. 84—85.

² А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Изд. ЛИЖВЯ, Л., 1922.

³ См.: Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», СПб., 1893, вып. 3 и 4; В. А. Богородицкий. Введение в тюрко-татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934.

С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Изд. АН СССР, 1961. Н. А. Баскаков. Тюркские языки. ИВЛ, М., 1960. Б. А. Серебрянников. К проблеме классификации тюркских языков. «Вопросы языкознания», 1961, № 4.

⁴ Примеры взяты из уйгурского языка.

Примечание 1. Помимо указанных классификационных признаков, в составе юго-западной группы тюркских языков можно отметить еще следующие дополнительные изоглоссы:

1. Озвончение начальных «т» или «к»; например, кирг. *тил*, турецк., туркм. *дил*—язык; киргиз. *көр*, туркм. *гөр*—смотри, что условно отмечено на примере слова *даг* (*таг*).

2. Наличие древнетюркских долгих гласных: ср. туркм. «*ат*—лошадь» и «*аат*» (*аад*) — имя».

3. Употребление аффикса «-джак» или «-аджак» для обозначения будущего категорического времени (ср. туркм. «*геледжек*» — он придет» и кирг. «*келет*»).

4. Два типа склонения: сохранение древнего состава аффиксов родительного и винительного падежей, а именно: после согласных для род. «-иң» и вин. «-ы», а после гласных «-нынң», «-ны». Например: турецк. *атын башы* — голова лошади, *атанын баласы* — ребенок отца и т. п.

Примечание II. В юго-восточной группе в качестве сравнительно часто повторяющейся фонетической черты во вторых закрытых слогах двухсложных корней вместо ожидаемого «*i*», обнаруживается «*y*»: вм. узб. «*хотін*», «*хотун*» — женщина, *алтін* > *алтун* — золото и т. д.

«Вместе с этим, «*y*» и «*и*» конвергировались в этой группе в «*i*» (индифферентн.), как в ряде диалектов совпали некоторые гласные (*y*, *ү*, *о*, *ө*).

Примечание III. В составе северо-западной группы можно отметить еще такие изоглоссы, выходящие за пределы этой группы.

1. Чередование *ш* — *с*: кирг. *таш*, каз. *тас* — камень. Подобно этому, тюркские языки могут быть размещены по двум группам — свистящей и шипящей. Представителями шипящей группы являются, например, языки юго-западного типа (азербайджанский, туркменский), юго-восточного (напр. узбекский), а из северо-западного — киргизский и алтайский, тогда как казахский и башкирский языки относятся к свистящей подгруппе.

2. Чередование *ч* — *ш*, *ц* — *ч*, благодаря чему намечаются такие группировки:

а) чекающие (напр., киргизский, узбекский, туркменский) языки;

б) шекающие (как казахский язык);

в) цекающие (как мещерский диалект, язык тобольских татар, барабинский диалект и древнебашкирский язык, тогда как современный башкирский вместо «ц» имеет уже «с»).

¹ Примеры взяты из уйгурского языка.

Примеры: кирг. ач — голодный, каз. аш, барабинск. ац, современ. башкирск. ас.

3. Чередование *с—h*, вследствие чего в составе тюркских языков можно выделить две подгруппы: сибилантную (с большинством представителей тюркских языков) и спилантную. Например, киргизскому «*атасы*—его отец» соответствует башкирское «*атаһы*», киргизскому «*кызы*—его дочь» соответствует якутское «*кыһа*» и т. д.

4. Чередование *й—дж—ж*. В составе тюркских языков можно выделить шесть подгрупп:

а) группу йокающих языков, как туркменский, азербайджанский, ряд диалектов узбекского языка, ряд диалектов татарского и некоторые другие (*йол* или в татарском *йул*—путь);

б) джокающую группу в составе киргизского языка и некоторых других («*джол*»);

в) дёкающую, в составе алтайского языка (*дёл*);

г) жокающую, напр., в составе казахского и каракалпакского языков («*жол*»);

д) чокающую (как, напр., в тувинском «*чок*—нет»);

е) сокающую, как в якутском («*суол*»).

5. Чередование конечных *-аг*, *-ау*, *-оω¹* и *-оо*, *-уу*: уйг. *таг*, узб. *тог*; каз., татарск. *тау*, кирг. таласск. диалект *тоω*, лит. кирг. *тоо*, алтайск. *туу*—гора. Таким образом, в таблице классификации признак «*тау*» условно обозначает и такие разновидности, как «*тоω*», «*тоо*», «*туу*» (с отражением заместительных долгот).

6. Наличие или отсутствие согласных спилантов «*в*» и «*х*», которые, например, не встречались в дооктябрьском лексическом пласте северных диалектов киргизского языка, но имелись в казахском языке.

По совокупности фонетических, морфологических и лексических признаков в составе кыпчакской группы можно выделить такие подгруппы современных языков:

а) татарско-башкирскую;

б) казахско-каракалпакскую;

в) ногайскую, с включением кумыкского, и карачаевского языков и некоторых диалектов узбекского языка;

г) киргизско-алтайскую.

Примечание IV. В составе северо-восточной группы тюркских языков выделяется по прослеживаемым изоглоссам три подгруппы:

1. Подгруппа «*т*» в составе якутского языка, где «*й*» меж-

ду гласными и в конце слова дает «т», а именно *аяк||атак*. Что касается признака «таг», то в этом отношении в якутском языке «таг» > «тыа» с происшедшим сдвигом в значении самого слова «гора» > «лес».

2. Подгруппа «д» в составе живого тувинского, карагаского, саларского, а также мертвых орхонского и древнеуйгурского языков (в части некоторых памятников). Характеризуется она признаком *адак* — нога.

3. Подгруппа «з»: хакасский, шорский (некоторые диалекты), сарыг-уйгурский, кумасинский, кюзрицкий, кумандинский, койбальский с закономерным *й||з*; а именно: *аяк||азак*.

Примечание V. В составе чувашской или болгарской группы, помимо ротацизмов (вместо «й» в середине слова — «р», при изменении «а» > «у» в определенных позициях, благодаря чему *аяк||ура*, или *з||р*: *тогуз||тохар*), чувашскому языку принадлежит еще один признак: в ряде определенных слов соответствие звука «л» звуку «ш» или «с» прочих тюркских языков; например, киргизскому «*кыш*—зима» соответствует чувашское «*хэл*», киргизск. «*таш*—камень», казахскому «*тас*» соответствует чувашское «*чул*» и т. п.

Киргизский язык в распространенной системе классификации тюркских языков относится к северо-западной или кыпчакской группе, объединяющей в своем составе языки с различными фонетическими особенностями. Внутри нее имеется ряд отличий, позволяющих отметить дополнительные классификационные признаки для составляющих подгрупп и отдельных языков:

1. Киргизский язык сохраняет «с», «з» и «ш»; отсутствовал сибилант «ж». Спиранты представлены были в дооктябрьской лексике лишь одной фонемой (й), имевшей ограниченное позиционное размещение в слове, а именно: «й» мог употребляться, как правило, в интервокальной позиции и в конце слова или слога, а в абсолютном начале слова превращался в аффрикату «дж».

2. В дооктябрьской лексике в значительной части киргизских диалектов не встречались такие спиранты, как «в», «ф», «х», поэтому, уйг. *ава*, узб. «*һаво*—погода» > кирг. > «*аба*»; узб., уйг. «*яхши*—хороший» > кирг. «*жакшы*» (джакшы).

3. В отличие от башкирского языка, в киргизском языке сибилант «с» в аффиксах не спирантизуется: кирг. *атасы*—его отец=башкирск. *атаһы*.

4. Киргизский язык является представителем шипящей подгруппы, тогда как казахский и каракалпакский относятся к

свистящей подгруппе. Например: кирг., татарск. «*таш*—камен»=каз., каракалп. «*тас*».

5. Киргизский язык является представителем джокающей подгруппы, тогда как казахский и каракалпакский относятся к жокающей, татарские диалекты — к йокающей подгруппе, а алтайский язык — к дёкающей. Киргизское «*жол* (*джол*)—дорога, путь»=каз. *жол*=алт. *дёл*.

6. По корреляции согласных по степени звонкости в составе тюркских языков могут быть выделены такие группы (по убывающим ступеням):

а) языки, имеющие три ступени озвончения согласных: «*кк*», «*гг*» «*йй*». Напр.: турецкое «*гелдийи*=гел+ди+к+и — его приход»;

б) языки с двумя ступенями озвончения «*п*», «*кк*», «*т*», как турецкий и алтайский, например: турецк., алт. «*ат*—имя», «*ады*—его имя»;

в) языки с двумя ступенями озвончения «*п*» и «*кк*», но не «*т*»; например, киргизский, казахский и другие. Ср. киргизск., *китеп*+*ы*=*китеби* — его книга, «*чык*+*ыш*=*чыгыш* — выход», но «*ат*+*ы*=*аты*—его имя»;

г) языки, в которых происходит озвончение указанных согласных только в именных основах, а в глагольных уже утрачено, как, например, в уйгурском: «*чик*+*иш*=*чикиш*—выход», но «*кан*+*и*=*кави*—его мешок»;

д) языки без озвончения указанных согласных в односложных корнях, что имеется в чагатайских диалектах узбекского языка. Напр., «*ток*+*и*=*токи* (а не *тоги*) — его виноградник».

Киргизский язык в этой схеме занимает место в группе «в». Алтайский же, сравнительно с другими языками, отличается еще озвончением *ш*: «*таш*+*ы*=*тажы*—его камень».

7. Киргизский язык вместе с алтайским и казахским характеризуются широко распространенным явлением ассимиляции и диссимиляции согласных «*л*» и «*н*», тогда как в татарском языке это явление значительно уже; напр., татарск. «*ташлар*»=кирг. *таштар*—камни, *ташты*—камень (вин. пад.).

В киргизском языке, как и в алтайском, «*л*» после «*н*» не назализуется.

8. В области вокализма киргизского литературного языка следует отметить следующие отличия:

а) наличие восьми кратких и шести долгих гласных, в которых принципиальным для определения изменений гласных в аффиксах является противопоставление широких — узким, лабиализованных — нелабиализованным, передних — задним, тогда как в татарском, казахском и каракалпакском языках имеется девятый краткий гласный «*ә*», и принципиальным яв-

ляется противопоставление передних—задним, лабиализованных — нелабиализованным.¹

Значительная часть аффиксов киргизского языка может иметь по гласным 4 разновидности. Напр., аф. мн. ч. *-лар*: *-лар*, *-лер*, *-лор*, *-лөр*; аф. вин. пад. *-ны*, *-ни*, *-ну*, *-нү*, тогда как в казахском по две разновидности: *-лар*, *-лер*, или *-ны*, *-ни* (изменения согласных *л, н > д, т* здесь в расчет не принимаются).

а) Вместе с алтайским языком, в киргизском лабиализуются широкие гласные под влиянием предшествующего губного «о» или «ө», тогда как в ряде других языков северо-западной группы это явление не наблюдается.

Примеры: кирг., алт. *кол + га = колго*, каз. «*колга*—рука в руку»; кирг., алт. *көл + га = көлгө*, каз. «*көлге*—в озеро, к озеру.

б) По степени лабиализации узких аффиксальных гласных киргизский язык с алтайским не могут быть отнесены к одной подгруппе: алтайский язык в этом отношении стоит ближе к казахскому и каракалпакскому: кирг. «*көрдү*—он видел» = алт., каз. «*көрди*». Вместе с этим, в киргизском языке после «ү» широкие гласные лабиализуются, тогда как это явление в других языках рассматриваемой группы в их письменном оформлении не отражается (хотя в отдельных диалектах и встречается): кирг. *күн + да = күндө*—днем = алт., каз. «*күнде*».

в) В киргизском и алтайском языках под влиянием состава предшествующего слога во вторых и последующих их слогах могут употребляться губные гласные, тогда как в казахском, каракалпакском и некоторых других языках в двухсложных корнесловах, при наличии губного гласного в первом слоге, губные гласные во втором слоге не употребляются.

Все отмеченные признаки киргизского языка сравнительно с казахским и алтайским, условно могут быть переданы на примерах нижеследующих слов:

киргизск.	<i>таш—джол — аты — ташы — тоо — көлдөр — түлкүлөр</i>
алтайск.	<i>таш — дёл — ады — тажы — туу — көлдөр — түлкүлөр</i>
казахск.	<i>тас — жол — аты — тасы — тау — көлдер — түлкилер</i>
значение слов	камень — путь — его имя — его камень — го- ра — в озере — лисицы

¹ В южных говорах киргизского языка есть фонема «э»,

По классификации Н. А. Баскакова киргизский язык причислен к киргизско-кыпчакской группе. В первом тысячелетии н. э. наиболее близкими были предки киргизского и тувинского языков, относящихся теперь к разным группам.

С. Е. Малов, подходя к оценке ряда явлений тюркских языков с исторической точки зрения, выделил в их составе древнейшие, древние, новые и новейшие языки. К новейшим отнесен киргизский язык, однако в нем имеется немало и архаичных черт¹.

Фонетическая система киргизского и других языков сочетает в себе взаимодополняющие друг друга и составляющие единство элементы нескольких эпох.

Из наиболее архаичных черт в нем можно назвать:

1. Сохранение восьми гласных.
2. Ограниченное употребление спирантов.
3. Сингармонизм слога.
4. Лингвально-сингармонистическое чередование гласных в соседних слогах.
5. Назализация «б» и др.

Сравнение фактов современного и древнего киргизского языков (по памятникам енисейской письменности) наводит на мысль о том, что переход *й->дж*-, явления ассимиляции и-диссимиляции согласных возникли позже, чем первая группа признаков, видимо,— в конце первого тысячелетия н. э., накануне того, как предки киргизов оторвались от предков тувинцев и хакасов. Несколько позже стало развиваться явление лабиализации широких гласных, не представленное в тувинском языке, но отражающееся в алтайском.

Одновременно с этим начался процесс дифтонгизации «аг», завершившийся в ряде говоров превращением этого типа сочетаний в долгий гласный (*таг>таш>тош>тоо*—гора. Ср. *суб>суш>суу*—вода).

Уже в тянь-шаньский период (в отличие от енисейского) началось усвоение билабиальных «в» и «ф» и начального «л» в южных говорах киргизского языка.

Общий процесс развития языка шел путем разворачивания его внутренних ресурсов и усвоения необходимых компонентов из других языков.

Тесное общение с русским народом содействовало проникновению в киргизский язык новых слов, фонем и типов слогов, что нашло свое особенно широкое отражение после Октября.

¹ См. С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Изд. АН СССР, 1951, стр. 6—7.

Получила распространение литературная норма, вытесняющая диалектные отличия. Это было связано с созданием единой экономики, построенной на социалистической основе, с усилением межрайонного общения, с созданием школы с обучением на родном языке, распространением печати и многими другими факторами.

В области гласных возникли йотированные сочетания (ёлка, съезд и т. д.). Стали осваиваться сочетания типа «жюри» и др. (вм. жури).

Возникли новые согласные *в, ф, ц, ж* (вагон, Фрунзе, цифра, журнал).

Пополнился слоговой состав киргизского языка (трактор, взвод).

Усилился процесс десингармонизации, освоены новые сочетания гласных в смежных слогах (печать, совет), как и ряд других явлений.

Дружба народов СССР нашла свое отражение в совместном построении коммунистического общества, в обмене опытом и, как результат этого, в заимствовании ряда слов друг от друга. Вместе с пополнением языка многими русскими словами усваивались и новые типы звуков и звукосочетаний. В то же время и отдельные диалектные явления, входя в литературный язык, превращались в категорию общенародного характера.

Наряду с обогащением после Октября фонетической системы киргизского языка, как и других языков СССР, идет усиленный процесс роста лексики и совершенствования грамматического строя, о чем будет указано в последующих частях данного труда.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр
Предисловие	3
Из предисловий к предыдущим изданиям	4
Транскрипция и условные обозначения	11
Введение	13
Фонетика	29
Г л а с н ы е	29
Негубные гласные заднего ряда	29
Негубные гласные переднего ряда	30
Губные гласные заднего ряда	31
Губные гласные переднего ряда	31
Общие замечания к составу кратких гласных киргизского языка	32
Долгие гласные	33
Сравнительная характеристика гласных русского и киргизского языков	46
Из истории и соотношения гласных в киргизском и некоторых других языках	53
Ударение	56
Комбинаторные изменения гласных	62
Явления сингармонизма	62
Изменения гласных в зависимости от комбинации их с согласными	77
С о г л а с н ы е	79
Состав согласных современного киргизского языка	79
Губно-губные (билабиальные) согласные	80
Губно-зубные согласные	84
Переднеязычные шумные согласные	86
Переднеязычные сонорные	90
Среднеязычные и заднеязычные согласные	94
Соответствия согласных в общих корнесловах тюркских языков	99
Согласные в русском и киргизском языках	102
Позиционное размещение согласных в основах	108
О двухсложных и многосложных словах	124
Комбинаторные изменения согласных	142
Корреляция согласных по степени палатализации	142
Озвончение глухих согласных при наложении аффиксальных гласных и в словосочетаниях	143

Озвончение согласных в смежных словах		145
Диссимиляция и ассимиляция		145
Прогрессивная ассимиляция согласных		146
Прогрессивная ассимиляция согласных в смежных словах		150
Регрессивная ассимиляция согласных		151
Метатеза		152
Заключение		153

Игорь Алексеевич Батманов
СОВРЕМЕННЫЙ КИРГИЗСКИЙ ЯЗЫК

Обложка художника *В. Ф. Роека*
Технический редактор *М. Г. Попова*
Корректор *К. Шереметьева*

Подписано в печать 3.VII 1963. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Объем 10,5 п. л.,
уч. -изд. 11 л.

Д—03661

Заказ 1426/1

Тираж 500 экз.

Цена 87 копеек.

г. Фрунзе, типография АН Киргизской ССР

Цена 87 коп.

И. А. БАТМАНОВ СОВРЕМЕННЫЙ КИРГИЗСКИЙ ЯЗЫК

И. А. БАТМАНОВ

СОВРЕМЕННЫЙ КИРГИЗСКИЙ ЯЗЫК

выпуск первый

ФРУНЗЕ 1963